

**Владимирцовские
чтения
VII**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЛАДИМИРЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — VII

Москва
2024

УДК 930 (517.3)

ББК Т3(5Мо)

В57

К 140-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственные редакторы

В. В. Грайворонский, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

С. Л. Кузьмин, д-р ист. наук, канд. биолог. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты

Ю. И. Дробышев, канд. ист. наук, канд. биолог. наук, ФГБУН ИВ РАН

А. И. Шарафетдинова, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

В57 **Владимирцовские** чтения — VII / Ин-т востоковедения Рос.
акад. наук. — М. : ИВ РАН. — 2024. — 288 с.: илл.

ISBN 978-5-907846-31-9

Сборник включает статьи по материалам докладов, сделанных участниками Международной научной конференции «Владимирцовские чтения — VII». Статьи охватывают широкий спектр актуальных проблем монголоведения.

Сборник представляет интерес для монголоведов, историков Центральной и Восточной Азии, политологов, литературоведов, специалистов по международному праву и для всех, кто интересуется данной тематикой.

УДК 930 (517.3)

ББК Т3(5МО)

ISBN 978-5-907846-31-9

© Коллектив авторов, 2024

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Оглавление

Предисловие	5
<i>Балданмаксарова Е.Е.</i> Изображение национально-освободительной борьбы монголов в современной монгольской литературе	7
<i>Батсайхан О.</i> Роль барона Р.Ф. Унгерна в истории Монголии: динамика оценок в монгольской науке	26
<i>Воронцов А.В.</i> Современное состояние проекта «Трехсторонний экономический коридор: Россия–Монголия–КНР»	37
<i>Грайворонский В.В.</i> Развитие Монголии в условиях геополитического кризиса.	50
<i>Дудин П.Н.</i> Категория «марионеточного» государства маньчжуро-монгольских политий в зарубежном общественно-политическом дискурсе в 1930–1940-е годы	65
<i>Железняков А.С.</i> Монгольская цивилизация и межцивилизационное российско-монгольское взаимодействие как факторы независимости и безопасности Монголии	95
<i>Игнатов И.А.</i> Монгольская политика «третьего соседа» и ее влияние на современные российско-монгольские отношения	106
<i>Кадырбаев А.Ш.</i> О значении исследования и перевода китайских письменных источников «Хэй-да-шилүэ» и 98 и 99 цзюаней-глав «Юань-ши» («Истории [монгольской] династии Юань») Николая Цырендоржиевича Мункуева для истории монголов	114
<i>Кузьмин С.Л.</i> Положение в столице Внешней Монголии перед ее взятием бароном Р.Ф. Унгерном в 1921 г.	120
<i>Курапова Е.Р.</i> Экономическое развитие Монголии в рамках СЭВ: из истории темы. 1962–1991 гг.	158

<i>Курас Л.В., Цыбенов Б.Д.</i> Слово как оружие: армейская газета «Героическая красноармейская» в боях на Халхин-Голе	173
<i>Кушков Б.Х.</i> Эволюция восприятия России и Китая монголами в 1990–2020 гг..	187
<i>Митруев Б.Л.</i> О печатях наследника Чагдорджаба и наместника Убаши	196
<i>Натсак О.Д.</i> Женщины в политике и власти современной Монголии.	217
<i>Сыртыпова С.-Х. Д.</i> Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн: преемственность как символ духовного единства монголов	245
<i>Унубилэгт Д.</i> Особенности внешней политики Монголии	260
<i>Цыбенов Б.Д.</i> О письмах Мэрсэ к партийному руководству Внутренней Монголии и МНР, его работе «Современная Монголия» (1929–1930 гг.)	269
Сведения об авторах	285

Предисловие

19 октября 2023 г. в Институте востоковедения РАН прошли очередные «Владимирцовские чтения — VII», которые стали продолжением традиционных научных конференций, посвященных памяти выдающегося российского и советского монголоведа академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). Первые «Владимирцовские чтения» состоялись в 1984 г. С тех пор прошло уже шесть таких конференций, изначально являвшихся всесоюзными, затем — всероссийскими. Отныне данная конференция стала международной.

«Владимирцовские чтения» охватывают широкий спектр тем в области монголоведения: историю, этнографию, филологию, культурологию, политологию, экономику, социологию, религиоведение, международные отношения и др.

Прошедшая в 2023 г. международная конференция «Владимирцовские чтения» — уже седьмая в этом ряду. Ее темой были трансформации общества и государства в Монголии в XX–XXI вв., что весьма актуально как в научном, так и в практическом аспектах, учитывая турбулентное время, в которое эта конференция проходила.

На конференции были рассмотрены следующие вопросы:

- Независимость и безопасность Монголии: история и современность.
- Роль внешних факторов в развитии Монголии.
- Развитие государственности Монголии.
- Социально-экономическое развитие, религия и культура Монголии.
- Российско-монгольские отношения: итоги, проблемы и перспективы.

Особое внимание было уделено анализу современной внешней и внутренней политики Монголии, сотрудничества между

Россией, Монголией и Китаем в условиях обострения международного положения.

Конференция проводилась в смешанном (очном и дистанционном) формате. В начале конференции с приветствиями выступили заместитель директора Института востоковедения РАН канд. ист. наук В. Ц. Головачев и советник-посланник Посольства Монголии в РФ Д. Унубилэгт. Было заслушано 24 доклада исследователей из Института востоковедения РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Калмыцкого научного центра РАН, Российского государственного архива экономики, Института мировой литературы РАН, Государственного Эрмитажа. Следует отметить, что Посольство Монголии в РФ уделило большое внимание конференции, на ней присутствовали семь монгольских дипломатов во главе с советником-посланником Д. Унубилэгтом, который выступил с отдельным докладом «Особенности внешней политики Монголии». Представители МИД РФ участвовали дистанционно.

Конференция показала важность мультидисциплинарного подхода в области исследований Монголии на разных этапах ее исторического развития.

8 (20) июля 2024 г. исполняется 140 лет со дня рождения Б.Я. Владимирцова. Издание данного сборника приурочено к этому юбилею.

Данный выпуск содержит статьи по материалам докладов участников конференции. Он представляет интерес для монголоведов, историков Центральной и Восточной Азии, политологов, литературоведов, специалистов по международному праву и для всех, кто интересуется данной тематикой.

В.В. Грайворонский, С.Л. Кузьмин

Изображение национально-освободительной борьбы монголов в современной монгольской литературе

Аннотация. Статья посвящена национально-освободительному движению монгольского народа в XVII в. и тому, как оно интерпретируется в современной монгольской художественной литературе. В научной исторической литературе освободительную антиманьчжурскую борьбу монголов принято делить на три периода. В статье рассматривается второй этап (1637–1696), который характеризуется драматическими событиями, перечеркнувшими идею объединения трех крупных монгольских княжеств. Потребность осознать, глубже постигнуть масштабы политических и международных событий XVII столетия в Центральной и Восточной Азии, в основе которых взаимоотношения Джунгарии, Цинской империи, Тибета и разрозненных монгольских княжеств, приведшие последних к тотальной зависимости от маньчжурской династии Цин, волнует сегодня многие творческие умы в Монголии. Б. Догмид (р. 1945), обращаясь в своем историческом романе «Орел, парящий в небе» (2021) к одному из ярких харизматичных политических деятелей Монголии второй половины XVII в., правителю Джунгарского ханства, повествует об основных направлениях «монгольской политики» Галдан-Бошокту-хана (1644–1697). Стремление Галдана-Бошокту к объединению монголов под эгидой ойратов основывалось на политике ойратских аристократов, проводимой ими со времен падения Юаньской империи (1368) и сложения Ойратского союза (Дөрвөн ойрат, XV–XVI вв.). Интерес к истории, стремительно возросший к 90-м годам XX в. в монгольском обществе, не ослабевает и в наши дни. Более того, меняется характер этого интереса, да и сам жанр исторического романа, повествующий об одном из сложных периодов монгольской истории, о жизни и деятельности такой выдающейся личности, как Галдан-Бошокту-хан, в эволюционном становлении, в динамике, в ситуациях, как правило, запутанных и конфликтных отношений с окружающими (с Южной Монголией, Восточным Турке-

станом, Цинской империей, Тибетом, Россией), тоже, соответственно, меняется.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: монгольская литература, исторический роман, Б. Догмид, Галдан-Бошокту-хан, Дзанабазар, Канси, Джунгария, Тибет, империя Цин

БАЛДАНМАКСАРОВА ЕЛИЗАВЕТА ЕШИЕВНА, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, Российская Федерация.

E-mail: liza.bur@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

E.E. Baldanmaksarova

Picture of the national liberation struggle of the mongols in modern mongolian literature

АБСТРАКТ. The article is devoted to the national liberation movement of the Mongolian people in the 17th century and how it is interpreted in modern Mongolian fiction. In scientific historical literature, the anti-Manchu liberation struggle of the Mongols is usually divided into three periods. The article examines the second stage (1637–1696), which is characterized by dramatic events that crossed out the idea of unifying the three large Mongol principalities. The need of understanding the scale of political and international events of the 17th Century in Central and East Asia, which were based on the relationships between Jungaria, the Qing Empire, Tibet and scattered Mongol principalities, which led the latter to total dependence on the Manchu Qing Dynasty, worries many creative minds in Mongolia today. B. Dogmid (b. 1945), addressing in his historical novel “An Eagle Soaring in the Sky” (2021) to one of the bright charismatic political figures of Mongolia in the second half of the 17th Century, the ruler of the Jungar Khanate, tells about the main directions of the “Mongolian politics” of Galdan-Boshoktu Khan (1644–1697). The desire of Galdan-Boshoktu to unite the Mongols under the auspices of the Oirats was based on the policy of the Oirat aristocrats, pursued by them since the fall of the

Yuan Empire (1368) and the formation of the Oirat Union (Dorvon Oirat, XV–XVI centuries). Interest in history, which rapidly increased in the nineties of the 20th Century in Mongolian society, continues unabated to this day. Moreover, the nature of this interest is changing, and the genre of the historical novel itself is changing, telling about one of the difficult periods of Mongolian history, about the life and work of an outstanding personality like Galdan-Boshoktu Khan in evolutionary formation, in dynamics, in situations that are usually confusing and conflict relations with others (Southern Mongolia, East Turkestan, Qing Empire, Tibet, and Russia), also changes accordingly.

KEY WORDS: Mongolian literature, historical novel, B. Dogmead, Galdan-Boshoktu-Khan, Zanabazar, Kangxi, Jungaria, Tibet, Qing Empire

BALDANMAKSAROVA ELIZABETH ESHIEVNA, D. Sc. (Philol.), Principal Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 121069, Moscow, Povarskaya Street, 25A, building 1, Russian Federation.

E-mail: liza.bur@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

Среди монгольских исторических лиц XVII в. особо выделяется Галдан-Бошокту-хан — государственный и военный деятель Джунгарии¹, оказавший существенное влияние на судьбы народов Центральной Азии. В исторической памяти народа его

¹ Джунгария (или Джунгарское ханство) — сильное самостоятельное государство ойрат-монголов, образовавшееся после распада монгольской империи Юань (1368) и просуществовавшее до середины XVIII в. на территории Западной Монголии. Ее история была тесно связана с историей Тибета, Империи Цин, киргизов, казахов, Восточного Туркестана. В 1884 г. Джунгария вошла в состав Цинской империи как Синьцзян — «Новая граница». Современные калмыки РФ, переселившиеся на Волгу в XVII в., исторически являются частью ойрат-монголов. Чингис-хан, став великим ханом (1206), разделил Монголию на два крыла: правое (барун гар) и левое (дзун гар). Ойраты входили в левое крыло, поэтому за ними закрепилось имя «джунгары». Как известно, во главе ойратов стояли чороские лидеры — потомки Хасара, брата Чингис-хана. Чороский хан Эсэн-тайши, сын Тогона-тайши, был всемонгольским ханом в 1451–1454 гг. Галдан-Бошокту-хан — потомок младшего сына Эсэн-хана Эсмүна. У Эрдэни-Батура было 12 сыновей от трех жен, шестым по счету был Галдан. Из двух сыновей Юм Агас-хатун Галдан был вторым, и по материнской линии он — торгут, потомок керейтского золотого рода Торгула.

образ оказывается мифологизированным: память о нем жива в Монголии в исторических песнях, небольших устных и письменных рассказах, стихах. Личность Галдан-Бошокту-хана и его военно-политическая деятельность интересовала монгольских, маньчжурских, китайских и русских летописцев и историков, начиная с XVIII столетия [Гуревич, 1983; Златкин, 1964; Лубсан Данзан, 1973; Позднеев, 1883; Цолмон, 1994; Чимитдоржиев, 1974]. Художественное осмысление и освоение реальной истории XVII в., роли наиболее ярких и масштабных исторических личностей этого столетия в монгольской литературе приходится на рубеж последних веков. Личности Галдан-Бошокту-хана, его роли в истории Монголии посвящено немало страниц в романе «Дзанабазар» С. Эрдэнэ [Балданмаксарова, 2022, с. 207–216]. Известен исторический роман монгольского ученого и писателя Д. Цэмбэла «Галдан-Бошокту-хан» [Цэмбэл, 1994]. Мы же в данной статье обратимся к произведению народного писателя Монголии, заслуженного деятеля культуры, лауреата Государственной премии, известного киносценариста Балжирын Догмида. Его исторический роман «Орел, парящий в небе» («Бүргэд тэнгэрт хальдаг», 2021) посвящен монгольской истории XVII в., жизни и деятельности Галдан-Бошокту-хана, весьма неоднозначно трактуемого как в монгольской историографии, так и в художественной литературе.

Исторический роман Б. Догмида «Орел, парящий в небе», посвященный складывающейся историко-политической ситуации в Центральной Азии в XVII в., а также одному из крупных военно-политических деятелей Монголии Галдан-Бошокту-хану, в целом многопланов и многовариантен в изложении соотношений реального факта и художественного вымысла. В романе обнаруживаются, с одной стороны, традиции средневековой монгольской агиографической литературы, а с другой — опора на летописную традицию, исторические хроники и документы при обращении к наиболее ярким событиям национально-исторического масштаба, происходившим в XVII в., при этом автор художественно драматизирует и вносит элементы высокого трагизма в текст произведения. Для жанра данного исторического романа наибо-

лее значимыми проблемами, по сравнению с любой другой типологической разновидностью эпического повествования, являются мера документализма, роль реально существовавшего документального материала в изложении его образной структуры, характер взаимодействия их с творческим воображением писателя. Опора в романе на события и судьбы, документально зафиксированные, имевшие место в реальной действительности, дает возможность автору определиться с жанрообразующей основой, заложенной в тексте. Бесспорно, существенным признаком жанра исторического романа является создание образов реально живших лиц, а также исторических событий, сыгравших ключевую роль в изображаемую эпоху. И это находит свое отражение в сюжетном развитии романа.

Название романа сразу настраивает читателя на положительное восприятие главного героя. Орел, парящий в небе, с которым сравнивается Галдан-Бошокту-хан, — сильный образ, отсылающий к мифологическим, этнофольклорным традициям, глубоко укорененным в сознании монгола-кочевника. Реальный жизненный материал, поднятый писателем для художественного освоения, — исторические, географические, государственно-дипломатические, человеческие, личностные, уникальные биографические факты, судьбы людей — обнаруживает новые стилевые, формообразующие возможности. Использование исторических, летописных материалов, тяга к документальности — это одно из самых заметных стилевых течений в современной монгольской литературе. В данном романе использована переписка Галдан-Бошокту-хана с Далай-ламой V, императором Канси, с губернатором Иркутска, с князьями Халхи, Южной Монголии и др. Автор вводит ее не только как историческое свидетельство, но и как своего рода стилистически-эмоциональное средство. Художественная документальность, надо признать, придает тексту особую напряженность повествования, динамизм и увлекательность сюжетных интриг, правдивость и историчность изложения, а в целом — ценность эстетического свойства. Скажем, достаточно свободное прочтение, интерпретация и комментирование в художественном, лирико-публицистическом аспекте

исторических, летописных документов, их сопоставление, сопряжение с современной автору темой и проблематикой — это важнейший структурообразующий элемент композиции и идейно-смыслового содержания данного романа.

Жанр, в котором написан роман, можно, вслед за В. Оскоцким, определить как «романизованную» биографию или «документализированный» роман-биографию, расширенный военно-политическим, «международным» сюжетом, как особый вид историко-художественной прозы. Основной критерий исторического романа-биографии В. Оскоцкий видит в «создании духовной истории личности», в том, чтобы воссоздать «именно художественно, человековедчески эту историю личности в ее характерной целостности, а не только и не просто в ее профессиональном «самовыражении»» [Оскоцкий, 1980, с. 343–345]. Специфика данного жанра состоит в том, что, во-первых, историческое прошлое выступает как материал для художественно-аналитического подхода автора к изображаемым им событиям. Во-вторых, изображение яркой, неординарной исторической личности, ее отношения с окружающим обществом, с близкими, с самой собой, в целом со временем, в условиях которых ей необходимо реализовать свою историческую задачу, тесно связано с авторской интерпретацией, с авторской оценкой, ввиду чего на первый план в романе выдвигается проблема «Человек и Время», «Люди и Время», решение которой тесно связано автором с понятиями «национальное самосознание», «национальная идентичность».

Проблема исторической личности во времени, судьбы человека в истории, поднятая в романе Б. Догмида, — эта одна из вечных проблем, которая волнует каждое новое поколение, требуя нового взгляда, нового подхода и нового решения. По верному замечанию К. Ясперса, «...история не завершена, она таит в себе бесконечные возможности; любая концепция познанного исторического целого разрушается, новые факты открывают в прошлом не замеченную нами раньше истину. То, что прежде отпадало как несущественное, обретает первостепенную значимость. <...> То, что было, может быть истолковано по-новому. То, что ка-

залось решенным, вновь становится вопросом. То, что было, еще откроет, что оно есть. В прошлом заключено больше, чем было извлечено из него до сих пор...» [Ясперс, 1991, с. 266, 271]. Опора на мысли известного философа, помогающие приблизиться к пониманию «смысла и назначения истории», влияет на наше представление об исторических процессах прошлого и настоящего; оно значительно модифицируется в зависимости от нашего отношения к истории как к течению, носящему прогрессивный или регрессивный характер развития.

При анализе романа, обращаясь к образу Галдан-Бошокту-хана, к одному из ярких и харизматичных лидеров ойрат-монгольского народа, невольно задаешься вопросом, какая идея, овладевшая им, позволяла ему, презрев элементарный комфорт и довольно спокойную размеренную жизнь буддийского тулку (перерожденца), мчаться по бесконечным просторам Центральной и Средней Азии, во имя чего он жил, боролся и действовал? И еще один вопрос, который возникает: какое место занимает Галдан-Бошокту-хан в монгольской истории XVII в., какую роль сыграла его личность в осмыслении монголами своего исторического пути и дальнейшего развития? Образ Галдан-Бошокту-хана, сохраненный в памяти монгольских народов (песнях, устных рассказах), в исторических сочинениях, летописях и в современной художественной литературе, взывает к таким кардинальным философским проблемам художественности, как «личность и воля», «свобода выбора», «путь личности», «защита родины». Галдан-Бошокту-хан (1644–1697) — государственный и военный деятель Западной Монголии, сын правителя Джунгарского ханства Батурхунтайджи был признан воплощением ламы Энса-тулку (Индзанхутухты), с семи лет стал учеником в одном из главных лхасских монастырей. Прибыв из Тибета примерно в середине 1660-х годов, он занимался религиозной и общественно-просветительской деятельностью. Однако после убийства его брата Сенге — хана Джунгарии — в междоусобной борьбе за престолонаследие он был вынужден снять с себя духовный сан в 27 лет и возглавить Джунгарское ханство (1671–1697), представлявшее в то время крупное и сильное государственное объединение. В 1679 г. Галдан полу-

чил от Далай-ламы почетный титул «Бошокту-хан», означавший «ставший ханом по божественному благословению», что, несомненно, подняло его авторитет и способствовало укреплению его положения в странах Центральной и Средней Азии, Дальнего Востока и России.

Роман «Орел, парящий в небе» начинается с рассказа о зрелых годах Галдан-Бошокту-хана. Автор описывает мужчину во цвете лет, предводителя-воина такими словами: «Нынче хан встречал свое сорок шестое лето, но выглядел гораздо моложе своих лет. Белое, чуть отливающее желтизной, его лицо было гладким, без морщин, большие миндалевидные глаза смотрели зорко и пронизательно. Широкоплечий, с могучей, налитой силой грудью, безупречно сложенный, он был по-настоящему красив. В каждом его движении — легком и стремительном — чувствовалась ловкость тигра и неодолимая воля» [Догмид, 2021, с. 176]. Созданный писателем портрет героя («белое гладкое без морщин лицо», «миндалевидные глаза», «широкоплечий», «могучая грудь») с указанием на его характер («зоркие и пронизательные глаза», «тигриная ловкость, неодолимая воля») служит камертоном к изображению связанных с ним дальнейших событий в романе. Прибыв со своей ставкой в Ордос² после неудачной битвы с маньчжурами, Галдан-Бошокту-хан решает вместе с супругой-воительницей Ану-хатун³ посетить дворец Чингис-хана, чтобы первым делом поклониться по древнему обычаю Чингис-хану и хранящимся во дворце священным реликвиям. Б. Догмид для рассказа о жизни Галдан-

² Ордос (ordu(n), ord - монг. двор, резиденция правителя, дворец; ordos, s — суф. мн. ч. – дворцы) — местность в Южной Монголии. Вплоть до Лигдэн-хана Южной Монголией правили старшие потомки Золотого рода Чингис-хана. В XVII в. был разделен на 6 хошунов: ордосское левое крыло и правое, каждое из которых, в свою очередь, делилось на переднее, среднее и тыльное знамя. Ныне это крупный город во Внутренней Монголии КНР.

³ Ану — супруга Галдана-Бошокту-хана, его соратница. Скупые сведения о ней имеются в монгольской летописи «Драгоценные четки» («Эрдэнийн эрих», 1859) Галдан-туслагча. Известный монгольский писатель академик Б. Ринчен посвятил Ану рассказ «Мужественная Ану» («Ану хатан», 1959). Этот рассказ издан на русском языке в переводе Т. Бурдуковой [См.: Ринчен Б. Принцесса и другие новеллы. М.: Худ. лит., 1972].

Бошоку-хана обращается к методу ретроспекции, или, по авторской версии, приему «волшебного зеркала». Во дворце, поклонившись черному военному знамени и священным реликвиям, Галдан-Бошоку-хан обращается с молитвой к духу великого Чингис-хана. Медитируя, он приходит в необыкновенное состояние, в состояние просветления (все же он был перерожденцем), и тогда ему почудилось, что он действительно обрел сиддхи — совершенные способности, свойственные великим буддийским гуру. И, как в волшебном зеркале, перед ним проходит с особой ясностью и отчетливостью вся его жизнь, давая возможность читателю вместе с героем пройти его нелегкий жизненный путь.

Читатель погружается вместе с Галдан-Бошоку в его исповедь, носящую характер воспоминаний, видений, а главное — в его размышления, в его внутренний монолог, которые переданы с такой полнотой, конкретностью и искренностью, что у читателя появляется возможность взглянуть на монгольскую историю XVII в. как бы изнутри, а также пережить вместе с героем особое состояние духовного обращения, приводящее к искренней исповедальности. «А для этого необходимо, чтобы инстинкт человека приобрел духовную глубину и дар духовной любви» [Ильин, 2007, с. 177]. Эти почти сто пятьдесят страниц, отданные автором своему герою для определения, скажем, анализа его прошлых деяний, побед, ошибок и промахов, очень важны для идейно-содержательной, сюжетно-композиционной структуры произведения в целом. И как показывает автор, и для личности самого Галдан-Бошоку-хана, ведь он, увидев, как в зеркале, свое прошлое и осмыслив свои «добрые и недобрые дела», вновь обретает силу духа, энергетический заряд для дальнейшей борьбы во имя восстановления единого сильного монгольского государства. Здесь автор недвусмысленно показывает, что Галдан-Бошоку-хан в своей борьбе следует путем прославленного Чингис-хана, следует его идее объединения разрозненных монголо-тюркских родов и племен, ведь именно ему впервые удалось дать народу представление о силе и мощи единства. Обнаруживается влияние историко-литературного памятника «Сокровенное сказание монголов» («Монгол-ын нууц товчоо», 1240), где впервые выведен на

авансцену истории единый большой народ. «Сокровенное сказание» как фундаментальный текст для многих поколений монголов, обретший со временем практически сакральный статус, дал язык описания, язык выражения чувств, научил глобально мыслить, сформировал взгляд на историю, на культуру, на морально-нравственные стандарты поведения, на выработку этических моделей доблести, героизма, чести и долга.

Восстановление утраченного единства монголов, как видно из романа, явилось сутью политики Галдан-Бошокту-хана, первоочередной задачей в его «монгольской политике». Именно идея объединения всех монгольских земель — Южной Монголии, которая к этому времени уже тридцать лет находилась под цинским господством⁴, трех разрозненных княжеств Халхи⁵ и Джунгарии — в единое монгольское государство, способное противостоять маньчжурской империи Цин, и вера в то, что великая монгольская империя должна возродиться, подвигли Галдан-Бошокту-хана на этот тернистый и полный опасностей путь. Он как правитель Джунгарского ханства, претендуя на ведущую роль в организации объединения всех монголов, не скрывал своих воинственных планов и был готов для достижения своих целей применять силу в отношении халхаских княжеств, когда его дипломатические методы, переговоры и переписка не возымели действий. «Галдан выступил инициатором создания единого антиманьчжурского фронта всех монгольских ханств, — пишет бурятский историк, д. и. н. Ш. Б. Чимитдоржи-

⁴ Экспансионистская политика маньчжурских феодалов была направлена прежде всего против ближайших соседей — Китая и Монголии. Территория, расположенная за пределами границ Цинской империи в первой половине XVII в., принадлежала южномонгольским князьям (в настоящее время — это почти половина территории современного Северо-Восточного Китая) [см. об этом: Чимитдоржиев, 2002, с. 10].

⁵ Халха, или Северная Монголия, состояла из трех крупных княжеств: Тушэту-хан (ханство) — титул ханов, управлявших центральной частью Халхи; Дзасагту-хан (ханство) — титул ханов, управлявших западной частью Халхи; Цэцэн-хан (ханство) — титул ханов, управлявших восточной частью Халхи. Монголосфера же в целом в социокультурном плане состояла из четырех крупных общностей: южные монголы (хошуты, хорчины, баргуты и др.), центральные монголы (халха), западные монголы (ойраты и др.) и наиболее северная часть монголов (буряты), идентифицировавших себя как «Бүгд Монгол».

ев. — С точки зрения общемонгольских интересов эта линия была в тех условиях правильной и перспективной. Однако при проведении этой политики Галдан натолкнулся на противодействие влиятельных халхаских князей, которые обвинили его в насильственных действиях, в захватнических устремлениях» [Чимитдоржиев, 2002, с. 60]. «Я научился малыми силами побеждать большие силы, я научился умного побеждать умом ... И я был всегда тверд и непреклонен, иначе мне не удалось бы перешагнуть через Алтай, иначе бы не было у меня могучих крыльев», — рассуждает Галдан-Бошокту-хан, вспоминая свои завоевания мусульманских земель — Турфана, Туркестана (Восточного Туркестана), свои дипломатические связи с Тибетом и Русским государством [Догмид, 2021, с. 238]. Он вынужден признать, что «теперь отступить поздно. Сразившись однажды, надо продолжать битву до конца. Другого пути нет, ибо не пощадят меня маньчжуры, да и я их не пощажу» [Догмид, 2021, с. 239].

Монгольскому народу суждено было пройти через суровые и тягчайшие испытания во второй половине XVII в., когда вставал вопрос о его существовании в целом — этническом (т. е. об осознании себя монголом) и, пожалуй, даже физическом. Политическая обстановка в Центральной Азии в этот период стала сложной из-за усиливавшегося вмешательства набравшего силу маньчжурского государства Цин в халхаские княжества. Разногласия, возникшие среди ханов Халхи из-за престолонаследия в Дзасакту-ханстве, стали отправной точкой раскола монгольского общества. И этим не преминул воспользоваться маньчжурский император Канси (монг. Богд хаан Энх-Амгалан, 1654–1723), выступая в роли «миротворца». Против политики объединения Монголии под эгидой ойратского Галдан-Бошокту-хана выступал один из крупных и влиятельных халхаских феодалов Тушэту-хан Чахундорж, брат первого Богдо-гэгэна Дзанабазара⁶. Как видно

⁶ Дзанабазар (1635–1723) — второй сын халха-монгольского Тушэту-хана Гомбодоржа, потомка Гэрэсэндэ (1513–1594), младшего сына Даян-хана (годы правления 1470–1504), т. е. он был представителем «золотой ветви» — Чингисидом. В 1639 г., в пять лет, был провозглашен главой буддийской церкви Северной Монголии, признан воплощением тибетского ученого Таранатхи (1575–1634). С 1654 по 1659 г. обучался в тибетской

из романа, авторские симпатии на стороне Галдан-Бошокту-хана, за идею объединения монголов, пусть даже и насильственного на первых порах. Оно было необходимым, по мысли автора романа, ибо игнорирование политики экспансии со стороны империи Цин не отвечало интересам защиты свободы и независимости монголов. Политика Тушэту-хана Чахундоржа, направленная на обострение взаимоотношений с Галдан-Бошокту-ханом, приводит в итоге к военным действиям. Именно Чахундорж спровоцировал Галдана, когда во главе с десятью тысячами воинов напал на Джунгарию, при этом убив младшего брата Галдана Доржава и Дзасакту-хана Шара. А также Чахундорж истребил посольство из трехсот человек, направленных Галданом маньчжурскому императору Канси. Сближение Тушэту-хана Чахундоржа с маньчжурским Канси, а затем его бегство вместе с Джебцзундамбахутуктой I Дзанабазаром (Ундур-гэгэном) в империю Цин, а далее в Пекин приводит к неминуемым военным столкновениям Галдан-Бошокту-хана с Цин.

Джунгария ко второй половине XVII в. стала сильным государственным объединением. Политика Цинского государства была направлена на то, чтобы помешать Галдан-Бошокту-хану осуществить свою мечту и объединить северных и западных, а затем и южных монголов. Поэтому для цинских императоров было крайне невыгодным и даже опасным усиление влияния и авторитета государя Ойрато-Джунгарского ханства на всей территории Монголии. Галдан, получивший буддийское образование с шести до двадцати семи лет⁷ в Тибете во дворце Потала Далай-лам, был близок с Далай-ламой V Агван Лобсан Гьяцо, известным как «Великий Пятый». Особые отношения у него сложились с Сан-

школе Гэлуг под руководством Панчен-ламы три года и год у Далай-ламы V — высших духовных и государственных иерархов Тибета. Учился одно время с Галдан-Бошокту. Стал великим скульптором и живописцем, известен как создатель письменности соёмбо.

⁷ По поводу срока учебы Галдана в Тибете и по сроку его возвращения в Джунгарию есть разные мнения в исторических сочинениях и летописях. Мы же придерживаемся текста романа.

жайжамцем⁸, который сыграл важную роль в международных событиях второй половины XVII в. Их сдружила совместная учеба в тибетском монастыре, и добрые отношения они сохранили в течение всей жизни, и даже когда Санжайжамц (тиб. Сангье Гьяцо)⁹ стал дэсридом. Их объединяло одно стремление — сохранить самостоятельность и независимость своих стран от маньчжурско-цинского господства.

Преследуя свои цели, император Канси настоял на проведении съезда монгольских ханов Халхи с так называемой «примирительной» повесткой. Съезд был созван на территории Западной Халхи в августе 1686 г., на него прибыла делегация от Галдан-Бошокту-хана и от Канси (Богдо-хана Энх-Амгалана). Принятое на съезде решение о полном примирении всех халхаских князей, как показали последующие события, осталось на бумаге. Постановление съезда было нарушено со стороны Тушэту-хана Чахундоржа, что привело к ойрато-халхаскому, а затем и к ойрато-цинскому конфликту. Джунгаро-цинский конфликт, изображенный в романе, связанный также и с требованием Галдан-Бошокту-хана выдать ему Тушэту-хана Чахундоржа и Ундур-гэгэна Джебцзундамба-хутухту, нарастал как снежный ком. Император Канси прекрасно понимал, какие далеко идущие планы вынашивает Галдан-Бошокту, следуя по пути Чингис-хана. Ведь он всего за несколько лет сумел создать сильное государство, завоевать Бухару и Самарканд, казахов и киргизов на западе, а на севере достиг озера Байкал. И эти его успехи нельзя было рассматривать как случайные явления, а его самого как слабого против-

⁸ Санжайжамц (тиб. Сангье Гьяцо) — талантливый ученый-буддист, оставил яркий след в истории Тибета. В 27 лет он был назначен на высшую выборную должность дэсрида (премьер-министра) за три года до кончины Далай-ламы V.

⁹ Известно, что регент Санжайжамц (тиб. Сангье Гьяцо) скрыл факт смерти V Далай-ламы Агван Лобсан Гьяцо (1617–1682) и правил от его имени в течение пятнадцати лет якобы ввиду его ухода в длительное затворничество. Как глава Кабинета, представляющего исполнительную власть, он обладал волевым и жестким характером. После перехода в Тибете власти к хошутскому Лхасав-хану (годы правления: 1706–1717) — внуку монгольского Гуши-хана — Санжайжамц был сослан в дальнее имение и по дороге казнен по указу хана в 1706 г.

ника. В тонкие сети интриг, которые плел маньчжурский император Канси, вслед за феодалами Южной Монголии постепенно попадала и халхаская знать¹⁰. Старания маньчжурской знати по усилению внутренних противоречий между халхаскими княжествами, а также между халхасцами и ойратами не преминули дать свои плоды. По мнению автора романа Б. Догмида, возникновение маньчжурской империи было явлением временным, ибо она появилась «между двумя державами¹¹, как тополь меж скалами». Однако нельзя было не считаться с ней, поглотившей Китай. Ведь теперь она была готова к завоеванию всей Монголии.

Как могучий алтайский орел, облетая земли, наблюдает за бегущим по земле зверьем, так и Галдан-Бошокту-хан должен был следить за тем, какие дела затеваются во дворце Потала — в обители Далай-ламы — и в запретном городе маньчжурского императора в Пекине, который всего за три столетия до описываемых событий, во времена Хубилай-хана, был столицей монгольской державы. Галдан-Бошокту не был безрассудным воином, обуреваемым жаждой власти и завоевания новых земель. В его размышлениях и поступках мы видим живого любящего человека — ученика, сына, мужа, отца; терпеливого, мудрого и дальновидного деятеля в государственных делах; решительного и смелого, непоколебимого в своих решениях, бесстрашного предводителя воинов. Галдан-Бошокту-хан верил, что ему удастся выполнить свою миссию на этой земле — сделать Монголию сильным и могущественным государством, принести мир и благополучие монгольскому народу.

Обратимся к высказыванию монгольского историка Д. Гонгора: «В историю Монголии Галдан-Бошокту вошел как непоколебимый борец против иноземных захватчиков. Став правителем Ойратского ханства, он вел политику, отвечавшую интересам класса феодалов. Но в отличие от многих представителей своего

¹⁰ Окончательное подчинение Халхи маньчжурским завоевателям приходится на конец XVII в. (1691), когда она была превращена цинскими императорами в плацдарм для завоевания Западной Монголии — Джунгарского государства (1697).

¹¹ Имеются в виду Китай и Россия.

сословия, готовых ради корыстных целей предать интересы родины, хан Галдан до конца отстаивал свободу и независимость Монголии» [цит. по: Кычанов, 1999, с. 196–197]. Вот как оценивает деятельность Галдан-Бошокту-хана историк-китаевед, д. и. н. Е. И. Кычанов в книге «Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане» на основе изучения первоисточников в оригинале на китайском языке, а монгольских — в переводе на русский: «В этой неравной борьбе, в которой военное превосходство было целиком на стороне Цин, а большинство ойратов и халхаской правящей верхушки пошли на соглашение с Канси, он [Галдан-Бошокту-хан. — Е. Б.] мужественно и стойко сражался до конца. Возможно, в глазах части его современников упорство и непоколебимость Бошокту-хана выглядели безумством. Но Галдан был одним из немногих представителей своего класса, кто даже если и не осознал, то интуитивно угадал необходимость для исторических судеб монголоязычных народов их борьбы с иноземным господством. Именно поэтому Галдан был и остается национальным героем ойратского народа, человеком, чья нестигаемая воля и смелость вошли в легенду» [Кычанов, 1999, с. 197].

Возникает вопрос, в чем трагедия этого удивительно цельного человека? Как в нем уживались два совершенно противоположных психологических типа: буддийский монах, перерожденец, с одной стороны, и воин, полководец — с другой? Почему великая национальная идея объединения, овладевшая уникальной харизматичной личностью, оказывается утопией и претерпевает крах, делая его в конце жизни одиноким и несчастным? Почему такая, по сути, благородная идея превратилась в конце концов в свою противоположность — в идею трагическую? После драматических событий второй половины XVII в., связанных с освободительной борьбой Галдан-Бошокту-хана, Монголии не суждено было вновь объединиться и восстановить утраченное единство своего бывшего господства, чтобы войти в число крупных государств Центральной Азии. «Тоска по единству, сильной ханской власти, распространяющейся на всю страну, — один из любопытных и приметных мотивов средневекового монгольского фольклора», — пишет Е. И. Кычанов. И как пример он приводит известную монгольскую

легенду: «Жили две змеи. У одной была тысяча голов, а у другой была тысяча хвостов. Что было лучше? Иметь тысячу мудрых голов или тысячу никчемных хвостов? Случилось так, что оказались змеи перед катящейся на них повозкой, которая вот-вот должна была их раздавить. Тысяча голов тысячеглавой змеи, объятые страхом, ринулись в разные стороны. Змея заметалась перед повозкой и была раздавлена ее колесами. А тысячехвостая змея сумела отползти в сторону, так как тысяча ее хвостов покорно последовали за ее единственной головой:

Если два солнца восходят,
Священные воды иссякают.
Если два хана властвуют,
Весь народ погибает.

Монгольский народ не погиб, но сколько раз в течение веков распри ханов и джинонгов, нойонов, тайчжи и зайсанов бросали многие монгольские племена под колеса истории» [Кычанов, 1999, с. 21].

Альтернативный вопрос — «быть или не быть» — неумолимо вставал перед монголами в конце XVII столетия. И он был тесно связан с проблемой централизованной власти, поднятой в романе. Анализируя ход исторических событий и вдумываясь в «линию жизни» Галдан-Бошокту-хана, обнаруживаем тип «героической индивидуальности», который характерен для монгольского народного эпоса. Недаром хан и его ближайшее окружение любили слушать героический эпос ойратов «Джангар» в исполнении знатока эпических песен — джангарчи. Твердый характер, сильная воля и свободный выбор своего пути позволяют Галдан-Бошокту идти до конца, не изменяя себе, своим идеалам, жертвуя собой, своими ближними¹² ради идеи. Тема индивидуальной

¹² Ану-хатун — верная спутница Галдан-хана погибла в бою, а два его сына попали в плен и были отправлены в Пекин, где их казнили. Галдан-Бошокту-хан, принявший последний неравный бой с 50-тысячным войском, возглавляемым самим императором Канси, в декабре 1696 г. был разбит и бежал на запад. Из всех монголов он и его отважное войско осмелились бросить вызов объединенным военным силам маньчжуров. Галдан-Бошокту-хан ушел, выпив смертельную дозу яда.

героической судьбы оказывается основанной на более широкой теме «человек в потоке Времени», и на ней держится вся сюжетно-композиционная структура произведения.

Трагическая развязка романа позволяет коснуться проблемы трагического как предмета художественного отражения в историческом романе. Трагическое, понимаемое как непримиримая борьба сильной волевой личности и ее гибель в этой борьбе, подводит к мысли, что без предпринимаемых решительных действий такой личности, ее индивидуальной воли, без ее стремления к изменению устоявшихся застойных явлений, поиска ею новых возможностей, пусть она и претерпевает поражение в тех сложившихся реальных конкретно-исторических обстоятельствах, трудно открыть дорогу к намеченной цели в будущем. Галдан-Бошокту-хан, безусловно, трагическая фигура, оказавшаяся между требованием исторической необходимости и невозможностью практического его претворения на деле. Он трагичен также по верности своей мечте, по своему убеждению, по велению совести своей, свободно выбранного для себя пути. Образ главного героя воспринимается как источник и стимул для пробуждения сознания народа и поступательного развития общества. По верному наблюдению И. А. Ильина: «Народы медленно созревают к истинной свободе. И история человечества подобна бесконечному круговороту порабощения, страдания, терпения и освобождения» [Ильин, 2007, с. 440]. Уроки прошлого, его опыт показывают, что проигравший практически может оказаться победителем (возвышенным нравственно) в исторической перспективе. Поэтому вклад Галдан-Бошокту-хана в историю монгольского народа несомненен, его роль в решении той конкретной исторической задачи, выходящей за пределы той эпохи, в которой он жил и действовал, безусловна.

Вопрос о национальной судьбе, о своеобразии исторического пути развития монголов в переломный для них период стал сердцевиной структуры романа «Орел, парящий в небе» Б. Догмида. И здесь необходимо подчеркнуть, что не только внешнеполитическая (дипломатическая, международная) проблематика сыграла свою роль, хотя этот вектор в тексте произведения зани-

мает особое место, о чем было отмечено выше. Утрата осознания общности судьбы народа некоторыми представителями монгольской верхушки (Тушэту-хан Чахундорж и др.), переживаемые ими трагические изломы, узость мышления, необоснованные амбиции свидетельствуют о том, что консервативное родовое сознание, общинно-родовая организация жизни еще не были полностью искоренены. Ограниченное родовое сознание еще довлело над сознанием общенациональным, поэтому эта борьба в целом носила внутривизантизационный характер. И эта борьба не могла увенчаться успехом еще и потому, что «у тех, кто брался за то, чтобы провести их в жизнь, не было достаточно обеспеченного тыла, обеспеченного экономически и в общественном отношении, и не было сил и возможностей держать в своих руках пути к иноземным рынкам и к набегам на культурные богатые области» [Владимирцов, 1934, с. 195].

Угол зрения автора на историческое своеобразие пути развития монголов в изображаемый период таков, что позволяет ему осветить прошлое народа, выявляя объективные закономерности в многовариантности истории и многоликости человеческих характеров. Соответствие жанрово-структурной формы произведения изображаемому характеру жизненно-исторического материала позволяет автору сюжетно выразительно, зримо и психологически верно показать выведенных им героев. Роман Балжирын Догмида «Орел, парящий в небе» — это историко-трагическое повествование об оправданной национальной идее, осуществленной в исторической перспективе, но уже на совсем иной социально-политической платформе, чем в изображаемую эпоху, когда эта общенациональная мечта потерпела поражение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Балданмаксарова Е. Е. *Исторический роман «Дзанабазар» монгольского писателя Сэнгийн Эрдэнэ: поэтика жанра, образ героя // Восток (Oriens). 2022. № 3.*

- Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* М., 1983.
- Догмид Б. *Бургэд тэнгэрт хальдаг (Орел, парящий в небе)* /пер. Х. Мэргэн. Улаанбаатар, 2021.
- Златкин И. Я. *История Джунгарского ханства (1635–1758)*. М., 1964.
- Ильин И. А. *Пути России*. М., 2007.
- Кычанов Е. И. *Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане*. Элиста, 1999.
- Лубсан Данзан. *Алтан-Тобчи* /пер. с монг., введ., комм. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Оскоцкий В. Д. *Роман и история. Традиции и новаторство исторического романа*. М., 1980.
- Позднеев А. М. *Монгольская летопись «Эрдэнийн-Эрихэ»*. Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
- Цолмон С. *Галдан Бошогт хаан. Нийгэм улс төрийн уйл ажиллага (1644–1697)* [Галдан-Бошокту-хан. Общественно-политическая деятельность (1644–1697)]. Улаанбаатар, 1994.
- Цэмбэл Д. *Галдан бошогт хаан [Галдан-Бошокту-хан]*. Улаанбаатар, 1994.
- Чимитдоржиев Ш. Б. *Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.)*. Улан-Удэ, 1974.
- Чимитдоржиев Ш. Б. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.* Улан-Удэ, 2002.
- Ясперс К. *Истоки истории и ее цель* // Ясперс К. *Смысл и назначение истории* /пер. М. И. Левина. М., 1991.

Роль барона Р. Ф. Унгерна в истории Монголии: динамика оценок в монгольской науке

Аннотация. В 1920 г. войска под командованием барона Р. Ф. Унгерна вошли из Забайкалья в Монголию и в феврале 1921 г. изгнали оттуда китайские войска. Была восстановлена легитимная власть Богдо-хана и его правительства. С тех пор оценки данных событий в исторической науке Монголии не оставались постоянными. После повторного восшествия на престол Богдо-хан в своем указе высоко оценил вклад Унгерна в восстановление независимости страны. Вскоре после этого к власти пришла Монгольская народная партия, правившая бесценно до 1990 г. В этот период в монгольской историографии существовали однозначно отрицательные оценки деятельности Унгерна. Затем, после возникновения многопартийности, плюрализма мнений, открытия прежде закрытых архивов, эти оценки существенно изменились. Обсуждаются динамика и причины этих изменений. К настоящему времени в Монголии прежние оценки теряют свое влияние и все более укрепляется оценка Унгерна как освободителя страны от иностранной оккупации, восстановителя власти Богдо-хана, без которого бы не было современной независимой Монголии.

Ключевые слова: барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, Богдо-хан, историография Монголии

Батсайхан Оохной, доктор исторических наук, Институт международных исследований Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия.

E-mail: bagi112005@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5543-5664>

The role of baron R. F. Ungern in the history of Mongolia: dynamics of assessments in Mongolian science

ABSTRACT. In 1920, troops under the command of baron R.F. Ungern entered Mongolia from Transbaikalia and expelled Chinese troops from there in February 1921. The legitimate power of the Bogd Khaan and his Government was restored. Since then, assessments of these events in the historical science of Mongolia have not remained constant. After his re-enthronement, the Bogd Khaan in his decree praised Ungern's contribution to the restoration of the country's independence. Soon after, the Mongolian People's Party came to power, ruling continuously until 1990. During this period, there were unequivocally negative assessments of Ungern's activities in Mongolian historiography. Then, after the emergence of pluralism of political parties and scientific opinions and the opening of previously closed archives, these assessments changed significantly. The dynamics and causes of these changes are discussed. By now, in Mongolia, previous assessments are losing their influence and the assessment of Ungern as the liberator of the country from foreign occupation, the restorer of the Bogd Khaan's power, without whom there would be no modern independent State of Mongolia, is becoming more and more strengthened.

KEY WORDS: baron R. F. Ungern-Sternberg, Bogd Khaan, historiography of Mongolia

БАТСАЙХАН ООКННОЙ, Dr. Sc. (Hist.), Institute of International Studies of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

E-mail: bagi112005@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5543-5664>

Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг — одна из тех личностей, отношение к которым в Монголии меняется во времени. В этой статье автор дает краткую схему того, как менялись оценки деятельности в Монголии барона Унгерна с 1921 г., когда он со своими войсками вступил в страну, до нашего времени. Вскоре после

того, как в Монголии к власти пришла Монгольская народная партия (МНП), осенью 1921 г. появилась газетная статья за подписью премьер-министра и министра иностранных дел Монголии Д. Бодо. В ней говорилось, что «в 1920 г. в северные пределы Монголии ворвался российский вор барон Унгерн, не имевший права ступать по своей земле» [Магсаржав, 1994, с. 220]. После этого в речах, статьях, отчетах монгольских чиновников, а также в литературе по истории Монголии нормой стали отрицательные оценки деятельности Унгерна.

В 1928 г. вышла книга по истории Монгольской народно-революционной партии (МНРП). В этой книге есть статья «О захвате бароном Унгерном столицы Хурэ и о сопротивлении Народной партии», написанная Г. Навааннамжилем. Там он обозначен как «российский вор барон Унгерн» [Навааннамжил, 2004, с. 123]. Эти же оценки существовали в период «левого уклона» в МНРП. Один из представителей этого «уклона» У. Бадрах в книге «Опыт успешной борьбы с правыми лицемерами от партии», опубликованной в 1932 г., писал: «Барон Унгерн, мятежник из белой партии и враг» [Бадрах, 2001, с. 21–22].

«Левый уклон» в МНР закончился в 1932 г. В 1934 г. юбилейная комиссия в честь тринадцатилетия Монгольской народной революции и десятилетия провозглашения МНР опубликовала книгу «Краткая история возникновения Монгольской национальной революции». Авторами указаны монгольские лидеры того времени — Х. Чойбалсан, Д. Лосол и Г. Дэмид [Чойбалсан и др., 1979]. Эта книга стала основным учебником монгольской истории XX в. Изложенная в этой книге история страны и монгольской революции в значительной мере до сих пор отражает концепцию новой истории Монголии.

В главе 1 рассматриваемой книги мельком упоминается положение монголов в начале XX в., сообщается о провозглашении Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII неограниченным монархом монголов — Богдо-ханом, а также о провозглашении независимого Монгольского государства и декларации об объединении всех монголов. Как известно, в 1919 г. китайский сановник во Внешней Монголии Чэнь И подготовил документ из 64 статей, на

основании которого монголы должны были отменить свою автономию и «добровольно» сделать свою страну китайской провинцией. Этот документ изначально никто не утвердил, и он остался только проектом. Благодаря обсуждаемой книге он попал даже в монгольские общеобразовательные учебники истории. Далее в книге сообщалось, что группа солдат атамана Г.М. Семёнова собиралась прорваться в Монголию и следовало защитить границы страны. Под этим предлогом Чэнь И «хитрым образом ввел китайских солдат в Хурэ, накапливал силы у границы и под предлогом защиты Монголии от войск даурского правительства ввел войска и потом расположил их в Хурэ и Кяхте» [Чойбалсан и др., 1979, с. 20]. Итак, главными причинами ввода китайских войск генерала Сюй Шучжэна названы действия правительства панмонголистов, временно размещавшегося в Даурии, которому покровительствовал атаман Семёнов. Однако ничего конкретного об этой опасности не сказано. Затем детально сообщается о процессе подчинения Внешней Монголии Китайской Республике при Сюй Шучжэне [Чойбалсан и др., 1979, с. 22].

Затем авторы рассматриваемой книги подробно описали подати с духовных учеников (шабинаров) Богдо-гэгэна в Монголии, заключив, что «именно тот факт, что Богдо... не только не помогал людям, но и мучил их, показал пустоту аристократии». В том же контексте сообщается и о других высших ламах. По мнению авторов, ламы не делали ничего для блага людей, лишь вводили людей в заблуждение, стали орудием присвоения [Чойбалсан и др., 1979, с. 25–26]. Не менее резко оценивается и деятельность аристократов: «Ханы четырех аймаков Халхи, главы монастырей, правители, вельможи, чиновники, приказчики и т. д. правили подобно гигантской змее. У больших феодалов, дворян, было более 130 подданных, а другие феодалы, подобно волкам, скитавшимся в больших количествах, каждый пользовался своими правами и боролся за угнетение народа» [Чойбалсан и др., 1979, с. 26]. Эти оценки рассматриваются как прелюдия к Народной революции.

В конце книги несколько раз упомянут барон Унгерн по известному произведению Магсара-хурца (Магсаржавы) — «Новой истории Монголии», но только в критическом контексте. Унгерна

авторы именуют «вором», подчеркивают убийства в Хурэ после занятия города белогвардейцами. Завершается изложение сведений о деятельности Унгерна словами: «5 сентября 1921 г. в сибирском областном центре городе Омске по постановлению суда был расстрелян барон Унгерн... Арестовав и экстрадировав в страну, барона Унгерна казнили, и в итоге отпраздновали его кончину» [Чойбалсан и др., 1979, с. 262]. Так заканчивается информация о нем в книге. Правда, Унгерн был осужден и казнен не 5, а 15 сентября, и не в Омске, а в Новониколаевске (сейчас Новосибирск).

Сугубо негативные оценки деятельности барона Унгерна в этой книге были направлены на то, чтобы монголы относились к нему с ненавистью, как к злобному убийце и врагу, чтобы они считали изгнание китайских оккупантов из Внешней Монголии заслугой солдат МНП и Красной армии, а не барона Унгерна. Эта идеология строго соблюдалась и имела успех среди монголов. Поэтому во всех книгах по истории МНРП и МНР, опубликованных в социалистическое время в МНР, проводится идея, что героем, изгнавшим китайцев и освободившим Монголию и ее столицу, является МНРП.

В более новом издании — в третьем томе «Истории МНР» — об Унгерне говорится так: «Унгерн — враг советского и монгольского народов» [Бүгд Найрамдах..., 1969, с. 136], «Унгерн является врагом трудящихся русского народа, предав себя японцам, захвативший власть монгольского правительства, готовится вступить против России» [Бүгд Найрамдах..., 1969, с. 156].

Пятитомное издание «Истории Монголии», написанное Институтом истории АН Монголии уже после Демократической революции 1990 г., содержит другие оценки. Там сказано, что барон Унгерн, изгнав китайских солдат, восстановил автономное государство, Богдо-гэгэн VIII был вновь возведен на ханский трон. Тем самым к Унгерну потянулась определенная часть населения, что привело к раздроблению сил борьбы за монгольскую свободу. Унгерн также пытался объединить силы белогвардейцев, что превратило Монголию в плацдарм борьбы между чужеземцами, и тяжелое время было бедствием для народа [Монгол Улсын түүх, 2003, с. 127]. «Вместо того чтобы называть Унгерна “спасителем

Монголии», стремились дистанцироваться от него» [Монгол Улсын түүх, 2004, с. 114]. Эта оценка не столь резкая, как в социалистическое время, но и положительной ее считать не приходится, тем более что за ней следуют фразы довольно двусмысленные и не совсем точные исторически: «Таким образом, установленный в феврале 1921 года режим Унгерна не только усугубил политический кризис монгольской общественности, но и дал начало военным действиям на территории Монголии, которые явились большим вызовом в борьбе за свободу монгольского народа» [Монгол Улсын түүх, 2004, с. 115].

Авторы данного издания не стали описывать реальное положение в Монголии в то время и принизили значимость событий, в которых участвовали войска барона Унгерна, который перешел границу страны осенью 1920 г., неоднократно воевал с китайскими войсками, находившимися в столице, выгнал из Нийслэл-хурэ их десяти тысячное войско, восстановил независимость Монголии, благодаря чему Богдо-гэгэн VIII вновь стал ханом Монголии.

Но в целом в историографии Монголии после 1990-х годов преобладают мнения и позитивные оценки деятельности барона Унгерна в Монголии благодаря новым источникам, переведенным на монгольский язык документам, мемуарам очевидцев Н. Н. Князева, М. Г. Торновского, а также публикациям известного монголоведа С. Л. Кузьмина, в том числе основанной на российских и монгольских документах монографии, также переведенной на монгольский язык [Кузьмин, 2007; 2013].

В истории Монголии 1911–2017 гг., написанной историками О. Батсайханом, З. Лонжидом и другими, наиболее объективно отмечена роль барона Унгерна как освободителя Монголии от китайских оккупантов-гаминов [Батсайхан, 2011; Батсайхан и др., 2018, с. 160].

На некоторых событиях стоит остановиться подробнее. В томе 3 «Истории МНР» изданий 1969 [Бүгд Найрамдах..., 1969, с. 88] и 1984 гг. [Бүгд Найрамдах..., 1984, с. 355] на основе книги Б. Цыбикова «Разгром унгерновщины» [Цыбиков, 1947, с. 64] сказано: «2 октября 1920 г. войска Унгерна численностью 800 солдат ворвались с восточной стороны границы Монголии». Здесь име-

ется в виду, что барон Унгерн вошел без разрешения монголов. Однако в книге Магсаржава — первой книге по новой истории Монголии — говорится о том, что Унгерн после того, как пересек границу, говорил встречным: «Защищая правительство Богдо-хана Монголии, я иду изгнать китайскую армию, оккупировавшую Хурэ» [Магсаржав, 1994, с. 174]. В той же работе отмечено, что после ареста Богдо-хана китайцами «на центральном здании Нийслэл-хурэ было наклеено письмо на монгольском языке с печатью китайского ямыня, где написано, что, когда допрашивали арестованного русского солдата, тот показал, что чин-ван [барон Унгерн. — О. Б.] был приглашен от имени Богдо-хана». Здесь речь идет о Лувсанцэвэне — главе хошуна дархан-чин-вана Тушэтуханского аймака, который поехал приветствовать барона Унгерна, когда тот прибыл к монастырю Брэвэн-хийд на востоке Монголии. Лувсанцэвэн встретился с Унгерном по приказу Богдо-хана. Впоследствии официальное письмо о разрешении на въезд в столицу по совету Лувсанцэвэна было составлено Унгерном для передачи Богдо-хану. Письмо было доставлено при помощи ламы Дэндэвдоржа. Унгерн вскоре получил ответ: «Одобрено с благодарностью, просим срочно прибыть» [Магсаржав, 1994, с. 175–176]. Эти данные указывают на то, что в течение многих лет не указывали в книгах по истории Монголии: Унгерн со своими войсками действовал в Монголии с санкции ее законного правителя, а не как захватчик.

Китайские командиры и чиновники подозревали наличие контактов между Богдо-ханом и бароном Унгерном. Вследствие этого они арестовали Богдо-хана, а затем перевели его под домашний арест. Об этом кратко упоминается и в цитированной выше книге Х. Чойбалсана с соавторами, в которой приводятся и некоторые дополнительные детали [Чойбалсан и др., 1979, с. 165, 170]. В значительной мере в основе этих сведений лежит книга Магсаржава, в то время известная только в рукописи [Магсаржав, 1994, с. 177, 180, 181]. По нашим подсчетам, Богдо-хан был заключен в тюрьму в общей сложности на 49 дней при китайском ямыне (офисе) генерала Го-сылина и освобожден оттуда на 50-й день. Он находился в заключении с 25 октября 1920 г. по 13 дека-

бря 1920 г. Как отмечал Магсаржав, арест Богдо-хана вызвал большое негодование монголов.

Почему освобождение Нийслэл-хурэ было спланировано именно на 4 февраля 1921 г., за несколько дней до монгольского праздника Белого месяца (Цагаан сар) — Нового года, который приходился на 8 февраля? Это было связано с буддийской верой барона Унгерна. Он спросил одного из высших лам, связанных с Богдо — Хухэн-хутухту Жамьяндамбийжанцана, когда он сможет одержать победу при Нийслэл-хурэ, если нападет. Хутухта ответил, что «он сможет победить, если нападет в конце зимы 10-го года Монголии. В противном случае будешь разгромлен» [Магсаржав, 1994, с. 209]. Российский ученый С. Кузьмин в своей книге о бароне Унгерне сообщал, что Унгерн перед освобождением Богдо-гэгэна 29 января 1921 г. тайно связался с ним и для изгнания китайцев из Монголии получил письмо с печатью на желтом шелке. Д. Першин писал, что Унгерн лично разработал план освобождения Богдо, выбрал бурята Тубанова как заслуживающего доверия человека и поручил задание. В то же время Магсархурц писал, что данное поручение было выполнено джанжином Лувсаном. Более 60 тибетцев были выбраны в Хурэ для этой операции. В других источниках сказано, что были выбраны более 70 монгольских и тибетских солдат. Однако Кузьмин пишет, что особый отряд монголов, тибетцев и бурят был сформирован бароном для освобождения Богдо, в него вошли 10 тибетцев во главе с Саж-ламой, 70 монголов во главе с баргутом Лувсаном и буряты во главе с Ц. Тубановым [Кузьмин, 2010, с. 339].

Унгерновцы уничтожили китайские караулы и охрану дворца, затем вошли в храм, где находились Богдо-гэгэн с женой, и освободили их. И в монгольских, и в русских источниках отмечено, что Богдо-хан и его супруга поспешно вышли из храма, убыли вначале в карете, но, как только пересекли лед реки Толы, опасаясь, что китайские солдаты могут преследовать их, сменили карету на лошадей, пересекли гору Богдо-ула и достигли монастыря Манджушри-хийд. По монгольским источникам, Богдо-хан был освобожден из-под ареста 1 февраля 1921 г., а по русским — 2 февраля.

План Унгерна сработал эффективно. Последующие бои привели к освобождению Нийслэл-хурэ от оккупантов. Столица Монголии была освобождена 4 февраля 1921 г. В случае если Богдо-гэгэн был освобожден 2 февраля, то спустя один день, т. е. 4 февраля, унгерновцы освободили Хурэ. Так или иначе, за 4–5 дней до Цагаан сара, как и предсказывал Хухэн-хутухта, Унгерн успешно освободил столицу.

После восшествия на престол Богдо-хан в своем указе отметил, что высоко оценил вклад барона Унгерна в восстановление независимости Монголии: «То, что Унгерн прогнал и уничтожил жестокого врага, сохранив в целости город, установив и обустроив мир в стране и землях, поддержал и сохранил государственную власть, заслуживает глубочайшей благодарности». За заслуги перед Монголией Унгерн был пожалован титулом дархан-хошойчин-вана в степени хана и другими наградами, приличествующими званиям, такими как наследственный зеленый паланкин, оранжевый жилет, желтая узда, трехглазые павлиньи перья, скрепленные аграфом, звание героя-полководца [Монголын түүхийн эх сурвалж, 2010, с. 368].

Так барон Унгерн стал одним из высших монгольских аристократов. В монгольских монографиях и учебниках социалистического времени это обычно трактовалось, скорее, негативно. Унгерн принял буддизм и стал духовным учеником Богдо-хана. Об этом в монографиях и учебниках по истории Монголии долгое время не писали. Даже перед казнью Унгерн носил монгольский желтый халат (дээл) и монгольские сапоги (гутал). После получения известия о казни Унгерна Богдо-гэгэн повелел служить молебны о нем во всех храмах Монголии.

Освобождение Нийслэл-хурэ от китайских оккупантов войсками во главе с бароном Унгерном, признание этого события великим ханом Монголии Богдо Джебцзундамбой, безусловно, является значительным фактом в истории Монголии. В прошлом положительную оценку этому давали, например, белый офицер М. Г. Торновский и знаменитый шведский путешественник С. Гедин, тогда как в МНР, как и в СССР, оценки деятельности Унгерна были отрицательными.

Лишь в последние десятилетия благодаря отсутствию идеологической цензуры, открытию ранее закрытых архивов, находкам новых источников не только в России, но и в Монголии появляется все больше публикаций с непредвзятыми оценками роли барона Унгерна в монгольской истории. Эти публикации находят признание не только среди монгольских исследователей, но и среди широких кругов читателей, в результате чего общее мнение в отношении Унгерна изменилось и продолжает меняться в положительную сторону.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Бадрах У. *Намаас баруун бөөрөнхийчүүд лүгээ тэмцсэн амжилттай их тэмцлийн туршилага* [Успешный опыт борьбы партии с правыми уклонистами] /транслитерация на кириллицу, подготовка к печати, комментарий Ч. Болдбаатар, С. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2001.
- Батсайхан О. *Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба: амьдрал ба домог* [Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды]. Улаанбаатар, 2008 (последующие издания: 2011, 2014; русское издание: 2018).
- Батсайхан О., Лонжид З., Энхбат Ч., Баатар С., Амарсанаа С. *Монголын түүх (1911–2017) [История Монголии (1911–2017)]*. Улаанбаатар, 2018.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх [История МНР]. Т. 3. Улаанбаатар, 1969.
- Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын Түүх, нэмж, засварласан гурав дахь хэвлэл [История МНР, 3-е изд., перераб. и доп.]. Улаанбаатар, 1984.
- Князев Н. Н. *Домогт барон* [Легендарный барон]. Улаанбаатар, 2010: изд. 1-е; 2022: изд. 2-е.
- Кузьмин С. Л. (сост.). *Барон Унгерний тухай баримт, дурдатгалууд* [Барон Унгерн в документах и мемуарах]. Улаанбаатар, 2007.
- Магсаржав. *Монгол Улсын шинэ түүх* [Новая история Монголии] /транслитерация на кириллицу, подготовка к печати, комментарий О. Батсайхан, З. Лонжид. Улаанбаатар, 1994; 2004: изд. 2-е.
- Монгол Улсын түүх. Боть 5, анхны хэвлэл [История Монголии. Т. 5. Изд. 1-е]. Улаанбаатар, 2003.

- Монгол Улсын түүх. Тавдугаар боть, хоёр дахь хэвлэл [История Монголии. Т. 5. Изд. 2-е]. Улаанбаатар, 2004.
- Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921) [Источники по истории Монголии 1911–1921 гг.] /транслитерация на кириллицу, подготовка к печати, комментарий О. Батсайхан. Улаанбаатар, 2003 [2010].
- Навааннамжил Г. Өвгөн бичээчийн өгүүлэл [Рассказы старого писаря]. Улаанбаатар, 1956.
- Навааннамжил Г. Барон Унгерн Нийслэл Хүрээг эзлэн авсан ба Ардын нам лугаа эсэргүүцэн байсан тухай [О том, как барон Унгерн захватил столицу Хурэ и боролся против Народной партии] // Монгол Ардын Хувьсгалт Намын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд [Предложения, связанные с историей МНРП] /сост. Г. Дашням, Ц. Гантулга, На. Сүхбаатар; ред. З. Лонжид. Улаанбаатар, 2004.
- Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтанбулак. Записки очевидца о смутном времени во Внешней Монголии в первой трети XX века // Барон Унгерн в документах и мемуарах /ред. С. Л. Кузьмин. Москва, 2004.
- Торновский М. Г. Монголчуудтайгаа бол би Лиссабон ч хурнэ [Со своими монголами я и до Лиссабона дойду]. Улаанбаатар, 2009: изд. 1-е; 2011: изд. 2-е; 2022: изд. 3-е.
- Цыбиков Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.
- Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. Монгол Ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. Хоёр дахь удаагийн хэвлэл [Краткая история Монгольской народной национальной революции. Изд. 2-е] /сост. Д. Даш. Улаанбаатар, 1979.

Современное состояние проекта «Трехсторонний экономический коридор: Россия — Монголия — КНР»

Аннотация. Для лучшего понимания современного состояния и перспектив изучаемого крупного трехстороннего проекта целесообразно рассматривать его с учетом основных тенденций внешней политики стран-участниц и региональной обстановки. Относительно Монголии в этом контексте уместно подчеркнуть, что страна в настоящее время осуществляет многовекторную политику. В ее рамках в качестве одного из главных приоритетов выдвинута задача реализации концепции «третьего соседа», охватывающая группу стран, географически от нее удаленных, среди которых наиболее успешными партнерами Улан-Батора стали США, Япония и Южная Корея. Очевидно, что главная цель данной политики состоит в поиске сбалансированности и ослабления зависимости от двух естественных географических соседей: России и Китая. Тем не менее именно указанные два государства были, есть и будут главными политическими и торгово-экономическими партнерами Монголии, отношения с которыми являются жизненно важными для Монголии. Это сегодня хорошо понимают в Улан-Баторе, особенно на фоне утраты определенной части иллюзий и завышенных ожиданий магического эффекта от форсированного сотрудничества с Вашингтоном и его союзниками. В рамках же «естественного треугольника» на современном этапе в качестве локомотива сотрудничества выдвинулся глобальный проект выстраивания трехстороннего коридора — Россия — Монголия — КНР, — находящийся в фокусе постоянного внимания высшего руководства трех стран. В данном исследовании рассматриваются тенденции, способствующие и препятствующие продвижению данного проекта, развивающегося в тесном взаимодействии с внешнеполитическими устремлениями вышеупомянутых стран в отношении Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Китай, трехсторонние проекты, транспортный коридор, третий сосед

ВОРОНЦОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ, кандидат исторических наук, заведующий Отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка, 12, Российская Федерация. E-mail: vorontsovav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9451-3728

A. V. Vorontsov

Current status of the project “trilateral corridor: Russia-Mongolia-China”

ABSTRACT. For a better understanding of the current state and prospects of the major trilateral project under study, it will be advisable to consider it in the light of the main trends in the foreign policy of the participating countries and the regional situation. With regard to Mongolia in this context, it is appropriate to emphasize that the country is currently pursuing a multi-vector policy. Within its framework, one of its main priorities is the implementation of the “third neighbor” concept, which includes a group of countries geographically distant from it, among which the United States, Japan and South Korea have become the most successful partners of Ulaanbaatar. Obviously, the main goal of this policy is to seek balance and reduce dependence on the only two natural neighbors: Russia and China. Nevertheless, these two states have been, are and will be Mongolia’s main political, trade and economic partners, relations with which are vital for Mongolia. This is well understood in Ulaanbaatar today, especially against the background of the loss of certain illusions and overestimated expectations of the magical effect of forced cooperation with Washington and its allies. In the framework of the “natural triangle”, the global project of building a trilateral corridor: Russia-Mongolia-PRC, which is in the focus of constant attention of the top leadership of the three countries, has emerged as a locomotive of cooperation at the present stage. This study examines the trends that facilitate and hinder the advancement of this project, which is developing in close interaction with the foreign policy aspirations of the above-mentioned countries with regard to Mongolia.

KEY WORDS: Mongolia, Russia, China, trilateral projects, transport corridor, third neighbor

VORONTSOV ALEXANDER VALENTINOVICH, Ph.D. (Hist.), Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9451-3728

На наш взгляд, для того чтобы лучше понять современное состояние и перспективы обозначенного в названии статьи крупного трехстороннего проекта, будет целесообразно рассматривать его с учетом основных тенденций внешней политики стран-участниц и региональной обстановки.

Относительно Монголии в этом контексте уместно подчеркнуть, что страна в настоящее время осуществляет многовекторную политику. В ее рамках в качестве одного из главных приоритетов выдвинута задача реализации концепции «третьего соседа», охватывающая группу стран, географически от нее удаленных, среди которых наиболее успешными партнерами Улан-Батора стали США, Япония и Южная Корея. Очевидно, что главная цель данной политики состоит в поиске сбалансированности и ослабления зависимости от двух единственных естественных соседей: России и Китая.

Тем не менее именно указанные два государства были, есть и будут главными политическими и торгово-экономическими партнерами Монголии, отношения с которыми являются жизненно важными для степного государства. Это сегодня хорошо понимают в Улан-Баторе, особенно на фоне утраты определенной части иллюзий и завышенных ожиданий магического эффекта от форсированного сотрудничества с Вашингтоном и его союзниками.

В рамках же «естественного треугольника» на современном этапе в качестве локомотива сотрудничества выдвинулся глобальный проект выстраивания трехстороннего коридора: Россия — Монголия — КНР, находящийся в фокусе постоянного внимания высшего руководства трех стран.

В данном исследовании полагаем важным выделить и рассмотреть тенденции, способствующие и препятствующие продвижению данного проекта, развивающегося в тесном взаимодействии с внешнеполитическими устремлениями вышеупомянутых стран в отношении Монголии.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА

Как известно, значимость этого крупного трехстороннего проекта, который на экспертном и политическом уровне обсуждается уже много лет, существенно выросла для Москвы с началом реализации стратегической концепции «Поворот на Восток». Еще больше его важность и актуальность увеличилась после начала Специальной военной операции на Украине (СВО) и введения Западом против России многочисленных пакетов санкций.

В контексте текущей сложной международной обстановки анализ многочисленных имеющихся материалов по теме (включая мнения компетентных экспертов и чиновников) позволяет обнаружить глубинную системную работу стран Запада, прежде всего США, Японии, Южной Кореи — так называемых «третьих соседей» Монголии, — направленную на политическую, экономическую переориентацию Улан-Батора в сторону его удаления от добрососедских отношений с двумя естественными географическими соседями — Россией и Китаем. Представители Запада внушают монгольской элите, что участие в программе «Трехстороннего коридора» еще более усилит зависимость Монголии от РФ и КНР. В том числе западники пытаются убедить, что монголы в условиях новых современных технологий смогут прожить без двух вечных великих соседей, даже если последние в неких гипотетических ситуациях захотят заблокировать сухопутные границы. Ряд стратегически важных и дорогостоящих видов полезных ископаемых, например редкоземельных металлов, при определенной начальной обработке на месте будет возможно поставлять в коммерческих масштабах за границу авиационным транспортом.

В данном контексте необходимо выделить следующий важный аспект. Есть основания полагать, что в настоящее время Запад сконцентрировал внимание на стимулировании антироссийских и антикитайских настроений в монгольском обществе. Этому в немалой степени содействует то обстоятельство, что множество детей монгольской элиты обучаются в вузах трех стран — США, Японии и Южной Кореи, — где сейчас много монголов, и по возвращении на родину сами становятся частью элиты, способствуя усилению прозападной ориентации существенной части правящих кругов государства. Можно предположить, что с целью вызвать в монгольском обществе антироссийские настроения используются различные методы, в том числе попытки эксплуатировать тему репрессий против представителей монгольской элиты, буддийского духовенства и других в 20–30-е годы прошлого века, которые во многих случаях проводились в соответствии с установками Москвы, а иногда и при участии силовых структур Советского Союза.

В последние годы в Монголии и других государствах Центральной Азии активизировались усилия идеологических центров ряда стран Запада по внедрению в информационную повестку дискурса о необходимости пересмотра оценок истории российско-монгольских, советско-монгольских отношений. Последние некоторыми западными и монгольскими авторами трактуются как колониальные, а нынешнее состояние Монголии — как постколониальное. Поэтому указанный дискурс перекликается с внедряемым Западом дискурсом по деколонизации независимых постсоветских государств Центральной Азии. Авторы подобной концепции пытаются представить дело таким образом, что, мол, тесная привязка Монголии к СССР и следование в фарватере политики Москвы имели для Монголии серьезные негативные последствия. Странам Центральной Азии, входившим в состав Российской империи и СССР, в числе многих антироссийских тезисов стараются внушить, что и Первая, и Вторая мировые войны были для них «чужими войнами» («не ваша война») и мобилизованные представители среднеазиатских регионов сражались в армии «метрополий» и погибали за чуждые им интересы Москвы.

Применительно к монгольскому «кейсу» пытаются бросить тень на ярко проявившиеся в период Великой Отечественной войны дух и практику действительно братской интернациональной помощи со стороны монгольского народа в виде крупных поставок в СССР продовольствия, большого количества поголовья скота и лошадей, широко использовавшихся в тот период в Красной армии. Естественно, не остается без внимания западных идеологов и тема релокантов из РФ, вполне охотно принимаемых в Монголии после начала СВО России на Украине, в рамках более широких усилий по нанесению ущерба имиджу России в данной стране на фоне текущих событий. В этом контексте можно отметить, что, например, Южная Корея не принимает релокантов из РФ.

Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что, по крайней мере, на 2022 г. по результатам ряда опросов общественного мнения, проведенных летом 2022 г., Россия оставалась на первой строке в списке наиболее дружественных и близких монголам государств, а персональный рейтинг президента РФ В. В. Путина среди наиболее влиятельных мировых лидеров находился на первом месте. Тем не менее нельзя недооценивать значение предпринимаемых на системной основе усилий стран Запада по нанесению ущерба добрососедским российско-монгольским отношениям и следует постоянно держать их в фокусе нашего внимания. Исторически традиционный для монголов нарратив «не позволим Пекину реализовать свою многовековую мечту по поглощению Монголии и ассимиляции монголов» может встречать сочувствие в том числе на Западе. Есть основания полагать, что многочисленные представительства различных организаций США, включая ЦРУ, в Улан-Баторе неустанно работают с различными слоями монгольского общества для реализации вышеотмеченных целей.

ТРЕХСТОРОННИЙ ПРОЕКТ НА ФОНЕ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В целом представляется, что руководство Монголии понимает многочисленные фундаментальные выгоды для националь-

ной экономики, особенно ее инфраструктурной составляющей, от участия в этом проекте. В частности, имеется заинтересованность монгольской стороны реализовать как можно больше программ в рамках «Трехстороннего коридора» в надежде на то, что подавляющую часть финансовых затрат на их реализацию возьмут на себя два крупных соседа: строительство новых транзитных железнодорожных, автомобильных дорог, газопровода, нефтепровода из России в Китай через Монголию и т. д. Их президент призывает ускорить строительство двух вертикальных ж/д магистралей: западной (Кызыл — Курагино — Монголия (Арц-Сурь) — Урумчи) и восточной (Соловьевск — Чойбалсан — Китай).

Отдельная тема — реализация долгие годы обсуждающегося проекта «Туманган — 2». Монголия хочет в результате его завершения в том числе получить доступ к российским портам на Тихом океане, высказываясь в том духе, что того участка китайского порта в Тяньцзине, который она арендует, ей недостаточно. В частных беседах монгольские представители, объясняя стремление к диверсификации в этой области, выражают надежду, что в России их деятельность будет контролироваться не так жестко, как в Китае.

В конце 2021 г. президент Монголии Ухнагийн Хурэлсух на встрече с В. В. Путиным заявлял: «Мы выдвигаем инициативу продвижения программы “Транзитная Монголия”. Через нашу территорию проходит кратчайший путь, который соединяет Европу с Азией и Россию с Китаем. В планах есть строительство двух вертикальных железнодорожных линий — восточной и западной, которые проходят через восточную и западную части нашей страны. С восточной стороны эта железная дорога соединяет Китай с Забайкальским краем и выходит на дальневосточные порты. А в западном направлении эта железная дорога связывает Кызыл — Курагино и дальше по нашей территории до китайской территории» [Подорожавший уголь...; В отношениях...].

Бесспорно, что их появление на земле было бы выгодно всем участникам. Для России важную дополнительную ценность имеет то, что появление одной или двух новых железнодорожных

линий в Китай значительно бы разгрузило Транссибирскую железнодорожную магистраль (Транссиб) и Байкало-Амурскую ж/д (БАМ), которые в настоящее время перегружены и «задыхаются» от резко увеличившегося после начала СВО товаропотока в направлении Китая.

Но в данном вопросе необходимо различать, бесспорно, огромные потенциальные выгоды для всех трех стран в случае реализации вышеотмеченных проектов и реальные финансово-экономические затраты.

РАЗНОВЕКТОРНОСТЬ ПОДХОДОВ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА К ДАННОМУ ПРОЕКТУ

В контексте реализации вышеотмеченных проектов чрезвычайно важно учитывать реальные финансово-экономические возможности стран-участниц, поскольку все обсуждаемые программы требуют внушительных капиталовложений. При этом, вполне естественно, каждая из трех стран пытается в максимальной степени обеспечить свои собственные национальные интересы, и экономическая конкуренция остается объективной реальностью.

Поэтому неудивительно, что проявляется значительная разница в тональности, степени оптимизма, звучащая в заявлениях, с одной стороны, политиков стран-участниц и, с другой стороны, их бизнес-сообщества.

Так, некоторые российские политики, демонстрируя безграничный оптимизм, считают, что рассматриваемый проект непременно оптимизирует транспортно-логистическую схему работы с Юго-Восточной Азией, с Монголией, с Китаем, с Индией для всех сибирских регионов и откроет выход к миллиардным рынкам сбыта продовольствия и прочих ресурсов из России. Например, депутат Госдумы РФ, экс-заместитель председателя правительства Красноярского края Виктор Зубарев утверждал: «Эта дорога открывает кратчайший путь и оптимизирует транспортно-логистическую схему работы с Юго-Восточной Азией, с Монголией, с Китаем, с Индией для всех сибирских регионов. Грани-

цы на западе сегодня закрыты, но и до востока от СФО 4 тысячи километров, что очень дорого по доставке. А Кызыл — Курагино открывает путь прямо в центре России через Красноярский край, через Туву к миллиардным рынкам сбыта продовольствия и прочих наших ресурсов. Это огромные перспективы» [Подорожавший уголь...].

Однако анализ мнений части прагматичных российских бизнесменов позволяет взглянуть на данный проект с другого угла зрения. Скептики полагают, что Монголия в качестве какого-то серьезного торгового партнера, для которого необходимо провести еще одну железнодорожную ветку, для России на сегодняшний день ничего из себя не представляет. Конечно, есть определенные ресурсы, потребление, но существующих автомобильных переходов, железнодорожного перехода Наушки в основном хватает. Иными словами, бизнес считает, что Монголия для него — это прежде всего транзитный пункт на пути к Китаю. То есть, прокладывая железную дорогу в Монголию, надо подразумевать дальнейшее ее продление до Китая. А это колоссальные вложения денег, причем на территории другой страны, что сопряжено с политическими и международными рисками [Разворот РЖД...].

В развитие этой темы другие экономисты-практики обращают внимание на следующие важные факторы: «У России довольно протяженная граница с Китаем, через которую можно спокойно строить пограничные переходы. И для этого не обязательно использовать буферное государство, которым является Монголия. ... Поэтому серьезно воспринимать этот региональный проект не стоит... Хорошо было бы Кызыл присоединить к общей железнодорожной сети, чтобы регион наконец был охвачен железнодорожным сообщением, при этом не только грузовым, но и пассажирским. Нужно в первую очередь интегрировать регион в российскую экономику, а потом уже думать, как его связывать с другими странами» [Разворот РЖД...].

Анализ современного состояния процесса реализации «трехстороннего коридора» в рамках в целом успешно развивающегося экономического сотрудничества между Россией и Монголией выявляет ряд определенных сложностей и разночтений.

Рассмотрим данный вопрос на конкретных примерах.

Как известно, на сегодняшний день флагманом экономического взаимодействия является Уланбаторская железная дорога (УБЖД) протяженностью 1810 км, которая давно и надежно обеспечивает пассажиро-товаропоток между Россией — Монголией — Китаем с 1949 г. Российская и монгольская стороны имеют в этом совместном акционерном обществе по 50% собственности.

Но и здесь есть целый ряд расхождений между партнерами. Назовем некоторые из них:

1. Монгольская сторона многократно настаивала изменить соотношение в уставном капитале на 51%: 49% в пользу Монголии. Но российская сторона такие предложения отвергла.
2. Монгольские партнеры предлагают поменять ныне существующую российскую (широкую) колею железнодорожного полотна на международную (в том числе китайскую) узкую колею. Российская сторона не поддерживает эту идею.
3. Недавно монгольские представители подыскивали американскую компанию-инвестора, выразившую желание принять участие в модернизации УБЖД. Москва не одобрила этот выбор.
4. В настоящее время в Монголии готовят новый транспортный закон, который, как опасаются российские эксперты, будет способен ущемлять права России в данном акционерном обществе.
5. Есть сведения, что монгольские представители сейчас разрабатывают проект переноса всего комплекса штаб-квартиры — руководящих структур и их инфраструктурного обеспечения УБЖД — из Улан-Батора за город, в район недавно построенного международного аэропорта, где планируют создать крупный транспортный хаб. Их главная цель — освободить значительный участок «дорогой» земли в Улан-Баторе и продать ее под городскую застройку. Российские представители негативно относятся к этой затее, поскольку не уверены, что на новом месте их возможности и права не будут ухудшены.

В этом контексте уместно вспомнить и про то, что недавно российская сторона отказалась от идеи строительства трансмонгольского нефтепровода с ответвлениями в сторону монгольских нефтеперерабатывающих предприятий, посчитав его нерентабельным и обосновав целесообразность продолжения снабжения нефтью указанных заводов по железной дороге.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сохраняются разногласия между Москвой и Улан-Батором относительно планов монгольской стороны построить каскад электростанций на притоках реки Селенга и на ней самой, в том числе в рамках проекта «Минис». Как известно, Селенга — главный поставщик воды в озеро Байкал. Российская сторона опасается, что в результате возведения вышеупомянутых ГЭС водосбор в озеро Байкал сократится, а качество воды ухудшится. При поддержке ЮНЕСКО Москва добилась в 2019 г. остановки строительства вышеотмеченных гидрообъектов на территории Монголии, что вызвало негативную реакцию в части монгольской элиты и общественного мнения.

В этой связи следует упомянуть и опасения России (и не только ее) в связи с программой Монголии «Видение — 2050», одобренной в 2019 г. и получившей название «Синий конь», призванной обеспечить широкомасштабную переброску водных ресурсов из северных районов республики на юг, в район полупустыни Гоби, для обеспечения водой планируемых к строительству там объектов тяжелой промышленности (20 мегапроектов). И хотя это пока только концептуальная идея, она вызвала серьезную обеспокоенность среди общественности России (так же, как и Монголии, части международного экспертного сообщества) возможными крайне негативными последствиями для экологии ряда регионов наших стран [Симонов, Дугэрсурэн...].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, в насколько сложном комплексе внешнеполитических и внутренних факторов происходит реализация широкомасштабного проекта «Трехстороннего коридора». Пока, как известно, на деле относительно успешно начинает развиваться только программа прокладки Трансмонгольского газопровода (963 км по территории Монголии) в рамках строительства газопровода «Сила Сибири–2» в Китай. Однако окончательное соглашение между РФ и КНР по данному проекту до сих пор не подписано. Вопреки ожиданиям не удалось согласовать расхождения сторон и в ходе саммита в рамках III форума международного сотрудничества «Один пояс — один путь» в Пекине 17–18 октября 2023 г. Дискуссии продолжают по широкому спектру аспектов проекта (режим прав участников на добычу, транспортировку газа и др.), в рамках которых участок газопровода на монгольской территории не является камнем преткновения.

Данный факт подтверждает обоснованность оценок характера участия КНР в рассматриваемом трехстороннем проекте тех компетентных наблюдателей в России, которые утверждают, что в настоящее время китайский бизнес занял выжидательную позицию, полагая, что время работает на него и он может подождать созревания более выгодных для себя условий для более активного включения в реализацию данного проекта.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- В отношениях между Монголией и Россией нет нерешенных вопросов // Известия. 15.12.2021. URL: <https://iz.ru/1264395/elmar-bainazarov/v-otnosheniakh-mezhdu-mongoliei-i-rossiei-net-nereshennykh-voprosov> (дата обращения: 29.02.2024).
- Подорожавший уголь перезагрузил проект строительства железной дороги через Туву в Китай. Октагон Сибирь и Дальний Восток. 10.03.2022. URL: <https://dzen.ru/a/YimZ9IG8VCts3ZAq> (дата обращения: 11.10.2023).

Разворот РЖД обнажает монгольские риски. Железнодорожные магистрали в лице ветки Кызыл — Курагино стремятся в сторону Китая с остановками // Лента. 07.07.2022. U R L : <https://vgudok.com/lenta/razvorot-rzhd-obnazhaet-mongolskie-riski-zheleznodorozhnye-magistrali-v-lice-vetki-kyzyl> (дата обращения: 10.10.2023).

Симонов Е., Дугэрсурэн С. Анализ. Монголия планирует огромное количество проектов разрушительной водной инфраструктуры. 07.06.2021. U R L : <https://www.thethirdpole.net/ru/546/74287/> (дата обращения: 09.10.2023).

Развитие Монголии в условиях геополитического кризиса

Аннотация. В статье рассмотрены особенности, преимущества и ограничения международного положения Монголии в современном мире, основные направления ее современной внешней и внутренней политики в условиях обострения главного внешнеполитического фактора — геополитического кризиса между соседними, дружественными странами, стратегическими партнерами, великими державами (Российская Федерация, КНР и дружественные им страны), с одной стороны, и их визави — «третьими соседями», коалицией стран коллективного Запада во главе с США — с другой. Подведены итоги внутривнутриполитического и социально-экономического развития Монголии в 2023 г., первые результаты комплекса реформ. Автор предпринял попытку предсказать перспективы развития Монголии в ближайшие годы.

Ключевые слова: Монголия, геополитический кризис, программа нового восстановления, поправки Конституции 1992 г., политическая система, итоги 2023 г. и перспективы развития

ГРАЙВОРОНСКИЙ Владимир Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН. 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация.

E-mail: graiv2000@mail.ru

ORCID ID:0000-0001-9842-401x.

V. V. Graivoronskii

Mongolia's development in the context of geopolitical crisis

ABSTRACT. The article considers the features, advantages and limitations of Mongolia's international position in the modern world, the main

directions of its modern foreign and domestic policy in the content of aggravation of the main foreign policy factor — geopolitical crisis between the immediate neighbors, friendly, strategic partners, leading powers (Russian Federation, People's Republic of China and friendly countries), on the one hand, and their opponents (“third neighbors” of the “collective West” led by the United States), on the other hand. The article summarizes the results of internal political and socio-economic development of Mongolia in 2023, including first results of the complex of political, economic and judicial reforms carried out by the Government of L. Oyuun-Erdene. The author tried to predict the prospects of Mongolia's development in the coming years.

KEY WORDS: Mongolia, geopolitical crisis, program of new economic revival, amendments to the 1992 Constitution, improvement of the political system, 2023 results, development prospects

GRAIVORONSKII VLADIMIR VIKTOROVICH, D. Sc. (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 107031, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russia.

E-mail: graiv2000@mail.ru

ORCID ID:0000-0001-9842-401x.

Современный мир развивается в новых, сложных международных условиях резкого обострения геополитического кризиса отношений между ведущими державами мира, в том числе между США, коллективным Западом и их союзниками, с одной стороны, и Россией, КНР и дружественными им странами — с другой. Кризис проявляется в ведении комплексной политической, торгово-экономической, информационной, культурно-цивилизационной гибридной войны, в новом расколе мирового сообщества, разрушении старого, однополярного миропорядка и формировании нового, многополюсного миропорядка.

Цель статьи состоит в том, чтобы, опираясь на многолетний, почти 70-летний, опыт изучения истории, экономики, внешней и внутренней политики Монголии, попытаться кратко, в обобщенной форме, определить и сформулировать некоторые основные особенности внутренней и внешней политики современной

Монголии в условиях резкого обострения геополитического кризиса и определить перспективы развития Монголии на ближайшие годы. Понимая всю масштабность и сложность охвата и освещения такой обширной, сложной, многоплановой темы, автор стремился сконцентрировать внимание на некоторых основных, ключевых, по его мнению, моментах развития современной Монголии.

Особенности международного положения и внешней политики Монголии

В современных условиях перед Монголией по-прежнему стоит чрезвычайно сложная задача — найти и сохранить свое достойное место в бурном, турбулентном мире среди больших и малых, развитых и развивающихся стран и продолжить прогрессивное развитие.

Как известно, Монголия занимает уникальное географическое и геополитическое положение в мире, в центральной части Азиатского континента, без выхода к морю, на стыке регионов Внутренней, Восточной, Северо-Восточной Азии, между двумя великими дружественными державами — Россией и Китаем, а также между старыми и новыми, существующими и формирующимися международными политическими, экономическими, военными организациями (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, БРИКС, инициатива Пояс и Путь, AURUS и др.).

Главная и определяющая особенность, а также огромное преимущество современного международного положения Монголии в нынешнем беспокойном, турбулентном мире состоит в том, что в настоящее время и в ближайшем будущем у нее отсутствуют реальные, непосредственные угрозы ее национальной безопасности. Эта ее особенность обусловлена прежде всего тем, что Монголия полностью находится в окружении двух дружественных великих держав — России и Китая, которые признают ее права на суверенитет, самостоятельное, независимое развитие, выбор собственного пути развития, равноправие, государственные гра-

ницы, территориальную целостность, статус безъядерной зоны, уважают и учитывают особенности международного положения и внешней политики Монголии.

Другая важная особенность современного международного положения Монголии состоит в том, что в конце XX — первой четв. XXI в. Монголия стала одним из важных узлов пересечения, переплетения и столкновения национальных интересов многих ведущих держав региона и мира, в том числе ее непосредственных соседей — России и КНР, а также влиятельных «третьих соседей» — США, ЕС, Японии, Республики Корея, Индии, Турции и др., которые имеют в Монголии свои стратегические, геополитические, экономические, военные, культурно-цивилизационные и другие интересы.

В нынешних сложных условиях очередного обострения геополитического кризиса Монголия определила и последовательно проводит открытую, самостоятельную, миролюбивую, «многополярную» внешнюю политику, направленную на установление и поддержание дружественных отношений и равноправного, взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами мира, независимо от их общественно-политического строя и политического режима, нейтральную по отношению к противоречиям и борьбе между ведущими державами, которые непосредственно не затрагивают национальные интересы Монголии [Монгол улсын...].

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В целом российско-монгольские отношения развиваются в соответствии с Договором о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией, подписанным 3 сентября 2019 г. во время визита президента России В.В. Путина в Монголию по приглашению президента Монголии Х. Баттулга.

В 2022 г. товарооборот между Россией и Монголией увеличился более чем на 40% и достиг исторического максимума — 2,7 млрд долл. [Межгосударственные отношения...; URL: <https://tass.ru/ekonomika/19087375?ysclid=lobaso8m68374332364> (дата об-

ращения: 23.10.2023)], но в 2023 г. не достиг запланированного 3-миллиардного рубежа. Между тем монголо-китайский товарооборот в июле 2023 г. установил очередной исторический рекорд — 10 млрд долл.

Важным событием в двусторонних российско-монгольских отношениях стал официальный визит 23–25 сентября 2023 г. делегации Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации во главе с ее председателем В. Володиным по приглашению председателя Великого Государственного Хурала Монголии Г. Занданшатара. В рамках визита состоялось первое заседание межпарламентской Комиссии по сотрудничеству между Федеральным собранием РФ и Великим Государственным Хуралом Монголии, недавно созданной для законодательного обеспечения экономического, финансового, межбанковского взаимодействия между Россией и Монголией [В Улан-Баторе...].

23 октября 2023 г. в Улан-Баторе состоялось очередное, 25-е, заседание Межправительственной российско-монгольской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, на котором был обсужден ряд актуальных вопросов сотрудничества, включая снижение таможенных пошлин при ввозе монгольских товаров в Россию, модернизация Улан-Баторской железной дороги, строительство ГЭС на трансграничной р. Селенга и др. Почти 95% товарооборота между Россией и Монголией составляют российские товары, прежде всего бензин и дизельное топливо. Были достигнуты договоренности по ряду вопросов: о дальнейшем отходе России и Монголии от использования в расчетах национальной валюты недружественных стран, об увеличении уставного капитала совместного российско-монгольского предприятия АО «Улан-Баторская железная дорога», об увеличении квоты монгольских студентов для обучения в вузах России до 620 бюджетных мест и др. [Виктория Абрамченко...].

В настоящее время подавляющее большинство расчетов между Россией и Монголией происходит в национальных валютах дружественных стран. Для развития флагманского российско-монгольского предприятия «Улан-Баторская железная дорога» принято решение об увеличении уставного капитала за счет иму-

щества и денежных средств. В 2024 г. Россия поставит в Монголию четыре грузовых тепловоза [Россия и Монголия...].

Осуществляются крупные проекты по модернизации ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4 в Улан-Баторе, построенных при помощи СССР, реализуется программа модернизации Трансмонгольской магистрали, которая служит в качестве центрального железнодорожного коридора в рамках выполнения Программы создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия. На завершающей стадии идут переговоры о заключении соглашения о строительстве газопровода «Сила Сибири-2» из России в Китай через территорию Монголии.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

За истекшие три года ныне действующее правительство Монголии во главе с Л. Оюун-Эрдэнэ в трудных условиях распространения глобальной пандемии COVID-19, снижения темпов экономического развития разработало и успешно реализует «Программу нового восстановления» экономики, открытия новых сухих портов, строительства новых железных дорог, повышения экономической отдачи от проекта «Оюу-Толгой», преодоления экономического спада в 2020 г., повышения темпов роста национальной экономики — с 4,6% в 2020 г. до 6,8% в конце 2023 г., — повышения заработной платы и пенсий, борьбы с коррупцией.

Рост основных показателей социально-экономического развития Монголии за последние годы дает основания для высказывания предположений о том, что в настоящее время Монголия находится на пороге нового этапа своего развития, нового подъема во всех сферах жизни: внутривнутриполитического, экономического, экологического, культурного и гуманитарного развития на базе широкого использования международного опыта, новых, современных, прогрессивных технологий (информатизация, цифровизация, искусственный интеллект, достижения современной науки).

По нашему мнению, показателями такого развития служат те большие изменения, которые происходят во всех областях жизни

монгольского общества, в том числе законодательной, внутренней и внешней политике, политической системе, экономике, социальной сфере и культуре, за последние годы, в 2018–2023 гг.

В 2018–2023 гг. в Монголии продолжались (и продолжают) настойчивые поиски путей дальнейшего совершенствования многопартийной политической системы, которая постепенно фактически переросла в двухпартийную систему (крупнейшие, ведущие партии — Монгольская народная партия и Демократическая партия) и имеет тренд перерастания в однопартийную систему. В связи с этим в 2019 и 2023 гг. в конституцию страны были внесены существенные изменения и поправки. В 2019 г. были сокращены и ограничены права и полномочия президента. Полномочия президента были ограничены одним сроком вместо прежних двух (каждый по четыре года) при одновременном увеличении этого срока с четырех до шести лет. В соответствии с изменениями, которые были внесены в 2019 г., полномочия ныне действующего президента Монголии Ухнаагийн Хурэлсуха распространяются на период 2021–2027 гг. Одновременно были расширены права премьер-министра, который получил право формировать и изменять состав Кабинета министров, назначать и освобождать министров по согласованию с президентом и парламентом. Нынешний премьер-министр Л. Оюун-Эрдэнэ уже неоднократно использовал это свое право. Проведена реформа судебной системы.

В 2023 г. на основе результатов предварительного опроса общественного мнения о целесообразности внесения новых поправок в конституцию Великий Государственный Хурал (ВГХ) внес ряд новых существенных поправок и дополнений в конституцию страны. Подтверждено, что Монголия остается по-прежнему парламентской республикой. Тем самым длительные оживленные общественные дискуссии о целесообразности перехода от парламентской формы правления к президентской на данном этапе завершились в пользу сохранения парламентской формы власти. В 2023 г. Великий Государственный Хурал принял принципиальное решение об увеличении общего числа депутатов парламента с 76 до 126, или на 40%. Предыдущая деятельность ВГХ в соста-

ве 76 депутатов показала, что прежний количественный состав депутатов в недостаточно полной степени отражал волю и интересы избирателей, политических партий, общественных движений, развития парламентской демократии. По сравнению с первыми выборами ВГХ в 1992 г. общая численность избирателей в стране увеличилась с 1 млн до 2,3 млн человек, или в 2,3 раза [Ж. Мөнхбат...]. В 2023 г. ВГХ принял несколько пакетов новых законов, в том числе о ВГХ, новой избирательной системе, о политических партиях, Национальную программу по борьбе с коррупцией и др. Тем самым были созданы законодательные предпосылки для дальнейшего совершенствования политической системы, расширения парламентской демократии, формирования финансирования и контроля за деятельностью политических партий. Изменена прежняя мажоритарная избирательная система, введена смешанная мажоритарно-пропорциональная система — в пропорции 60–40%. 78 депутатов нового парламента будут избраны на основе мажоритарной системы по избирательным округам, а 48 депутатов — по пропорциональной системе.

Наряду с этими позитивными изменениями в монгольском обществе идут сложные политические процессы, связанные с недостатками политической и социально-экономической систем, снижением уровня доверия избирателей к политическим партиям, недовольством многих граждан распространением таких негативных явлений, как коррупция, социальная несправедливость, рост цен, низкий уровень жизни, бедность, злоупотребление служебным положением в корыстных целях и др. Не случайно спикер ВГХ Монголии Г. Занданшатар, выступая на открытии осенней сессии ВГХ 8-го созыва 1 октября 2023 г. и отражая мнение большинства избирателей, в частности, следующим образом сформулировал цель совершенствования политической системы: «Граждане единодушно требуют оставить позади устаревшее, неповоротливое, закрытое, секретное, глухое государство и в противовес ему сформировать открытое, динамичное, прозрачное, сильное государство, которое всегда находится вместе со своим народом» [Г. Занданшатар...]. В соответствии с этими требованиями ВГХ, работая оперативно и при-

слушиваясь к пожеланиям народа, принял большое число законов, гарантирующих права граждан на участие в управлении, контроле, привлечении общественности к борьбе с преступлениями и нарушениями.

Поставлена задача превратить существующую вертикальную систему ответственности в горизонтальную систему, которая опирается на участие и совместный контроль со стороны граждан, гражданского общества, СМИ [Г. Занданшатар...].

По мнению Г. Занданшатара, «возникла неотложная необходимость провести комплексное реформирование дисциплины и ответственности на всех уровнях, уменьшить избыточные функции государства, которые стали основной причиной распространения коррупции, резко уменьшить вмешательство государства в экономику. С этой целью необходимо срочно принять пакет законов в поддержку бизнеса, производства, созидателей богатств» [Г. Занданшатар...].

В соответствии с недавно принятым решением ВГХ 28 июня 2024 г. состоятся очередные парламентские выборы, которые впервые пройдут по обновленной избирательной системе и по новым укрупненным избирательным округам. 78 депутатов из 126 будут избраны по мажоритарной системе и 48 депутатов — по пропорциональной системе. Можно предположить, что по сложившейся традиции на парламентских выборах 2024 г. развернется острая борьба между двумя ведущими партиями — правящей Монгольской народной партией и оппозиционной Демократической партией.

Развитие экономики Монголии

В 2019–2021 гг. Монголия, как и большинство стран мира, столкнулась с проблемой борьбы с глобальной пандемией COVID-19, которая нанесла существенный ущерб экономике страны. В 2020 г. производство ВВП сократилось на 4,6%. По оценкам ВОЗ и других международных организаций, Монголия успешно справилась с последствиями пандемии и одной из первых открыла свои границы.

В 2021 г. прирост ВВП составил 1,2%, в 2022 г. — 5,3%, по итогам 2023 г. — 6,8% [Ерөнхий сайд...]. По состоянию на конец 2023 г. валютные резервы Монголии увеличились с 2,7 млрд до 4,5 млрд долл. [Ерөнхий сайд...]. В 2023 г. впервые продажа угля и другой продукции горнодобывающей промышленности была организована через биржу, что дало свои положительные результаты. После возвращения в государственную собственность горнообогатительного предприятия «Эрдэнэт», незаконно приобретенного частной монгольской компанией, госбюджет страны пополнился на 1,8 трлн тугриков. В результате урегулирования длительного спора между правительством Монголии и транснациональной компанией Рио Тинто по вопросу о повышении экономической эффективности участия Монголии в проекте «Оюу-Толгой» была обнулена задолженность правительства Монголии в сумме 2,3 трлн тугриков. В результате цифровизации и открытия биржевой торговли углем валютные запасы страны превысили 4 млрд долл., а доходная часть бюджета пополнилась на 1,7 млрд долл. по сравнению с запланированными показателями [Л. Оюун-Эрдэнэ: «Эрдэнэт»-ийн...].

В 2023 г. объем ВВП Монголии впервые достиг 15 млрд долл., среднедушевой ВВП — 5 220 долл. [Ерөнхий сайд...]. Введены новые промышленные предприятия, железные дороги Зуунбаян — Сайншанд, Таван-Толгой — Шивээхурэн. Успешно, по плану, ведется строительство национального нефтеперегонного завода в сомоне Алтанширээ аймака Дорноговь на средства льготного кредита правительства Индии 1,2 млрд долл. С вводом в строй НПЗ Монголия будет перерабатывать до 1,5 млн т сырой нефти, получать свыше 1,2 млн т нефтепродуктов и удовлетворять свои потребности на 55% [Л. Оюун-Эрдэнэ: Газрын...].

В последние годы в Монголии создана и успешно работает национальная цифровая система госуслуг «Э-Монголия», которая обеспечивает свыше 1000 видов госуслуг [Цааснаас цахимд...].

В сельском хозяйстве страны в 2023 г. был собран хороший урожай: 456 тыс. т зерновых, в том числе 434 тыс. т пшеницы, 175 тыс. т картофеля, 183 тыс. т овощей, 253 тыс. т кормовых культур, 50 тыс. т растительного масла. Благодаря этому потребности Мон-

голии в зерне и картофеле будут обеспечены на 100%, в овощах — на 85% за счет собственного производства [Х. Болорчулуун...].

По данным Министерства продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии на сентябрь 2023 г., поголовье скота в стране только за один год увеличилось на 3,8 млн голов и достигло нового, рекордного, показателя — 80 млн голов [МАА-н салбарын...]. Никогда во всей многовековой истории Монголии поголовье скота не достигало такой большой численности. По всей видимости, эти показатели можно рассматривать как близкие к максимальному пределу, который может быть достигнут в условиях традиционного пастбищно-кочевоего животноводства. В настоящее время стратегия развития традиционного монгольского животноводства направлена не на максимальное увеличение поголовья, а на улучшение качественных показателей.

Недавно министр продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии Х. Болорчулуун, отвечая на запрос одного из депутатов парламента, подчеркнул: «Задачу измерения эффективности отрасли животноводства мы осуществляем не через количественные, а через качественные критерии» [МАА-н салбарын...].

Однако нынешняя зима и весна 2023–2024 гг. оказались более суровыми по сравнению с прошлыми относительно благополучными годами. На части территории страны прошли обильные снегопады, дороги и перевалы оказались засыпаны снегом, наступили сильные холода. По данным метеорологической службы Монголии, в конце декабря 2023 г. около 90% территории страны оказалось в зоне риска возникновения дзута (бескормицы), в том числе 57% территории — в очень сильной степени, свыше 23% — в сильной степени [Зудын эрсдэл...], в результате которого домашние животные не могут самостоятельно добраться до подножного корма на пастбище и от голода начинают погибать в массовом количестве. За последние 10–12 лет не было таких обильных снегопадов и сильных морозов (до -40–45° в Западной Монголии). По данным Государственной чрезвычайной комиссии, на конец марта 2024 г. непроизводительные потери скота от сильного дзута, охватившего территорию 65 сомонов (районов)

16 аймаков (областей) из 21, составили 5,9 млн голов, или 9,2% от общего поголовья [Зудын улмаас].

По предварительным данным переписи скота в декабре 2023 г., общее поголовье в стране составило 64,7 млн, или сократилось на 9,1% по сравнению с 2022 г. [МАН-н салбарын...]. Снижение численности поголовья произошло прежде всего в результате изменения политики в области развития традиционного пастбищно-кочевое животноводства. Государственная политика в области развития традиционного животноводства направлена не столько на рост количественных показателей, сколько на улучшение качественных, на повышение интенсификации, улучшение ветеринарной службы, внедрение современных методов ведения хозяйства, улучшение породистости и продуктивности скота, увеличение производства продукции современными методами, более активное введение скота в экономический оборот.

Выводы

В современных условиях острого геополитического кризиса Монголия занимает свое особое место, нейтральную позицию в глобальном конфликте между ведущими государствами мира. Своеобразие и особенность международного положения Монголии состоит в том, что, с одной стороны, она поддерживает и развивает дружественные, всесторонние, стратегические, партнерские отношения со своими непосредственными соседями — Россией и КНР, а также с дружественными с ними странами, а с другой стороны, поддерживает дружественные, стратегические, партнерские отношения с «третьими соседями» (США, странами ЕС, Японией, Индией, Турцией и др.) и пользуется их поддержкой и помощью в развитии экономики и культуры своей страны. Иными словами, Монголия пользуется поддержкой и помощью со стороны противоположных группировок и отдельных ведущих, развитых стран. В повседневной практике международных отношений такая позиция обычно характеризуется как недостаточно определенная, непостоянная, неустойчивая, ненадежная, «попытка усидеть на двух стульях». Между

тем опыт Монголии последних лет показывает, что в условиях мира, расколотого на отдельные группировки и блоки, многие развивающиеся небольшие страны при условии проведения правильной, гибкой, сбалансированной внешней политики могут умело использовать сложившуюся международную конъюнктуру и добиваться определенных успехов в развитии экономики и культуры своей страны.

Благодаря сбалансированной, взвешенной, нейтральной внешней политике Монголия сумела относительно быстро и с меньшими потерями преодолеть негативные последствия глобальной пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., глобального экономического спада, обострения геополитического кризиса, российско-украинского вооруженного конфликта, антироссийских и антикитайских санкций и добиться определенных успехов в восстановлении и повышении темпов своего социально-экономического развития, в борьбе с коррупцией, выйти на уровень 5–6% роста экономики в год, снизить бремя долговой нагрузки и создать благоприятные условия для дальнейшего успешного развития.

В результате разработки и реализации «Политики нового восстановления» правительства премьер-министра Л. Оюун-Эрдэнэ, проведения ряда политических, экономических и судебных реформ, реализации конкретных мер по борьбе с коррупцией, хищениями государственной собственности созданы законодательные, политические, социально-экономические условия для дальнейшего развития Монголии более высокими темпами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

В Улан-Баторе пройдет 25-е заседание межправительственной комиссии Монголии и РФ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19087375?ysclid=lobaso8m68374332364> (дата обращения: 23.10.2023).

Виктория Абрамченко прибыла в Монголию с рабочим визитом. URL: <http://government.ru/news/49861/> (дата обращения: 24.10.2023).

Занданшатар Г. Ирэх онд шинэ тогтолцоогоор анхны сонгуулиа хийх тул бэлтгэлийг маш сайн хангах ёстой [В следующем году мы будем про-

водить первые выборы по новой системе, поэтому обязаны обеспечить очень хорошую их подготовку. Выступление спикера ВГХ Г. Зандашатара на открытии осенней сессии Великого Государственного Хурала Монголии]. URL: <http://montsame.mn/read/328048> (дата обращения: 02.10.2023).

Ерөнхий сайд Л. Оюун-Эрдэнэ шинэ жилийн мэндчилгээ дэвшүүлэв [Премьер-министр Л. Оюун-Эрдэнэ поздравил с Новым годом]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/334518> (дата обращения: 31.12.2023).

Мөнхбат Ж.: Үндсэн хуулийн нэмэлт, өөрчлөлтийн төсөл өргөн барьсан тохиолдолд хэлэлцэх боломжтой [Мунхбат Ж.: «В случае представления проекта конституционных дополнений и поправок имеется возможность их обсудить»]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/296920> (дата обращения: 17.05.2022).

Зудын улмаас хорогдсон малын тоо 5,9 саяд хүрэв [Потери скота от дзута достигли 5,9 млн голов]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/340727> (дата обращения: 29.03.2024).

Зудын эрсдэл их нутгийн хэмжээ 20 хувиар нэмэгдэв [Территория риска возникновения дзута увеличилась на 20%]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/334118> (дата обращения: 22.12.2023).

Оюун-Эрдэнэ Л.: «Эрдэнэт»-ийн 49 хувийг төрд буцааж авснаар анх удаа 1.8 их наяд төрөгийг улсын төсөвт төвлөрүүлэв [Оюун-Эрдэнэ Л.: Благодаря возвращению государству 49% акций предприятия «Эрдэнэт» мы впервые аккумулировали в госбюджете 1,8 трлн тугриков]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/327977> (дата обращения: 30.09.2023).

Оюун-Эрдэнэ Л.: Газрын тос боловсруулах үйлдвэрийн бүтээн байгуулалтыг бүхий л талаар дэмжиж ажиллана [Оюун-Эрдэнэ Л.: Строительство нефтеперерабатывающего завода мы будем всемерно поддерживать]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/326300> (дата обращения: 08.09.2023).

МАА-н салбарын үр дүнг тооны бус чанарын шалгуулаар хэмжих зорилтыг хэрэгжүүлж байна гэв [Задачу измерения эффективности отрасли животноводства мы решаем не количественными, а качественными критериями]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/329029> (дата обращения: 14.10.2023).

Межгосударственные отношения РФ и Монголии. URL: <https://ria.ru/20231017/diplomatiya-1903189568.html?ysclid=lrggudhw5p147368705> (дата обращения: 18.10.2023).

Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата обращения: 18.10.2023).

Россия и Монголия приняли ряд важных решений по итогам заседания в Улан-Баторе. — URL: https://buryatia.mid.ru/ru/press-centre/news/rossiya_i_mongoliya_prinyali_ryad_vazhnykh_resheniy_po_itogam_zasedaniya_v_ulan_batore/ (дата обращения: 24.10.2023).

Болорчулуун Х.: Улаанбуудай, төмсний хэрэгцээг 100, хүнсний ногооны 85 хувийг дотоодын ургацаас хангана [Болорчулуун Х.: Потребности страны в пшенице и картофеле будут обеспечены за счет собственного урожая на 100%, в овощах — на 85%]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/331362> (дата обращения: 15.11.2023).

Цааснаас цахимд шилжээд... [Переход от бумаги к цифре...]. URL: <https://montsame.mn/mn/read/320029> (дата обращения: 26.05.2023).

Категория «марионеточного» государства маньчжуро-монгольских политий в зарубежном общественно- политическом дискурсе в 1930–1940-е годы¹

Аннотация. Вопрос о различной степени зависимости и подчиненности одних политий другим на рубеже XIX–XX вв. породил категорию марионеточного государства, которая после начала японо-китайского конфликта в 1931 г. и образования Маньчжоу-го приобрела характер инструмента пропаганды против японской политики на континенте. В свете современных событий, когда те или иные государства пытаются создать подобные точки опоры в интересующем их регионе с помощью поддержки провозглашающих независимость государствоподобных образований, проблема актуализируется и заставляет академическое сообщество выдвигать позиции о той или иной степени самостоятельности и самодостаточности, которая позволяет политиям считаться полноправными субъектами международных отношений. В этой связи автором статьи предпринята попытка посредством изучения и введения в научный оборот данных средств массовой информации США, Великобритании и британских колоний в Юго-Восточной Азии в 1930–1940-е годы, освещающих японо-китайский конфликт и его результаты на пространстве маньчжуро-монгольского мира (Маньчжурия и Маньчжоу-го, Внутренняя Монголия и Монгол-го/Мэнцзян), определить наличие в них содержательного наполнения категории «марионеточного» применительно как к государству, так и к другим дефинициям (например, режим, правительство, правитель и т. п.) и представить их широкой академической общественности. Опора на междисциплинарную методологию, сочетающую в себе исторические и политологические подходы, позволила выделить 4 группы категорий, основанных на «марионеточном» харак-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–68–00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в. URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

тере описываемой в прессе государственности (государство, режим, правительство, глава государства/режима). Все они с разной степенью интенсивности и частоты используются в приводимых в настоящей работе статьях и заметках, включая или не включая в свой контент подтверждающие факторы зависимости (финансовые, военные, институциональные и т. п.), однако ни одно не раскрывает содержание исследуемой категории, в связи с чем автор заявляет о ее клишировании и ненаучном характере.

Ключевые слова: марионеточное государство, марионеточный режим, марионеточное правительство, марионеточный глава государства, Маньчжоу-го, Внутренняя Монголия, Японская империя

Дудин Павел Николаевич, доктор исторических наук, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 670013, Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, Республика Бурятия, Российская Федерация.

E-mail: dudin2pavel@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9407-8436

P.N. Dudin

The category of the “puppet” state of the Manchurian-Mongolian polities in foreign socio-political discourse, 1930–1940-s

АБСТРАКТ. The question of the varying degree of dependence and subordination of some polities to others at the turn of the 19th — 20th centuries gave rise to the category of a puppet state, which after the outbreak of the Sino-Japanese conflict in 1931 and the formation of Manchuria acquired the character of a propaganda tool against Japanese policy on the continent. In the light of modern events, when certain states are trying to create similar footholds in the region they are interested in by supporting state-like entities proclaiming independence, it actualizes the problem and forces the academic community to put forward positions on a certain degree of independence and self-sufficiency, which allows politicians to be considered full subjects of international relations. In this regard, the

author of the article made an attempt by studying and introducing into scientific circulation the data of the mass media of the USA, Great Britain and the British colonies in Southeast Asia in the 1930s and 1940s, covering the Japanese-Chinese conflict and its results in the space of the Manchurian-Mongolian world (Manchuria and Manchukuo, Inner Mongolia and Mongol-Guo/Mengjiang) to determine whether they contain meaningful content of the “puppet” category in relation to both the state and other definitions (e. g., regime, government, the ruler etc.) and present them to the general academic community. Relying on an interdisciplinary methodology combining historical and political science approaches allowed us to identify four groups of categories based on the “puppet” nature of the statehood described in the press (state, regime, government, head of state/regime). All of them are used with varying degrees of intensity and frequency in the articles and notes cited in this work, including or not including in their content confirming factors of dependence (financial, military, institutional etc.). However, none of them reveals the content of the category under study, and therefore the author claims its cliché and non-scientific nature.

KEY WORDS: puppet state, puppet regime, puppet government, puppet head of state, Manchukuo, Inner Mongolia, Empire of Japan

DUDIN PAVEL NIKOLAEVICH, D. Sc. (Hist.), D. Sc. (Polit.), Principal Research Fellow, East Siberia State University of Technology and Management. 670013, Ulan-Ude, Klyuchevskaya Street, 40V, Republic of Buryatia, Russian Federation.

e-mail: dudin2pavel@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9407-8436

ВВЕДЕНИЕ

Существование политий, претендующих на различного рода статусы, от административно-территориальной единицы с правами широкой автономии (например, как это было с центральными аймаками Внутренней Монголии в Китайской Республике в 1933–1935 гг.) до независимого государства (как это было с Маньчжурией в 1932–1945 гг.), — типичная картина и для современного мира: Турецкая Республика Северного Кипра, Китайская Республика (Тайвань) и другие образования — часть

нынешней региональной, а иногда и мировой политической повестки, в связи с чем актуальность нашего исследования проистекает из той роли, которую эти политики играют на мировой арене. При этом нередко в их отношении ученые и политики, желая придать им характер большей зависимости от того или иного государства-покровителя, используют термин «марионеточный/ое/ая», дабы в уничижительной форме продемонстрировать их несостоятельность как полноценных участников международных отношений.

В своих исследованиях мы уже обращали внимание на ненаучный характер категории «марионеточного», сделав это на примере Северо-Восточного Китая и Маньчжурии [Дудин, Курас, 2016, с. 10], сосредоточив внимание на некоторых отечественных исследователях и их работах. Выбранный нами регион, как и в целом Северо-Восточная Азия в первой половине XX в., не случаен, поскольку за менее чем полвека в его пределах или на его пространстве возникали и исчезали самые разнообразные государства и государствовподобные образования, нередко представляющие собой политики (например, Полоса отчуждения КВЖД, концессии и селтльменты, Дипломатический квартал в Пекине и т. д.) с экстерриториальным статусом. Остановимся на нем и в этом исследовании.

Следует констатировать, что отечественный академический дискурс с момента опубликования нашей монографии, и без того не богатый на заявленный контент, не слишком вырос в количестве исследователей «марионеточного» и разнообразии их подходов. Так, в первой группе научных публикаций, опирающихся на данную категорию, присутствуют рецензии с элементами исследования [Кузьмин, 2017; Суходолов и др., 2017]. Вторую группу составляют немногочисленные исследования, предметно касающиеся как затрагиваемой нами маньчжурской государственности [Караева, 2005], так и политий, конструируемых после распада Российской империи [Азаренков, 2009], причем академический интерес в данном направлении присутствует и у молодых исследователей [Гагарин, 2019]. Третью группу исследований составляют труды, контекстно затрагивающие «марионеточный» харак-

тер исследуемых региональных политий, без соответствующего акцента в названии или при обозначении предметной области [Саликов, 2020; Суходолов, Лебедева, 2019]. Наконец, четвертая группа исследований представлена аналогичными третьей группе работами, но в отношении политий других регионов мира — Центральной Азии, Европы и др. [Мехди, 2014; Муромцева, 2020].

Мы полагаем в этой связи, что значительный научный интерес для отечественных ученых могут представлять первоисточники, на базе которых и выстраивалась традиция дальнейшего использования термина «марионеточный» в тех формах и ракурсах, в которых он использовался изначально. И если издания на русском языке эпохи 1930–1940-х годов вполне доступны [Сборник документов..., 1933; Стимсон, 1938], то с иностранным материалом дело обстоит сложнее.

Поэтому цель нашей статьи — посредством изучения и введения в научный оборот заявленных ниже источников определить наличие в них содержательного наполнения категории «марионеточного» применительно как к государству, так и к другим дефинициям (например, режим, правительство, правитель и т. п.) и представить их широкой академической общественности.

При работе над статьей мы опирались на междисциплинарную методологию, позволившую использовать две группы методов и подходов: исторические и политологические. К первой группе мы отнесли проблемно-хронологический и сравнительно-исторический метод, нарративный подход, внешнюю и внутреннюю критику источника и его текстологический анализ, а ко второй группе — сбор данных, тематический мониторинг зарубежных СМИ, дискурс-анализ и контекстный анализ.

Среди ключевых источников — англоязычные средства массовой информации США, Великобритании и Юго-Восточной Азии в лице ведущих изданий с мировым именем, способных оказать влияние на общественное мнение, освещающих события японо-китайского конфликта 1931–1945 гг. и использующих либо в названии статей/заметок, либо в содержании материала термин «марионеточный».

И поскольку Маньчжоу-го традиционно являлось той политикой, которая спровоцировала введение рассматриваемого термина в широкое обращение, поскольку присутствие этого государства в научных исследованиях рассматриваемой проблематики является регулярным и достаточным, изучение контента СМИ в отношении «марионеточного» характера Маньчжурии существенно отяготило бы наше исследование. Поэтому мы предметно сосредоточили внимание на других подобных политиях со схожей природой создания, развития и прекращения существования, которые, например, формировались на пространстве центральных аймаков Внутренней Монголии или в Северном Китае в тот же период, оставляя при этом Маньчжоу-го как неперенный фон.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Самыми обширными по количеству изданий, освещающих японо-китайский конфликт 1931–1945 гг. и обращающихся к категории «марионеточный», являются средства массовой информации США, а в нашей работе представлены данные из таких американских общенациональных газет, как «Чикаго Дэйли Трибьюн», «Лос-Анджелес Таймс», «Нью-Йорк Пост», «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», а также из журнала «Тайм». Хронологические рамки полученного материала охватывают 1932–1945 гг., география материалов включает Халху, Внутреннюю Монголию, Северный и Северо-Восточный Китай. (Доступ к их архивам был возможен через официальные сайты, при регистрации на которых и уплате определенной суммы исследователь получает возможность ознакомиться с материалом или скачать его, используя в дальнейшем по своему усмотрению со ссылкой на издание.)

Самым первым из американских (да и вообще западных англоязычных) изданий, сообщивших о намерении японской стороны создать аналогичную Маньчжоу-го политику на территории Внутренней Монголии и назвавших ее «марионеточным государством», стала газета «Лос-Анджелес Таймс» (Los Angeles Times) в небольшой статье под названием «Еще один кусочек

Китай?» [Another bite of China, 1932]. Помимо введения в политический дискурс категории «марионеточный» применительно к Внутренней Монголии статья содержала некоторые формулировки, позднее ставшие клише, например «Внутренняя Монголия — несомненно, бандитское гнездо и удобная основа для набегов в Маньчжурию».

Одним из самых содержательно насыщенных американских изданий следует назвать журнал «Тайм» (The Time), размещавший на обложках своих номеров портреты главных действующих лиц, например Чан Кайши, императора Хирохито, императора Кан-Дэ, китайский и японский высший военный состав, тем самым формируя помимо смыслового также и ассоциативное восприятие исследуемых нами процессов. Внутренняя Монголия и ее политическая судьба с октября 1933 г. по сентябрь 1945 г. — постоянный сюжет обширного аналитического материала, изначально вполне лояльного стремлениям монголов к автономии. Так, в статье «Китай: Внутренняя Монголия для внутренних монголов» [China: Inner Mongolia..., 1933] в полухудожественном стиле описывалась та степная многовековая кочевая атмосфера, в которой Дэ-ван пытался консолидировать монгольские элиты в вопросе получения широких прав на самоуправление, а марионеточным называлось Маньчжоу-го, к которому князь Дэ намерен был обратиться в случае противодействия со стороны центральных китайских властей. Эта же позиция сохраняется спустя три года, когда в статье «Восточная Азия: Советы против Империй» [Eastern Asia: Soviets v. Empires, 1936] ведется повествование о нескольких последних десятилетиях Маньчжурии, которая стала японской марионеткой в 1932 г. и которую возглавил законный китайский император Генри Пу И, став прояпонским кукольным императором Маньчжурии Кан-Дэ. В этой же статье упоминается и о неудачной попытке японского генерала Кэндзи Доихары осенью 1935 г. сформировать автономный и независимый «Регион пяти провинций» на севере страны, о генерале Инь Жугэне, ставшем главой администрации автономии Восточного Хэбэя, называя его марионеткой Доихары, а также об обязанности «китайских марионеток» — других коллабора-

ционистов «прыгать, когда “Маньчжурский Лоуренс” [К. Доихара] дергает за ниточки».

Спустя всего месяц риторика меняется, и Дэ-ван в статье «Внутренняя Монголия: денежный бунт» [Inner Mongolia: cash rebellion, 1936] предстает марионеткой, купленной за японские деньги и подарки, не поддерживаемый монгольской молодежью, но надеющийся на то, что нанкинское правительство предложит ему свою цену за лояльность. В следующей статье, вышедшей через год под названием «Китай: Монгол-го» [China: Mongokuo, 1937], проводится прямое сравнение с Маньчжоу-го, фигурирующем в качестве марионеточного государства, однако уже в статье «Зарубежные новости: Дэ и Конфуций» [Foreign News: Te & Confucius, 1937] вслед за созданием японцами «автономного правительства Южного Чахара» (кавычки поставлены редакцией. — П. Д.) и помощью во взятии крупного логистического узла и политического центра региона — города Калгана (совр. Чжанцзякоу) дается прогноз того, что за такую услугу Монгол-го займет ведущее положение среди других прояпонских марионеточных государств.

Эталоном произведения-компиляции всех возможных стереотипов и клише можно назвать статью «Внутренняя Монголия: князь Шалтай-Болтай» [Inner Mongolia: Prince Humpty-Dumpty, 1945], вышедшую на следующий день после поражения Японии во Второй мировой войне. Начав словами «как только японцы ушли из Китая, их куклы посыпались в разные стороны», характеризуя Дэ-вана как неваляшку, автор в итоге представляет князя Дэ самой значимой из всех марионеток, склонной только к примитивным удовольствиям в своей ставке в хошуне (княжестве) Западный Сунит, где он забыл о заботах о государстве, бросил своих детей, раздобыл для развлечений самолет, боролся (имеется в виду национальная борьба как наиболее популярный вид спорта. — П. Д.) со старыми друзьями, играл на гитаре и пел старые песни о славных днях, когда его предки управляли Европой. Очевидно, что все сказанное в столь авторитетном издании не имело ничего общего с реальными событиями, однако пропагандистская машина делала свое дело.

И еще три статьи, посвященные попыткам японцев осуществить контроль над северо-восточной частью континентального Китая путем создания там нескольких автономий, касались исследуемого нами вопроса. Две из них были посвящены автономии Восточного Хэбэя — политике, созданной японцами в демилитаризованной зоне в 1935–1937 гг. для экономического ослабления нанкинского правительства, не претендующей на независимость, но контролирующей большинство китайских таможен региона. Так, в статье «Китай: бездомный контрабандист» речь идет о лидере этого небольшого, но крайне важного таможенного перевалочного пункта вблизи Пекина — генерале по имени Инь Жугэн, которого именуют «марионеточный Инь» [China: homeless smuggler, 1936]. Следующая статья, освещающая события в регионе по прошествии года, под названием «Китай: следующий Хэбэй» [China: next Hopei, 1937] сохраняла в отношении генерала ту же риторику, апеллируя к тому, что наравне с Маньчжоу-го и Монгол-го эта политика также находится под японским контролем, а ее финансовые ресурсы, ради которых она и создавалась, управляются через японские и корейские банки. А на фоне разгорающейся войны летом 1937 г. выходит статья «Япония — Китай: другой [Маньчжоу-] Го?» [Japan — China:..., 1937], в которой уже другая, Хэбэйско-Чахарская, автономия сравнивается с Маньчжоу-го и ее марионеточным императором Кан-Дэ, а председатель Хэбэйско-Чахарского политического совета генерал Сун Чжэюань, человек, благодаря усилиям которого военные действия не начались зимой 1935 г., а были оттянуты почти на полтора года, огульно рассматривался как лидер конструируемого японцами на пространстве Северного Китая нового марионеточного государства под названием Хобэй-го (Huobeikuo — государство Северный Китай).

Газета «Нью-Йорк Пост» (New York Post), весьма скудо освещавшая японско-китайский конфликт 1930–1940-х годов, с декабря 1935 г. по март 1937 г. посвятила несколько статей государственности Внутренней Монголии с ее соответствующей характеристикой. Так же, как и в других, не менее авторитетных изданиях, здесь присутствует ряд либо скоропалительных прогнозов, либо нелепых ошибок, как, например, в статье Люд-

вига Лора «Внутренняя Монголия бросает жребий с японским Маньчжоу-го» [Lore, 1935]. В ней, во-первых, автор предполагает после объявления независимости готовность Внутренней Монголии присоединиться к Маньчжоу-го, чего ни японцы, ни монгольские элиты всерьез никогда не обсуждали и не предполагали. Во-вторых, указывая на колеблющуюся позицию князей провинций Суйюань, Нинся и Цинхай, автор пишет о несостоявшемся захвате японцами провинции Чахар и о номинальном положении в качестве лидера князя Дэ-вана, что является явным вымыслом, поскольку влияние этого человека на монгольские элиты оставалось высоким не только в период японского присутствия, но и даже после окончания войны в 1945 г. В качестве же марионеточного указывается Маньчжоу-го, а присоединение к нему Внутренней Монголии, по мнению автора, «является началом реальной борьбы между Японией и Советами для контроля над Монгольской Народной Республикой, в народе известной как Внешняя Монголия».

Развивая тему в следующей статье под названием «Япония отрезала себе еще один кусок китайского пирога» [Lore, 1936], Л. Лор называет марионеточным уже самого Дэ-вана, провозгласившего независимость и возглавившего монгольскую армию. Продолжая ехидную риторику утверждением о том, что «"независимое" (кавычки Л. Лора. — *П. Д.*) правительство будет в Чапусу (правильное наименование — Чапсур. — *П. Д.*) на границе Чахара и Суйюани, со схожими с такими же "автономными" (кавычки Л. Лора. — *П. Д.*) структурами, созданными по милости и при горячей поддержке Токио, который контролирует их всех», автор проводит корреляцию будущего статуса Внутренней Монголии с Маньчжоу-го утверждениями о том, что «князь Дэ будет столь же независимым, как император Кан-Дэ», и о том, что сокомандиром монгольских военных формирований стал командующий войсками Маньчжоу-го в Северном Чахаре известный политический деятель монгольского происхождения Ли Шоусинь.

Таким образом, марионеточный статус, по мнению редакции газеты, переносился и на Монгол-го, о чем указывалось в короткой заметке о продвижении маньчжурских войск вглубь Внут-

тренней Монголии: «Отпор китайским солдатам пытались дать солдаты марионеточного государства, небольшой отряд под командованием генерала Ли Шоусиня» [Manchoukuans push far, 1936, p. 1]. Любопытно, но в другой заметке присутствуют в качестве равных статусов марионеточного («Многие наблюдатели увидели в предполагаемом создании марионеточного государства Монгол-го угрозу возможной войны между Японией и Китаем») и полноценного («Новое государство в пределах Северного Чахара приблизительно соответствует площади штата Огайо, граничит на севере с Внешней Монголией, на востоке — с провинцией Жэхэ, находящейся под японским господством, а на западе — с хорошо укрепленной китайской провинцией Суйюань, проходя южной границей вдоль Великой стены, в 20 милях к северу от Калгана») государства [Mongol state set up, 1937, p.1], что говорит о весьма поверхностных представлениях как редакции, так и ее авторов в вопросе международно-правовых статусов того времени.

Американское издание «Чикаго Дейли Трибьюн» (Chicago Daily Tribune) в период с апреля 1936 г. по октябрь 1937 г. сосредоточило внимание на том этапе государственностроительства во Внутренней Монголии, когда процесс получения независимости от Китайской Республики приобрел необратимый характер. Специфика контента заключалась в том, что формулировка «марионеточный» (puppet) присутствовала в названиях статей, тогда как сами тексты раскрывали смысловую нагрузку. Так, первая статья «Новый формируемый японцами марионеточный режим» [Forms new Jap. Puppet regime, 1936, p. 2] содержала сведения о провозглашении монгольским лидером Дэ-ваном 29 апреля 1936 г. себя председателем независимого режима, о назначении четырех представителей японского военного командования на важные государственные посты и обращала внимание на то, что название новой политики созвучно с Маньчжоу-го — Монгол-го, что позволяло проводить не столько фактические, сколько идеологические параллели. Переброска военных сил, контроль над логистическими путями, природными богатствами, экономикой и сельским хозяйством региона обеспечивали японцам доступ к ряду север-

ных и центральных регионов континентального Китая. Название другой статьи — «Японцы посадили марионеточного монарха на монгольский трон» [Japanese place puppet king..., 1936, p. 1] явно демонстрировало неосведомленность редакции о внутренних организационных вопросах происходящих во Внутренней Монголии процессов (мысли о восстановлении монархии и о власти ханов японцы не допускали никогда). Вкупе с этим приводилась позиция китайской стороны о провокациях к независимости именно со стороны японцев и обвинение их в провале процесса автономизации региона, запущенного в 1933–1934 гг., а также анализ геополитической ситуации в регионе со смещением сложившегося баланса и расширением японской сферы интересов и влияния. В очередной раз упоминались японские советники в монгольском государственном аппарате и японское участие в оснащении местных вооруженных сил. Третий материал, скорее, заметка — «Китайцы претендуют на отпор марионеточным захватчикам Японии» [Repulse of Japan's puppet invaders..., 1936, p. 15] оказалась посвящена ожидаемому на ближайшие несколько дней большому наступлению перевооруженной японцами монгольской армии на ряд стратегических объектов вдоль железной дороги Бэйпин – Суйюань, а четвертая статья под названием «В новом японском марионеточном государстве нарастают звуки войны» [War rumblings rise..., 1937, p. 5] концентрировала внимание читателя на номинальном характере власти Дэ-вана и его окружения, за которых все решения принимаются японскими советниками; произошедшем в связи с этим расколе монгольских политических элит и сохранении части из них лояльности Нанкину, о переводе официального делопроизводства на японский язык. И только в одной из статей, авторской, под названием «Японцы планируют создать новое марионеточное государство в Северном Китае» [Sheba, 1937, p. 3], вышедшей осенью 1937 г. на фоне развернувшихся с лета 1937 г. полномасштабных военных действий, речь шла не о Монгольском государстве, а о создании альтернативной Китайской Республики, которая от лица китайского народа могла бы заключить с Японией не только так необходимое ей соглашение об экономическом сотрудничестве,

но и ставшее еще большей необходимостью мирное соглашение, чтобы прекратить начавшуюся войну.

Одним из тех американских средств массовой информации, кто самым внимательным образом следил и за разворачивавшимся японско-китайским конфликтом вообще, и за государственностроительством во Внутренней Монголии в частности, была газета «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times). Однако вопрос с различного рода клише ее редакцией решался весьма и весьма деликатно и аккуратно: с сентября 1936 г. по октябрь 1945 г. вышло несколько объемных статей, в той или иной мере касающихся категории «марионеточный», но Внутренней Монголии оказались посвящены всего две. Первая из них под названием «Внутренние монголы отворачиваются от японцев» [Inner Mongolians turn on Japanese, 1937, p. 10], объемная, снабженная важным аналитическим материалом и вышедшая до начала полномасштабных военных действий, переросших летом 1937 г. во Вторую японо-китайскую войну, повествует о том, что монголы полны разочарований в японцах, которые вместо свободы принесли жестокость и страдания. Говоря о том, что под их контролем находится небольшая часть провинции Чахар и именно на ее основе строится марионеточное правительство независимой Монголии, автор, безусловно, пока не мог знать, что впереди и военная кампания за соседнюю монгольскую провинцию Суйюань, трагичная для китайских и японских патриотов, и дальнейшее продвижение вглубь страны, и образование конфедерации монгольских аймаков в сентябре текущего года, из которой спустя два года и будет создано государство Мэнцзян. Вторая статья переносит читателя уже в послевоенный период, когда на развалинах этого самого Мэнцзяна остатки прежних элит пытаются слепить хоть что-то, похожее на политику, способную претендовать на суверенный статус, а коммунисты — этому помешать, создав единое социалистическое государство. Поэтому и название статьи «Красные управляют крупной территорией Северного Китая из столицы, созданной в Калгане» красноречиво указывает на победу одной из фракций, давая краткий экскурс в недавнюю историю: «В соответствии с японской идеей, Калган был столицей марионеточ-

ного государства Мэнцзян, который был образован на юге Чахара вкупе с северной частью провинции Шаньси и восточной частью провинции Суйюань. Японцы создали кукольную систему во главе с монгольским князем Дэ в качестве главы Мэнцзяна и творили то, что им заблагорассудится, оставив Дэ и его соратникам, вероятно, меньше власти и престижа, чем любому другому марионеточному правительству, созданному Токио (на китайских территориях. — П. Д.)» [Durdin, 1945, p. 4].

В довесок к монгольской государственности газета уделяла значительное внимание аналогичным процессам на ханьских территориях, и в числе наиболее упоминаемых политий — автономия Восточного Хэбэя, 1935–1937 гг. В статье «Хэбэй “легализует” контрабанду» [Hopei «legalizes» smuggling, 1937, p. 17] говорилось о том, что подобными экономическими мерами фактически завершалось воплощение в жизнь японской программы создания марионеточного режима в Северном Китае наподобие Маньчжоу-го. Развивая тему, в статье «Марионеточный регион ликвидирует остатки китайских уз» [Puppet region cuts, 1937, p. 36] речь шла о том, что марионеточная японская территория Восточного Хэбэя запрещала китайские облигации и переходила к созданию собственной валютной системы, однако вышедшая спустя четыре дня другая статья под названием «Восточный Хэбэй пытается расстроить Нанкин...» опровергала эту информацию. Ссылаясь на слова нового министра иностранных дел Китайской Республики Ван Чунхуэя, материал указывал на стремление японцев к экономическому сотрудничеству с китайским соседом, в связи с чем на выпущенных монетах присутствовали государственные символы Китайской Республики, что окончательно закрывало вопрос о потенциальной возможности провозгласить независимость Восточного Хэбэя, а сам министр говорил, что «ближайшей целью китайского правительства является необходимость лишить бандитов и марионеток их зависимости от внешних сил и таким образом сохранить административную и территориальную целостность Китая» [East Hopei seeks..., 1937, p. 6].

Наконец, три объемных статьи, две из которых принадлежали перу Тилмана Дурдина, а одна — Халледа Абенда, были посвя-

щены процессу создания альтернативной Китайской Республики во главе с бывшим вице-президентом Гоминьдана Ван Цзинвэем. Что касается рассматриваемой нами категории, то в первой статье Т. Дурдина «Китайцы атакуют на обширной территории» речь шла о неудачах участия «марионеточных войск» под Шанхаем [Durdin, 1939, p. 7], а во второй статье «Чан [Кайши] утверждает, что Япония угрожает всему [Дальнему] Востоку» велась речь о раскрытии содержания секретного мирного договора между конструируемым «альтернативным Китаем» и Японией, а создаваемая институция называлась марионеточным правительством [Durdin, 1940, p. 2]. Статья Х. Абенда «Ван [Цзинвэй] контролирует торговлю [в течении реки] Янцзы» [Abend, 1940, p. 17] давала прогноз на то, что после создания единого марионеточного правительства альтернативной Китайской Республики именно на него будет возложено управление торговыми процессами в нижнем течении реки Янцзы и японцы формально не будут иметь к этому отношения.

В содержании относительно небольшого количества статей газеты «Вашингтон Пост» (The Washington Post), охвативших период с марта 1937 г. по декабрь 1938 г., в отличие от предыдущего изученного нами материала, категория марионеточного не встречается, однако присутствует в названиях статей. Так, в небольшой заметке «Япония создает марионеточное государство Монгол-го» [Japan creates..., 1937, p. 1] указывалось на получение князем Дэ обширных военных поставок и значительных денежных сумм, что стоило ему народной поддержки и свободы, которую ограничивали японские военные советники, а сама политика того и гляди грозила стать частью Маньчжоу-го. Проблема с народным одобрением поднимается и в другой заметке — «В марионеточном государстве Монгол-го опасаются восстания» [Revolt feared..., 1937, p. 7], где давался прогноз на вероятность народного восстания и присоединения к Внешней Монголии под защитой СССР. Однако уже следующая заметка под названием «Япония создает марионеточное государство во Внутренней Монголии» [Japan Sets Up..., 1937, p. 2], выпущенная после начала Второй японо-китайской войны и создания Конфедерации монгольских

аймаков, упоминала о проведении очередного съезда монгольских князей — «Национального собрания» (закавычено редакцией. — *П. Д.*) из 500 делегатов из Суйюани и Чахара; ссылалась на официальное заявление новых властей, что они не предполагают присоединения к своим территориям контролируемых японцами Хэбэя, Шаньси и Шаньдуна; указывала на избрание в качестве столицы города Гуйсуя и возвращение ему древнего названия Хух-Хото, а также отказ от наследия «вековых китайских притеснений» и восстановление старинного монгольского календаря, в котором первым годом начала летоисчисления считался 1206 г. — год избрания Чингис-хана Великим Ханом. Четвертая заметка «Японская марионетка говорит, что планирует править всей Монголией» [*Japanese puppet says...*, 1938, р. Х7] содержала выдержки из выступления князя Дэ на юбилейном мероприятии 1 декабря 1938 г., посвященном годовичному сроку создания Конфедерации, где монгольский лидер заявил о своем намерении объединить все монгольские земли, в том числе и находящуюся сегодня под властью Советов Внешнюю Монголию, что позволило бы изменить статус Внешней Монголии в качестве буферного государства между японской и советской сферами влияния и сдвинуть границу японских интересов на 1800 км севернее ее нынешнего положения.

Британская пресса оказалась чуть менее представленной ведущими изданиями, но не менее насыщенной по содержанию. Так, в число источников вошли газеты «Таймс», «Манчестер Гардиан» (сменившая в 1959 г. название на «Гардиан». — *П. Д.*) и «Обсервер», влившаяся в 1993 г. в холдинг «The Guardian». Хронологические рамки полученного материала охватывают 1935–1943 гг., а география материалов — Халху, Внутреннюю Монголию и Северо-Восточный Китай.

Газета «Таймс» (*The Times*) в своих хрониках охватила период с февраля 1935 г. по октябрь 1942 г. В статье «Маньчжурская граница. Крохотное “марионеточное государство”» [*Manchurian border, 1937*] велась речь о конструировании подчиненного Японии небольшого района в окрестностях озера Долон-нор на границе Чахара, из которого была предпринята попытка сделать марионе-

точное государство. Указывалось, что полиция, валюта, телеграф и почтовые услуги оказались в руках правительства Маньчжоу-го, флаги Японии и Маньчжоу-го с недавнего времени стали обязательным атрибутом каждого из домов, а японские резиденты уже заняли ключевые военные и гражданские должности. Этим описание событий на монгольских землях и ограничивалось, уступая место коллаборационистам. Статья «Речь генералиссимуса» [Generalissimo's speech, 1937] содержала эмоциональное выступление Чан Кайши накануне начала боевых действий летом 1937 г., когда он заявлял, что «инцидент на Мосту Марко Поло был лишь поводом к расторжению соглашения Тангу и для увеличения территории марионеточного Восточного Хэбэя».

Следующий материал под названием «Действия Японии в Китае. Доктрина силы» [Gull, 1937] — письмо Е. М. Гулла на имя главного редактора газеты «Таймс», в котором он обвинял британское правительство в фактической провокации Японии к созданию марионетки, но марионетки, готовой к восстанию против японских властей, когда появится удобная возможность к переходу на сторону союзников. Таким образом, исходя из смысла заявления, обвинения японцев в создании Маньчжоу-го хотя и не были лишены смысла, однако приобретали новое значение из-за потенциального интереса и возможностей Великобритании, после того как Япония будет сломлена, самой контролировать это государство, являющееся мощнейшим противовесом советских интересов в регионе. Замыкающая серию материалов статья под названием «Секретный договор нанкинской марионетки. Хайнань “уступлен” Японии» [Nanking Puppet's secret treaty..., 1942] сообщала, что барон Хиранума и Ван Цзинвэй в конце сентября текущего года подписали договор, по условиям которого остров Хайнань был передан Японии в долгосрочную аренду, и предполагается строительство японской военно-морской базы на южном побережье острова.

Газета «Обсервер» (The Observer) не уделяла внимания монгольским проблемам и лишь изредка касалась марионеточных образований. Однако статья «Японская программа» [The Japanese program..., 1935], вышедшая в июне 1935 г., до широкого обсуж-

дения автономизации Северного Китая, одна из немногих освещает события в Шанхае, где китайские власти приняли японские условия и сформировали марионеточный муниципальный режим (ставший, кстати, позднее серьезной финансовой основой для создаваемого в 1938 г. Реформаторского правительства), упоминает об использовании марионеточных войск (очевидно, войск Маньчжоу-го) для проведения операций в районе Шанхайгуань и Хэбэйгоу и прогнозирует, что «Япония, очевидно, намеревается обеспечить полное доминирование в Северном Китае путем, возможно, отделения трех провинций (Хэбэй, Чахар, Шаньдун) с установленными там марионеточными режимами, во главе которых оставались бы китайские граждане, а японцы обеспечивали контроль над ними». Данный текст наводит нас на мысль о том, что это средство массовой информации было одним из первых западных изданий, вообще начавших освещать процесс автономизации Северного Китая, на тот момент представленный в куда более скромном формате, чем позднее объявит Кэндзи Доихара. Вторая статья, «В течение четырнадцати лет Китай бросает вызов Японии» [Fourteen years China..., 1943], представляет собой обзор произошедших в регионе событий, а категория «марионетка» в ней применялась только единожды — в отношении лидера Восточного Хэбэя Инь Жугэна.

Определенное внимание Внутренней Монголии уделяла газета «Гардиан» (The Guardian) в период с октября 1935 г. по август 1940 г. Так, в статье «Японские амбиции в Китае» [Japan's ambitions in China, 1935] с картосхемой конструируемого так называемого «Региона пяти провинций» в составе Суйюани, Чахара, Хэбэя, Шаньси и Шаньдуна Суйюань и Чахар упоминаются как особое пространство, связанное экономически с японским марионеточным режимом в Маньчжурии, в связи с чем предполагалась их дальнейшая интеграция, а в статье «Япония и Северный Китай» [Japan and North China, 1935] напрямую заявлялось, что эти области, с целью дальнейшей экспансии на Внешнюю Монголию, рассматриваются как потенциально новые провинции Маньчжоу-го во главе с марионеточным императором Пу-И, которого японцы намерены вернуть на Трон Дракона в Пеки-

не. В небольшой заметке «Японская тактика в Северном Китае» [Japanese tactics in N. China, 1935] с картой описываемого района шла речь о противоборстве за некоторые уезды на границе пока еще китайского Чахара и маньчжурской провинции Жэхэ, которые японские марионеточные войска пытались взять под свой контроль.

В статье «Принципы марионеточного режима» [Principles of puppet regime, 1935] предварительное название будущего Хэбэйско-Чахарского политического совета приводилось как «Северокитайское автономное правительство Китайской Республики» (кавычки редакции. — П. Д.), и вслед за этим приводился перечень ключевых условий его формирования. В статье «Японцы захватывают китайскую железнодорожную инфраструктуру» [Japanese seize Chinese..., 1935] высказывалось опасение яростному сопротивлению с китайской стороны марионеточному правительству во главе с Инь Жугэном. Почти половина статьи под названием «Япония и Китай» [Japan and China, 1936], раскрывающей общий фон попыток автономизации региона и того, что он из себя представлял на момент ее опубликования спустя более чем полгода, была посвящена экономическому значению Восточного Хэбэя, главу которого называли марионеточным губернатором, хотя Инь Жугэн никогда таких назначений из Нанкина не получал, являясь лишь административным руководителем демилитаризованной зоны, в границах которой, собственно, и была сформирована Восточно-Хэбэйская автономия. В ехидно-саркастическом тоне статья «Северный Китай» [North China, 1937], спустя год после предыдущей и накануне начала боевых действий, выставляла «смешной автономный совет Восточного Хэбэя при марионеточном правителе» Инь Жугэне, а также руководителя другого автономного образования — Сун Чжэюаня, председателя Хэбэйско-Чахарского политического совета, о роспуске которого говорилось в следующей короткой заметке «Власть Японии в Северном Китае» [Japan's grip on N. China, 1937] месяцем позже, констатируя, что «японцы будут теперь управлять без помощи марионеточного совета».

Упоминаемые нами выше мирные условия Японии, изложенные в одноименной статье [Japan's peace terms, 1938], раскрывали требования, при которых Япония готова была прекратить военные действия. Одним из ключевых моментов становилось формирование нового марионеточного правительства Китая под контролем японской армии, тогда как вести переговоры с китайским Национальным правительством (бывш. Нанкинским) японская сторона больше никогда не собиралась. Драматичные события борьбы китайцев друг с другом по разные стороны конфликта оказались изложены в статье «Партизанская война в Китае» [Guerrilla war in China, 1938] со слов одного ополченца из Пекина, которого японцы заставили сражаться против своих же сограждан. Из рассказа явствует, что те, кто вынужден выступать на стороне японцев, — это «послушные рабы, простые люди Китая, которых японская армия заставила трудиться на марионеточные правительства». Продолжает партизанскую тему статья «Северный Китай» [North China, 1938], в которой раскрываются некоторые общие схемы как партизанского, так и экономического противодействия марионеточным режимам, недопуска их к населенным пунктам или другим местам с продовольствием, амуницией и т. п. Спустя более чем полгода в статье под аналогичным названием, вышедшей накануне начала полномасштабных боевых действий [North China, 1939], в разделе под заголовком «Марионеточные правительства» рассказывалось о том, что эти структуры собрали худшие элементы китайской нации без чувства патриотизма, сами учреждения назывались поддельными и показывалась их слабость как в организационно-военном, так и в инфраструктурно-экономическом плане. И наконец, завершающая статья с красноречивым названием «Сопrotивление или капитуляция в Китае?» [Resistance or surrender in China?, 1940] высмеивала подражание Японии германскому блицкригу, называя «нанкинскую марионетку» Ван Цзинвэя сомнительной заменой Чан Кайши.

Особый интерес вызывает пресса Азии, а именно малайские и сингапурские англоязычные издания, где представлено наибольшее число материалов на английском языке. Хронологиче-

ские рамки полученного материала охватывают 1933–1939 гг. и сосредоточены на пространстве Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая. (Доступ к архивам этих СМИ был возможен через специальные ресурсы, создаваемые под эгидой правительства по оцифровке исторического материала и обеспечению к нему свободного доступа. В отличие от западных СМИ, доступ к азиатским изданиям преимущественно бесплатный, однако используемый формат позволяет не скачивать материал, а лишь читать его с экрана компьютера или гаджета.)

Газета «Сингапур Фри Пресс» (The Singapore Free Press) в период с июня 1934 г. по июнь 1939 г. имела небольшую, но знаковую линейку статей относительно категории «марионеточный». Первая и самая знаковая среди них — статья-декларация «Мацуока говорит, что Япония выступает против “белой опасности”» [Matsuoka Says..., 1934], в которой приводилась речь японского министра иностранных дел Ёсуге Мацуоки от 28 апреля 1934 г., являвшаяся не только ответом на обвинения Японии в создании «Маньчжурской игрушки», но и в целом вобравшая в себя те установки, которые позднее найдут свое институциональное оформление в виде Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания. Статья «Новые пространства для завоеваний» [Fresh Fields to Conquer, 1935] касалась событий во Внутренней Монголии, которую сравнивали, прогнозируя ее будущее, с марионеточным государством Маньчжоу-го, а вышедшая через год статья «Советско-монгольский пакт» [The Soviet-Mongol Pact, 1936] прогнозировала аналогичную ситуацию для Внешней Монголии, которую Япония намерена была завоевать или приобрести другим путем, создав там марионеточное государство.

Следующий блок материала касался коллаборационистов. Так, статья «Китайская марионетка апеллирует к британскому признанию» [China Puppet Appeals..., 1939] содержала условия сохранения своих рынков в Восточной Азии для Великобритании в случае признания ею Реформаторского правительства в Нанкине, а заметка «"Марионеточные" чиновники получили отравленное вино на банкете» [«Puppet» Officials Given..., 1939] рассказывала о неудачной попытке отравления некоторых его членов во главе

с председателем Лян Хунчжи на одном из торжественных мероприятий в Нанкине. Третья заметка «Собственная армия марионеточного режима» [Puppet Regime's Own Army, 1939] говорила о том, что Временное правительство Китайской Республики во главе с Ван Кэмином в Пекине решило организовать свою собственную регулярную армию к концу 1939 г., чтобы полноценно сотрудничать с японскими силами в Северном Китае.

На страницах газеты «Малайя Трибьюн» (Malaya Tribune) Внутренняя Монголия в контексте рассматриваемой категории нами не обнаружена, в отличие от других регионов Китая в период с июня 1936 г. по октябрь 1939 г. Так, в статье «Марионеточное государство на Севере Китая?» [Puppet state..., 1936] говорилось, что японские военные приступили к обсуждению создания нового режима, в котором должны быть представлены восточнохэйбэйский лидер Инь Жугэн, известный военный-коллаборационист Ши Юйсян, бывший президент Китая Гао Линвэй и другие известные на Севере Китая политические и государственные деятели. В «Сегодняшнем обзоре новостей» [To-day's News Review, 1939] велась речь о признании «статуса шатких марионеточных режимов, поспешно созданных и усиленных японской армией в различных приморских провинциях Китая», которые были переданы в итоге Реформаторскому правительству. В продолжение темы статья «В Северном Китае марионеточное движение опять провалилось» [Puppet move fails..., 1939] констатировала очередной провал в переговорах между Временным правительством Ван Кэмина в Пекине и Реформаторским правительством Лян Хунчжи в Нанкине относительно кандидатуры Ван Цзинвэя в качестве главы единой альтернативной Китайской Республики и невозможность ее создания к 10 октября, в годовщину основания Китайской Республики.

Среди тех азиатских англоязычных СМИ, которые с сентября 1934 г. по октябрь 1939 г. наиболее подробно освещали японо-китайское противостояние 1930–1940-х годов, была малайская газета «Стрейтс Тайм» (The Straits Times). Одна из первых найденных нами публикаций под названием «Будущее Монголии» [Mongolia's future, 1934] с подзаголовком «Новое марионеточное

государство» повествовала о съезде монгольских князей в провинции Жэхэ, которая к тому времени стала частью Маньчжоу-го. Сообщалось об идеологической обработке приглашенных с целью установления ими марионеточных правительств в нескольких регионах Монголии. Следующая публикация «Марионеточное государство в Монголии?» [Puppet state in Mongolia?, 1936] сообщала о провозглашении 29 июня 1936 г. независимого правительства Внутренней Монголии во главе с взятым японцами в заложники Дэ-ваном и на фоне недавнего провозглашения независимости Монгольского государства под названием Монгол-го (Mengkuokuo) в Восточном Чахаре. Полгода спустя в статье «Японцы в Монголии» [The Japanese in Mongolia, 1936] в подробностях анализировались описываемые события и приводились, среди прочего, слова одного из лидеров сопротивления японцам князя Ша (Шаг-дуржава) о провалах японцев в попытке выстроить эффективный марионеточный режим, который вскоре должен был стать основой Монгольской автономной федерации. И уже спустя менее чем год небольшая заметка «Новое марионеточное государство» [New Puppet State, 1937] констатировала создание японцами 20 октября 1937 г. новой политики, правда, пока в виде конфедерации трех государств. Вновь о марионеточной Монгольской автономной федерации в ракурсе исторических событий, разворачивавшихся на монгольских просторах с 1933 г., издание заводит разговор в объемной аналитической статье «Японские просчеты в Монголии» [Japanese Failure in Mongolia, 1939]. А о будущем страны либо в русле японских планов, либо в случае нереалистичного, но желаемого большинством монголов объединения Внутренней и Внешней Монголии говорилось в статье «Монгольские махинации» [Machinations In Mongolia, 1939], где, в числе прочего, упоминалось о 2 млн монголов, оказавшихся волей судьбы на территории марионеточного государства Маньчжоу-го.

По традиции газета не могла обойти стороной автономию Восточного Хэбэя, попытка расширения которого описывалась в короткой заметке с емким названием «Новое марионеточное государство в Северном Китае?» [New puppet state in North China?, 1937], а также вопросы конструирования альтернативной офи-

циальному Нанкину (а позднее — Чунцину/Ханькоу) китайской государственности. Сразу же после образования Временного правительства Китайской Республики во главе с Ван Кэмином и Реформаторского правительства Китайской Республики во главе с Лян Хунчжи они становятся героями серии публикаций. Так, в одной из статей под названием «Северо-Китайское марионеточное государство принимает таможенную» [N. China Puppet State..., 1937] объявлялось о переходе северокитайских таможенных пунктов в руки марионеточного режима в Пекине. В другой статье под названием «Марионеточная полиция для Шанхая» [Puppet police for Shanghai, 1939] сообщалось, что Реформаторское правительство в Нанкине приняло решение поставить китайскую полицию в Шанхае под свой контроль. В статье «Призыв марионеточного режима к Великобритании» [Puppet regime's plea to Britain, 1939] содержалась информация, аналогичная упоминаемой выше в газете «Сингапур Фри Пресс» от 25 марта 1939 г. под названием «China Puppet Appeals to British Recognition», равно как и в статье «Марионеточный президент покидает больницу» [Puppet president leaves hospital, 1939] — информация, аналогичная той, что была опубликована в заметке от 13 июня 1939 г. под названием ««Puppet» Officials Given Poisoned Wine at Banquet». А в короткой заметке «Марионеточное правительство заявило манифест на преобразование» [Puppet government issues manifesto, 1939] сообщалось о заявлении новых нанкинских лидеров-коллорабационистов создать новый Китай. Развитие темы отразилось в статье «Марионеточные режимы объединяются?» [Puppet Regimes to merge?, 1939], где было сообщено о достижении договоренности между Ван Кэмином, Лян Хунчжи и Ван Цзинвэем об объединении коллорабационистских режимов и образовании альтернативной Китайской Республики, а также в короткой заметке «Заявления китайских марионеточных режимов» [Statements by China puppet regimes, 1939], однако в вышедшей две недели спустя статье «Заминка в планах марионеточных режимов» [Hitch in puppet regime plans, 1939] высказывались сомнения относительно того, что это будет единое политическое образование и его удастся сформировать достаточно быстро. И наконец, последняя

статья под названием «Марионеточные режимы в Китае объединяются» [Puppet Regimes in China to merge, 1939] сообщала лишь о текущем процессе переговоров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ средств массовой информации США, Великобритании и ее колоний в Юго-Восточной Азии показывает, что категория «марионеточного» использовалась в четырех ипостасях: 1) в отношении государства как политики, обладающей основными признаками полноценного субъекта международных отношений; 2) в отношении политического режима как совокупности политических институтов, созданных для определенных целей; 3) в отношении администрации или правительства как высшего коллегиального органа управления; 4) в отношении руководителя как единоличного высшего должностного лица, находящегося в определенной зависимости от внешних акторов. При этом если американские СМИ в своих обзорах отдавали предпочтение категориям «марионеточного» государства и «марионеточного» правителя, а азиатская пресса описывала «марионеточные» режимы, то британские источники по упоминаниям распределились примерно в равной пропорции в отношении каждой из четырех категорий.

Однако заявленный нами в начале данной статьи посыл нашел свое подтверждение: ни одно из упомянутых средств массовой информации не наполнило ни дефиницию «марионеточный», ни формируемые на ее основе четыре категории веским содержанием. Лишь изредка эти СМИ ссылались на ту или иную степень зависимости, выраженную в военном подчинении, в контроле противником логистических путей и финансово-экономической инфраструктуры и т. п., что не только не вносило ясности в отношении природы исследуемого нами явления, но, очевидно, еще больше запутывало и современного упомянутым изданиям читателя, и нынешнего исследователя, вынужденных самостоятельно додумывать заложенные в текстах смыслы. Это, в свою очередь, оставляет нас в убеждении в псевдонаучном характере термина

«марионеточный», его сугубо пропагандистском и манипулятивном характере, избирательности и применимости в отношении только определенного рода политий региона в заданных хронологических рамках, что требует научного пересмотра как самого термина, так и связанных с ним категорий, а также их адекватной академической замены.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Азаренков А. А. Внешнеполитический контекст политики «буферизма»: марионеточное дальневосточное государство-«буфер» как геополитическая игра большевистской России // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки*. 2009. № 2.
- Гагарин С. А. Дочерние республики как феномен марионеточного государства (на примере Цизальпинской и Партенопейской республик) // *Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. Материалы международной студенческой конференции*. Екатеринбург, 2019.
- Дудин П. Н., Курас Л. В. Введение // *Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го: исторические очерки*. Иркутск, 2016.
- Караева К. А. Маньчжоу-Го (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // *Уральское востоковедение*. 2005. № 1.
- Кузьмин Ю. В. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-го: марионеточное государство или квазигосударство? // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2017. № 2 (26).
- Мехди Х. Ш. Значение вектора «политического выживания» во внешней политике Ирана (1943–1979 гг.) // *Теория и практика общественно-го развития*. 2014. № 8.
- Муромцева Л. Х. Хорватские радикальные националисты на пути к власти (1918–1941 гг.) // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2020. № 4 (289).
- Саликов Д. Х. Влияние внешнеполитического курса Японской империи в межвоенный период на практику государственного регулирования экономики // *Общество, экономика, управление*. 2020. № 5 (1).

- Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV: Лозаннские соглашения // *Женевская конференция по разоружению. Признание Маньчжоу-Го и др.* / под ред. К. В. Антонова. М., 1933.
- Стимсон Г. Л. Дальневосточный кризис: воспоминания и наблюдения. М., 1938.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Рачков М. П. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-го: марионеточное государство или квазигосударство? (Рецензия на коллективную монографию: Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Тубчинов, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенков, А. В. Шемелин / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 254 с.) // *Российско-китайские исследования*. 2017. № 1 (1).
- Суходолов А. П., Лебедева А. В. ДВР и Маньчжоу-го: исторические параллели // *Российско-китайские исследования*. 2019. № 3 (3).
- Abend H. Wang to control trade on Yangtze // *The New York Times*. 28.01.1940.
- Another bite of China? // *Los Angeles Times*. 22.12.1932.
- China puppet appeals to British recognition // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 25.03.1939.
- China: homeless smuggler // *The Time*. 11.05.1936.
- China: Inner Mongolia for Inner Mongolians // *The Time*. 23.10.1933.
- China: Mongokuo // *The Time*. 29.03.1937.
- China: next: Hopei // *The Time*. 05.04.1937.
- Durbin T. Chinese attacking over a wide area // *The New York Times*. 16.02.1939.
- Durbin T. Chiang says Japan imperils all East // *The New York Times*. 24.01.1940.
- Durbin T. Reds rule big North China area from capital set up in Kalgan // *The New York Times*. 31.10.1945.
- East Hopei seeks to upset Nanking; Japanese puppet area shows no evidence that it might be restored to China // *The New York Times*. 25.03.1937.
- Eastern Asia: Soviets v. Empires // *The Time*. 24.02.1936.
- Forten years China has defied Japan // *The Observer*. 28.03.1943.

- Foreign news: Te & Confucius // *The Time*. 13.09.1937.
- Forms new Jap. puppet regime // *Chicago Daily Tribune*. 30.04.1936.
- Fresh fields to conquer // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 21.01.1935.
- Generalissimo's speech // *The Times*. 20.07.1937.
- Guerrilla war in China // *The Manchester Guardian*. 04.08.1938.
- Gull E. M. Japanese action in China the Doctrine of force // *The Times*. 15.12.1937.
- Hitch in puppet regime plans // *The Straits Times*. 06.10.1939.
- Hopei "legalizes" smuggling // *The New York Times*. 01.09.1936.
- Inner Mongolia: cash rebellion // *The Time*. 09.03.1936.
- Inner Mongolia: Prince Humpty-Dumpty // *The Time*. 03.09.1945.
- Inner Mongolians turn on Japanese // *The New York Times*. 05.04.1937.
- Japan — China: another Kuo? // *The Time*. 26.07.1937.
- Japan and China // *The Manchester Guardian*. 20.05.1936.
- Japan and North China // *The Manchester Guardian*. 20.11.1935.
- Japan creates of Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 17.03.1937.
- Japan sets up Inner Mongolia puppet state // *The Washington Post*. 30.10.1937.
- Japan's ambitions in China // *The Manchester Guardian*. 18.10.1935.
- Japan's grip on N. China // *The Manchester Guardian*. 20.08.1937.
- Japan's peace terms // *The Manchester Guardian*. 24.01.1938.
- Japanese failure in Mongolia // *The Straits Times*. 08.03.1939.
- Japanese place puppet king on Mongol throne // *Chicago Daily Tribune*. 28.06.1936.
- Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. 01.12.1938.
- Japanese seize Chinese railway junctions // *The Manchester Guardian*. 28.11.1935.
- Japanese tactics in N. China // *The Manchester Guardian*. 18.12.1935.
- Lore L. Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. 27.12.1935.

- Lore L. Japan cuts herself another piece of Chinese cake // *New York Post*. 30.06.1936.
- Machinations in Mongolia // *The Straits Times*. 09.07.1939.
- Manchoukuans push far into Mongolia // *New York Post*. 10.03.1936.
- Manchurian border. A tiny “puppet state” // *The Times*. 06.02.1935.
- Matsuoka Says Japan Opposes White Peril // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 16.06.1934.
- Mongol state set up, says Chahar report // *New York Post*. 16.03.1937.
- Mongolia’s future // *The Straits Times*. 28.09.1934.
- N. China puppet state takes customs // *The Straits Times*. 17.12.1937.
- Nanking Puppet’s secret treaty. Hainan “ceded” to Japan // *The Times*. 09.10.1942.
- New puppet state in North China? // *The Straits Times*. 09.06.1937.
- New puppet state // *The Straits Times*. 20.10.1937.
- North China // *The Manchester Guardian*. 13.07.1937.
- North China // *The Manchester Guardian*. 14.12.1938.
- North China // *The Manchester Guardian*. 07.07.1939.
- Principles of puppet regime // *The Manchester Guardian*. 20.11.1935.
- Puppet government issues manifesto // *The Straits Times*. 29.03.1939.
- Puppet move fails again in N. China // *Malaya Tribune*. 06.10.1939.
- “Puppet” officials given poisoned wine at banquet // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 13.06.1939.
- Puppet police for Shanghai // *The Straits Times*. 25.02.1939.
- Puppet president leaves hospital // *The Straits Times*. 15.06.1939.
- Puppet regime’s plea to Britain // *The Straits Times*. 25.03.1939.
- Puppet regime’s own army // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 16.06. 1939.
- Puppet Regimes in China to merge // *The Straits Times*. 31.10.1939.
- Puppet regimes to merge? // *The Straits Times*. 23.09.1939.
- Puppet region cuts another Chinese tie // *The New York Times*. 21.03.1937.
- Puppet state in Mongolia? // *The Straits Times*. 30.06.1936.
- Puppet state in north China? // *Malaya Tribune*. 18.06.1936.

Repulse of Japan's puppet invaders is claimed by Chinese // *Chicago Daily Tribune*. 25.11.1936.

Resistance or surrender in China? // *The Manchester Guardian*. 22.08.1940.

Revolt feared in Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 18.03.1937.

Sheba K. Japs plan to set up a new puppet state in N. China // *Chicago Daily Tribune*. 07.10.1937.

Statements by China puppet regimes // *The Straits Times*. 25.09.1939.

The Japanese in Mongolia // *The Straits Times*. 21.11.1936.

The Japanese program // *The Observer*. 16.06.1935.

The Soviet-Mongol Pact // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 09.04.1936.

To-day's news review // *Malaya Tribune*. 05.07.1939.

War rumblings rise in new Jap puppet state // *Chicago Daily Tribune*. 18.03.1937.

Монгольская цивилизация и межкультурное российско- монгольское взаимодействие как факторы независимости и безопасности Монголии

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются перспективы применения методологии цивилизационной политологии как нового научного направления, развивающегося совместными усилиями российских и монгольских ученых на примере анализа развития монгольской цивилизации и влияния цивилизационного фактора на политические процессы в регионе. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей (параграфов), рассматривающих последовательно вопросы сотрудничества российских и монгольских ученых по прояснению исторической миссии Монголии и ее позиционированию в цивилизационном мироустройстве, а также вопросы о монгольской цивилизации и межкультурном российско-монгольском взаимодействии как факторах обеспечения независимости и безопасности Монголии.

Ключевые слова: монгольская цивилизация, цивилизационная политология, межкультурное российско-монгольское взаимодействие, независимость, безопасность, историческая миссия Монголии

Железняков Александр Сергеевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и политической социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Российская Федерация.

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6477-6161

Inter-civilizational Russian-Mongolian cooperation as a factor of Mongolia's independence and security

ABSTRACT. This article examines prospects for applying the methodology of civilizational political science as a new scientific direction developed by joint efforts of Russian and Mongolian scientists on the example of analyzing the development of Mongolian civilization and the influence of the civilizational factor on political processes in the region. Structurally, the article consists of several semantic parts (paragraphs) that consistently considers the issues of cooperation between Russian and Mongolian scholars to clarify the historical mission of Mongolia and its positioning in the civilizational world order, as well as the issues of Mongolian civilization and inter-civilizational Russian-Mongolian interaction as factors in ensuring the independence and security of Mongolia.

KEY WORDS: Mongolian civilization, civilizational political science, inter-civilizational Russian-Mongolian cooperation, independence, security, Mongolia's historical mission

ZHELEZNYAKOV ALEXANDER SERGEEVICH, D. Sc. (Polit.), Chief Researcher, Head of the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the FCTAS RAS. 117218, Moscow, Krzhizhanovskogo Street, 24/35, building 5, Russian Federation.

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6477-6161

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Г. ЧУЛУУНБААТАРА

Рассматривая вопросы сотрудничества российских и монгольских ученых по прояснению исторической миссии Монголии и ее позиционированию в цивилизационном мироустройстве, прежде всего хочу отдать дань уважения памяти академика Г. Чулуунбаатара — выдающегося ученого, сыгравшего огромную роль в исследовании философии истории и развития Мон-

голии, а также в развитии сотрудничества между философами, социологами, политологами и историками России и Монголии. Он ушел от нас 6 октября 2023 г. Мы, коллеги из России, хорошо знали академика Чулуунбаатара с давних времен, и знали его не только как профессионала, талантливого исследователя, но и как настоящего друга, человека поистине необъятной души.

Находясь на высоких административных постах — директора Института философии АН Монголии, министра науки и образования и на последней должности первого вице-президента Академии наук Монголии, — академик Чулуунбаатар возглавлял, помимо прочего, монгольскую часть нашего российско-монгольского коллектива социологов, политологов, историков и философов, занятого изучением политических и социальных трансформаций в России и Монголии и монгольской цивилизации. Наше сотрудничество последних 17 лет было сконцентрировано на конкретных эксклюзивных проектах¹ и отмечено ценнейшим вкладом академика в общее дело.

Внезапный безвременный уход нашего коллеги, основного партнера и соавтора многих совместных российско-монгольских научных работ, не только оставил ощущение ничем не восполняемой утраты, но и поставил международный коллектив перед необходимостью продолжить анализ совместно поднятых проблем, в том числе проблемы нового научного направления — цивилизационной политологии.

¹ Прежде всего это следующие проекты: Политические и социальные трансформации России и Монголии в глобальном контексте (сравнительный анализ) (РГНФ) (2007–2009); Создание концептуальной основы и разработка содержания Национального атласа устойчивого развития Монголии (РГНФ) (2011–2012); Монгольская цивилизация: история и современность (разработка атласа) (РГНФ) (2013–2015); Цивилизационные аспекты модернизации России и Монголии (опыт сравнительного анализа) (РГНФ) (2014–2015); Процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах России и Монголии (РГНФ) (2014–2016); Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства (РФФИ) (2019–2022) и др. Руководители этих и других совместных проектов коллектива — З. Т. Голенкова, М. К. Горшков, Ч. Дашдаваа, А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова, Д. Лундээжанцан, Л. Хайсандай, Ц. Цэцэнбилэг, С. Чулуун, Г. Чулуунбаатар, Б. Энхтүвшин, В. А. Ядов.

О цивилизационной политологии

Отдельным этапом проработки темы нового научного направления — цивилизационной политологии — выступили наши недавние российско-монгольские совместные работы. Это прежде всего вышедшая недавно на монгольском языке монография «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в евразийском пространстве» [Евроазийн түншлэлийн нөхцөл байдал, 2023] и опубликованная в 2023 г. в журнале «Вестник РУДН. Социология» статья под названием «Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии» [Железняков, Чулуунбаатар, 2023]. Цивилизационная политология рассматривает процесс взаимодействия обществ через призму переплетенного цивилизационного мироустройства, а само мироустройство одновременно в двух парадигмах — политического (геополитического и этнополитического) и цивилизационного подходов.

Иными словами, цивилизационная политология представляет собой взгляд на один и тот же предмет (на мироустройство, в котором цивилизации наслаиваются друг на друга и переплетаются) с двух точек наблюдения. Такой взгляд дает стереоскопическую картину. В этом фокусе становятся отчетливо видны противоречия политического и цивилизационного подходов, их сильные и слабые стороны в изучении мироустройства и международных отношений.

При всех других особенностях одна из специфических черт политического подхода связана с его органичной привязкой к отдельным коротким отрезкам исторического пути. Это ведет к вычерчиванию в этих временных отрезках резко контрастных картин без возможности находить общее в положении одного и того же общества на протяжении длительных исторических эпох.

Так, при сугубо политическом анализе открывается картина периферийности и отставания современной Монголии от ее соседей. Эта картина резко отличается от картины великого прошлого Монголии. Возникает контраст, вызывающий сильную тревогу

за сохранение монгольской идентичности. Общий знаменатель между XIII и XXI вв. здесь найти с точки зрения чисто политической науки практически невозможно.

Скорее, много общего с точки зрения политического подхода, базирующегося на вполне корректном анализе соотношения в рассматриваемом регионе военных, экономических и политических факторов, может обнаружиться между картинами расклада сил в Монголии и у ее соседей в начале XX и начале XXI вв. Положение Монголии сто лет назад также было отсталым по сравнению с соседями и даже приближалось, по мнению весьма авторитетных ученых, к состоянию одной из самых отсталых окраин (периферий) мира. Цитировать отдельных авторов нет необходимости, поскольку это мнение стало общим местом многих работ по истории Монголии.

Что касается цивилизационного подхода, то при всех других особенностях одной из его специфических черт является привязка к макрокатегориям исторического процесса, взятого в целом. То есть привязка к открытым классиками цивилизационного подхода человеческим общностям высшего порядка — локальным цивилизациям. Монголия как субъект истории через призму этих макрокатегорий ранее до нас никогда не рассматривалась. Поэтому и с точки зрения цивилизационного подхода в его классической форме вопрос состояния дел во взаимоотношениях Монголии с соседями сейчас и столетие или многие столетия назад сводится так же, как и при политическом подходе, к вопросу о периферийном положении страны по отношению к своим соседям-цивилизациям.

Это расходится с нашим представлением о Монголии как о ядре общности того же таксономического порядка, что и выделенные классиками локальные цивилизации. Это и побудило нас поставить вопрос о нахождении с помощью методов цивилизационной политологии своеобразного общего знаменателя между отстоящими далеко и близко друг от друга периодами истории Монголии.

Преимуществом цивилизационной политологии является то, что она оперирует специфическими (в том числе количествен-

ными) методами политического анализа, которые не работают в «классическом» цивилизационном подходе, и при этом использует не менее специфические (в частности, не измеряемые количественно) цивилизационные параметры мироустройства, недопустимые в рамках обычного политического анализа (однако характерные для гибридных геополитических и этнополитических исследований, использующих цивилизационный фон — см., например, работы Н. В. Абаева [Абаев, 1997], С. А. Арутюнова [Арутюнов, 2012], А. Хантингтона [Хантингтон, 2003] и др.).

За основу определения современной мировой (она же локальная) цивилизации логичным представляется взять ключевой элемент «формулы» А. Тойнби [Тойнби, 1991, с. 106–141] — Ответ-на-Вызов. Тогда современные мировые цивилизации — это человеческие социокультурные общности, объединенные каждая в своем случае успешным (правда, продолжающимся с момента возникновения до настоящего времени) Ответом-на-Вызов (глобальный) и существующие одновременно локально — в пространстве своих прежних, выражаясь языком Петра Савицкого, «месторазвитий» [Савицкий, 1997, с. 302] и глобально — как структуры безграничного влияния своего историко-культурного наследия.

В нынешнем мире множество этнокультурных систем сталкиваются с Вызовами. Однако этнокультурные системы не входят в таксономический ряд всего нескольких цивилизаций, только в рамках которых и происходят Ответы-на-Вызовы. Цивилизации охватывают весь чрезвычайно богатый и многообразный мир, который находится внутри них и на их стыках, в зоне их многополярного переплетения и взаимного влияния. Наши исследования позволяют утверждать, что классики цивилизационного подхода в силу сугубо оседлоцентристского взгляда на мироустройство [Железняков, 2000, с. 233–248] в своих схемах отказали в признании одной из мировых (она же локальная) цивилизаций — монгольской.

О новом взгляде на место Монголии в истории

При обсуждении исторической миссии Монголии речь идет о хорошо изученных и описанных в литературе исторических рубежах, пройденных Монголией с III в. до н. э. до наших дней. Новизна касается лишь интерпретации происходивших событий и построения картины исторического места Монголии как колыбели и ядра отдельной, не прерывавшей своего существования, великой пульсирующей цивилизации. Монголия с окружающей ее Внутренней Азией выступала «пульсирующим Римом» целого каскада великих империй кочевых и подключавшихся к ним оседлых народов.

Периоды всплеск ее активности сменялись периодами затишья. Внутренняя Азия — регион, тысячелетиями переживающий циклические цивилизационные кризисы: хунну (III в. до н. э., рубеж I в. до н. э. и I в. н. э.), сяньби (III–IV вв.), жуэни (V–VI вв.), тюрки (VII–VIII вв.), уйгуры (IX–X вв.), кидани (XI–XII вв.), монголы (XIII, XIV–XV, XVI–XVII, XVIII, XX вв.). Завершение одного из таких кризисов, продолжающегося более 100 лет, Монголия переживает сейчас. Этот кризис привел к складыванию в Монголии демократически ориентированного и динамично развивающегося современного общества.

Монголия циклически становилась то центром, то окраиной крупных государственных образований: империй, каганатов, ханств, союзов, блоков, иногда даже населенных преимущественно оседло-земледельческими народами. Это растянувшееся на два с лишним тысячелетия пульсирование означало, что Монголия никогда не была отсталой периферией чужих стран, а, напротив, являлась со своими природными зонами Хангая и Хэнтэя колыбелью великих империй или привилегированной окраинной частью возникавших за пределами Монголии государств-наследников по прямой или боковой линиям этих империй. Такими «боковыми» наследниками великих «степных» империй являются, безусловно, Китай и Россия.

Вся фактическая сторона этой истории подробно представлена в обширной монголоведческой литературе с ее ярчайшими

представителями, считающими Монголию весьма продвинутой в своем развитии, абсолютно не подпадающей под понятие отсталой периферии. Просто эти исследователи находились и находятся в стороне от научной проработки проблем цивилизационного подхода. Так, академик Б. Я. Владимирцов писал: «Монголы — народ, давно уже появившийся на широкой исторической арене, проживший бурной исторической жизнью. Мировая империя монголов, возникшая в XIII в. при Чингис-хане, оказала влияние на жизнь почти всех стран Азии и отчасти Европы. Монгольские завоевания создали новые государственные объединения, в которых монгольский элемент оказывался некоторое время в главенствующем положении» [Владимирцов, 1934, с. 2].

Однако и позже, когда цивилизационный подход вполне уже сформировался, логический вывод о существовании за «бурной исторической жизнью» Монголии устойчивой цивилизации не был сделан. Гласно или негласно Монголия по-прежнему предстает как отсталая периферия более культурных обществ. Видимо, здесь довлеет укоренявшееся столетиями в оседло-земледельческом мире представление о том, что кочевники настолько специфичны (если не сказать примитивны) по своему образу жизни, по своим традициям и культуре, что не могут не быть на обочине мира и истории. Поэтому в споре с этой позицией нет смысла вдаваться в глубины истории, искать что-то новое, помимо досконально изученных учеными огромных массивов документов. Достаточно будет просто остановиться на осмыслении с точки зрения цивилизационной политологии хорошо известных рубежей истории Монголии.

Важнейший рубеж — перенесение внуком Чингис-хана Хубилаем в 1267 г. центра Великой Монгольской империи из Монголии в Китай. В результате Монголия со столицей в Каракоруме географически превратилась в окраину Монгольской империи Юань со столицей в построенном монголами Пекине. Превратилась в окраину, но отнюдь не в периферию: Монголия и монголы среди других регионов и групп населения империи оставались в самом привилегированном положении.

В XX в. нынешняя Монголия столкнулась со следующими рубежами или вехами, которые предлагается осмыслить таким образом:

До 1911 г. она являлась особым окраинным регионом маньчжурской империи Цин — Внешней Монголией. Приписываемое ей безнадежно периферийное положение было обманчивым, представлено абсолютно неубедительным аргументом — всего лишь фактом ее изоляции от внутренних, китайских, районов Цинской империи. Главная же цель изоляции часто замалчивается, а это — предотвращение заселения Монголии китайскими земледельцами. Правители-маньчжуры, будучи бывшими кочевниками, начиная с XVII в. правили Монголией и Китаем, унаследовали многие политические институты империи Чингис-хана, приняли в государственное делопроизводство ее яшмовую печать, считавшуюся ими подлинной, монгольскую письменность и ставили монголов, с которыми вступали в династические браки, выше ханьцев по положению в империи. То сть они вели себя в отношении Монголии так же, как вели бы себя сами монголы, будь они на вершине власти.

Когда маньчжуры в результате Синьхайской революции 1911 г. сошли с исторической арены, Монголия оказалась на начальной стадии своего выхода из «затишья». В 1915 г. она стала автономией в составе республиканского Китая и одновременно связала себя договорами сначала с царской, а затем с советской Россией. Тут уже не могло быть и речи о ее периферийном положении, поскольку даже логически такое положение исключается по отношению сразу к двум центрам. Напротив, она обрела статус активной стороны в трехсторонних отношениях, статус субъекта истории.

Позднее, по окончании Второй мировой войны, Монголия получила широкое признание как независимое государство, а в 1961 г. стала членом ООН. Но из «затишья» она тогда еще не вышла, поскольку была ограничена в международных контактах членством в социалистическом содружестве (в западной терминологии — «сателлитом СССР»).

И наконец, момент крушения социалистического блока и развала Союза ССР — экономического, политического и идеологиче-

ского «патрона» Монголии. Это разбудило страну, вывело ее из затишья. Сам факт выживания в этой ситуации Монголии в качестве независимого государства без делегирования полномочий поддержания национальной безопасности какой-либо стране или группе (блоку) стран доказал то, что она не является периферией.

О МОНГОЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАК ФАКТОРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ МОНГОЛИИ

Трактовка истории в русле методов цивилизационной политологии ставит Монголию и представляемую ею в качестве ядра общность на один таксономический уровень с классическими цивилизациями, открытыми классиками цивилизационного подхода.

Подобно тому как развитие цивилизационной политологии в качестве нового научного направления протекает как своеобразный «цивилизационный» диалог ученых России и Монголии, так и взаимодействие российской и монгольской цивилизаций базируется на общих скрепах, цементирующих независимость и безопасность двух стран. Бесспорным является культурное и политическое влияние, которое было оказано монгольской цивилизацией на формирование государственных, правовых институтов не только в Китае, но и в России. В этом смысле Россия в цивилизационном плане продолжает находиться под влиянием ядра монгольской цивилизации, в особенности такие ее регионы, как Республики Бурятия, Тува, Калмыкия, Алтай и др. Также неоспорим и тот факт, что в геополитическом смысле Россия, Монголия и Китай во многом стали преемниками Монгольской империи в качестве новых центров силы в Евразии, развивающихся в том числе и на фундаменте наследия, выстроенного монгольской цивилизацией.

Цивилизационный фактор, сблизивший наши две страны, во многом обусловил и ту роль, которую сыграла имперская и советская Россия в становлении суверенного монгольского государства

в XX в., и соответственно те дружественные отношения народов, которые не только во многом сохраняются до сих пор, несмотря на пережитые и переживаемые обществами России и Монголии трансформации, но и приобретают особое значение в условиях формирования многополярного мира.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Абаев Н. В. *Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона: учебное пособие*. Кызыл, 2006.
- Арутюнов С. А. *Силуэты этничности на цивилизационном фоне*. М.: НИЦ Инфра-М, 2012.
- Владимирцов Б. Я. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л., 1934.
- Железняков А. С. Послесловие // Груссэ Р. *Чингис-хан: Покоритель Вселенной* / пер. с фр., вступ. сл. Е. А. Соколова; послесл. А. С. Железняка. М., 2000.
- Железняков А. С., Чулуунбаатар Г. Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология*. 2023. Т. 23. № 3.
- Евроазийн түншлэлийн нөхцөл байдал дахь Монгол, Оросын соёл иргэншил хоорондын харилцан үйлчлэл* [Цивилизационное взаимодействие России и Монголии в условиях евро-азиатского партнерства]. Уланбаатар, 2023.
- Савицкий П. Н. *Континент Евразия*. М., 1997.
- Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М., 1991.
- Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 2003.

Монгольская политика «третьего соседа» и ее влияние на современные российско-монгольские отношения

Аннотация. Данная статья посвящена монгольской внешнеполитической концепции «третьего соседа» и ее влиянию на отношения между Россией и Монголией на современном этапе. Автор кратко описывает обстоятельства возникновения концепции «третьего соседа», определяющей внешнеполитический курс Монголии с 1990-х годов, и причины принятия ее монгольским руководством, указывает на характерные особенности и отличия от подходов других «малых государств». Также автор изучает действия государств «третьего соседа», направленные на ослабление влияния России и Китая на Монголию при лоббировании собственных интересов в области экономики, политики и культуры. Отмечается, что эти действия наносят более серьезный ущерб развитию российско-монгольских отношений, в то время как связи Китая и Монголии зачастую даже укрепляются за счет ослабления российских позиций в этой стране. После этого следует анализ действий стран «третьего соседа» в условиях продолжающегося обострения противостояния между коллективным Западом и ближайшими соседями Монголии. Автор приходит к выводу, что третьи страны, в первую очередь США, в определенных условиях могут попытаться принудить монголов к выбору между их основными партнерами, подобно тому как это происходило с некоторыми другими близкими к России государствами.

Ключевые слова: Монголия, концепция «третьего соседа», внешняя политика, сотрудничество, баланс, Запад, Россия, Китай

Игнатов Иван Андреевич, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка, 12, Российская Федерация.

E-mail: sienar93@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5480-3488

I.A. Ignatov

Mongolian “third neighbor” policy and its impact on modern Russian-Mongolian relations

ABSTRACT. This article studies the Mongolian “third neighbor” foreign policy concept and its influence on the relations between Russia and Mongolia at the present stage. The author briefly describes the circumstances of the emergence of the “third neighbor” concept, which has determined Mongolia’s foreign policy since the 1990s, and the reasons for its adoption by the Mongolian leadership, indicates its characteristic features and its differences from the approaches of other “small states”. The author proceeds to study the actions of the “third neighbor” states aimed at weakening the influence of Russia and China on Mongolia while lobbying their own interests in the field of economics, politics and culture. It is noted that these actions cause more serious damage to the development of Russian-Mongolian relations, while ties between China and Mongolia are often even strengthened by the weakening of Russian positions in Mongolia. This is followed by an analysis of the actions of the “third neighbor” countries in the context of the continuing escalation of the confrontation between the collective West and Mongolia’s closest neighbors. The author comes to the conclusion that third countries, primarily the United States, under certain conditions may try to force the Mongolians to choose between their main partners, just as it happened with some other states close to Russia.

KEY WORDS: Mongolia, the “third neighbor” concept, foreign policy, cooperation, balance, the West, Russia, China

IGNATOV IVAN ANDREEVICH, Junior Scientific Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: sienar93@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5480-3488

Прошло уже больше 30 лет с тех пор, как госсекретарь США Джеймс Бейкер произнес свою знаменитую фразу о готовно-

сти США стать третьим соседом Монголии. Перед Монголией, как и перед другими бывшими союзниками СССР, в то время стоял вопрос поиска нового места в системе международных отношений после распада Восточного блока и Советского Союза и начала постбиполярного периода. Для монголов ситуация усугублялась тяжелым экономическим кризисом, вызванным прекращением советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы. С тех пор понятие «третий сосед», творчески переработанное монголами, стало основой целой внешнеполитической концепции, и теперь оно регулярно звучит из уст представителей монгольских властей в ходе визитов за рубеж или встреч с иностранными делегациями в Монголии [Монгол Улсын Гадаад...; Монгол Улсын үндэсний...]. По мере развития отношений Монголии с внерегиональными партнерами идея «третьего соседа» постепенно получила и международное признание как на уровне иностранных государств, так и в экспертном сообществе [Addleton, 2013].

Суть концепции «третьего соседа» состоит в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями — Россией и Китаем, — но и с другими государствами Запада и Востока, в первую очередь с развитыми демократическими странами во главе с США (именно их обычно относят к «третьему соседу»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами, избегая чрезмерной зависимости от какого-либо из них, балансируя между ними, играя на их противоречиях и, как выразился В. Б. Базаров, «стремлении править миром» [Базаров, 2016, с. 83–87]. Монголия также стремится к поддержанию и укреплению отношений с ООН, ее специализированными учреждениями и с международными организациями, на монгольской земле ведут активную деятельность правительственные агентства и НПО из стран «третьего соседа». Кроме того, Монголия принимает активное участие в международной миротворческой и гуманитарной деятельности.

Стоит отметить, что сама по себе идея внешнеполитического курса, основанного на поддержании баланса во взаимоотношениях с другими странами, не является чем-то уникальным. Принцип многовекторности во внешней политике часто «берут на вооружение» страны, причисляемые к «малым государствам»: для них сбалансированная внешняя политика — единственный способ сохранить экономическую и политическую независимость, получить ресурсы для внутреннего развития и стать самостоятельной величиной в мире [Small States, 2003]. В случае Монголии ситуация осложнена отсутствием выхода к морю и географическим положением между Россией и Китаем — двумя великими державами, каждая из которых в разные периоды ограничивала суверенитет Монголии. Среди представителей монгольской элиты, не без поддержки некоторых зарубежных акторов, распространено мнение о принадлежности ближайших соседей страны к «авторитарным» или «недемократическим» государствам и об их противостоянии «свободному миру», к которому принадлежит и Монголия.

Таким образом, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана с сохранением политической, экономической и культурной самостоятельности, с обеспечением безопасности страны и защиты ее границ от возможных внешних военных угроз, с поддержанием дальнейшего устойчивого развития монгольской экономики посредством получения на льготных условиях средств из-за рубежа, в первую очередь из стран коллективного Запада, а также с сохранением доминирования в монгольской политической жизни западных идей и ценностей, возобладавших в стране после 1990 г. Монгольские эксперты и ученые из других стран неоднократно отмечали: концепция «третьего соседа» успешно исполняет ту роль, для которой некогда была создана [Железняков и др., 2013, с. 121–132]. Тем не менее в настоящее время высказываются опасения, что те или иные партнеры Монголии, руководствуясь собственными интересами, могут попытаться разрушить баланс в отношениях Монголии с иностранными партнерами.

Ближайшие соседи Монголии в целом с пониманием относятся к политике «третьего соседа», к ее желанию развивать отношения с другими государствами [Mongolia's 'Third Neighbor'...]. А вот некоторые другие партнеры монголов, и в первую очередь коллективный Запад, демонстрируют гораздо меньше понимания в отношении контактов Монголии с северным и южным соседями. Ряд третьих стран активно стремятся ослабить в Монголии позиции России и Китая, в первую очередь России (ввиду менее прочного и глубокого присутствия нашей страны в Монголии, а также ввиду известных событий и тенденций в мире), в экономике и культурной сфере и не стесняются пользоваться плодами такого ослабления. В своих выступлениях представители государственных органов и экспертного сообщества из стран «третьего соседа» превозносят успехи Монголии на пути демократизации и построения открытой рыночной экономики (естественно, по собственным либеральным лекалам), при этом подчеркивая, что «общность демократических ценностей» с Монголией является залогом ее дальнейшего успешного развития [Родионов, Аюшиева, 2017, с. 126–127]. Часто они увязывают демократическую риторику с лоббированием экономических интересов своих стран в Монголии [Ambassador Campbell...]. Подобное характерно, кстати, не только для крупнейших партнеров монголов из числа государств коллективного Запада, вроде США и Японии, но и, например, для Индии. Одновременно монголов предостерегают от расширения сотрудничества с «недостаточно демократическими» государствами и от присоединения к международным объединениям с их участием вроде Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Следует отметить: ослабление «российской опоры» внешней политики Монголии в большей степени способствует росту влияния Китая, а не стран «третьего соседа». В частности, если имеет место усиление позиций западных компаний в добывающей отрасли монгольской экономики, их основным рынком сбыта, скорее всего, будет именно Поднебесная, что будет способствовать еще большему замыканию монгольской экономической системы на Китай [Родионов, 2013, с. 137–140]. КНР уже является

ключевым экономическим партнером монголов, значительно опережая Россию, не говоря о третьих странах; растет и китайское влияние на Монголию в других отраслях, включая образование, медицину и сферу инфраструктуры. В Стране Вечного синего неба многие опасаются, что китайское экономическое влияние со временем может быть конвертировано в политическое. Некоторые монгольские эксперты и экс-сотрудники МИД заходят так далеко, что говорят о желании южного соседа «заморозить» монгольские природные ресурсы и не допустить их разработки третьими странами и даже о сохраняющейся возможности интервенции КНР [Баасансурэн, 2014]. «Третий сосед» периодически подогревает эти опасения через экспертное сообщество и заявления представителей властей.

Ранее, несмотря на военное сотрудничество монголов с США и НАТО, Монголия неизменно отвергала попытки интегрировать ее в американскую систему союзов в Азии [Soni, 2018, p. 27–44]. Однако продолжающееся ухудшение отношений между непосредственными и «третьими» соседями Монголии, в особенности в связи со специальной военной операцией (СВО) на Украине и ситуацией вокруг Тайваня, сейчас приводит к росту давления западных стран на монгольскую сторону по различным международным инициативам Запада, которые направлены против России и Китая. Кроме того, монгольская пресса и эксперты, представляющие как страны «третьего соседа», так и прозападные монгольские круги, распространяют публикации, где выражается осуждение действий России на Украине и в связи с этим прямо или косвенно высказываются идеи о нежелательности и опасности российско-монгольского сближения. Также в прессе регулярно появляются материалы, представляющие в невыгодном свете реализуемые или планируемые к реализации совместные проекты Монголии с Россией и Китаем (например, в области энергетики, строительства электростанций и инфраструктуры). Аналогичные предложения от партнеров из стран «третьего соседа», наоборот, преподносятся как выгодные и многообещающие (как французские предложения по итогам недавнего обмена визита-

ми Монголии с Францией), даже если их перспективы на деле выглядят туманно.

Угрожая сокращением притока финансовых средств из стран «третьего соседа» и одновременно пугая посягательствами «авторитарных режимов» на суверенитет страны, в перспективе монголов могут попытаться принудить к определенным шагам по «выбору» между основными партнерами, подобно тому как это происходило ранее (в последние годы и даже последние месяцы) с другими близкими к России государствами на территории бывшего СССР и за его пределами. И российской, и китайской стороне придется учитывать это при работе на монгольском направлении и принять во внимание соответствующие вызовы в сфере национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Баасансүрэн Б. *Монголия в тисках ее соседей*. Saarbrücken, 2014.
- Базаров В. Б. *Внешинополитический курс Монголии в XXI в.* // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10.
- Железняков А. С., Баасансүрэн Д., Недяк И. Л. *Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики* // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 5.
- Родионов В. А. *Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией* // *Власть*. 2013. № 2.
- Родионов В. А., Аюшиева И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420.
- Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. 10.02.2011.
- Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии]. 15.07.2010.
- Addleton Jonathan S. *Mongolia and the United States: A Diplomatic History*. ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. Hong Kong, 2013.
- Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting. 21.04.2015. URL: <https://mn.usembassy.gov/>

ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambs-general-meeting/ (дата обращения: 03.03.2020).

Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // *Asia Society website*. Seoul. 18.06.2013. URL: <https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2021).

Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior /ed. Hey J. A.K. Boulder, CO, 2003.

Soni S. K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 20.

**О значении исследования и перевода
китайских письменных источников
«Хэй-да-шилую» 98 и 99 цзюаней-глав
«Юань-ши»
(«Истории [монгольской] династии
Юань») Николая Цырендоржиевича
Мункуева для истории монголов**

Аннотация. Работа посвящена исследованию известного советского и российского ученого-историка — востоковеда, синоведа и монголоведа Николая Цырендоржиевича Мункуева, написанному им еще более трех десятилетий назад, но опубликованному и введенному в научный оборот в 2023 г. Автор изучил и перевел со средневекового китайского языка на русский важные письменные источники по истории Монголии и Китая в эпоху монгольского владычества XIII–XIV вв. «Хэй-да ши-люе» и «Юань-ши».

Ключевые слова: «Хэй-да ши-люе», «Юань-ши», монгольские завоевания, Китай, Мункуев, династия Юань

Кадырбаев Александр Шайдатович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Отдел истории Востока, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка 12, Российская Федерация.

E-mail: kadyr_50@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0511-1095

A. Sh. Kadyrbaev

On the research and translation of the Chinese written sources “Hei-da shi-lue” and the 98, 99 chapters of “Yuan-shi” (“The history of the [Mongolian] Yuan dynasty”) by Nikolai Tserendorjievich Munkuev for the history of mongols

ABSTRACT. The paper considers the research and translation of the Chinese written sources «Hei da shi lue» and 98, 99 chapters of «Yuan shi» («The History of [Mongolian] dynasty Yuan») by Nikolai Tserendorjievich Munkuev. These are sources on the history of Mongols. The report devoted to research of the abovementioned famous Soviet and Russian scientist, who was historian and orientalist, sinologist and mongolist. This author finished his research about sources of epoch of Mongolian conquests, named «Hei da shi lue» and «Yuan shi» («The History of [Mongolian] dynasty Yuan») 30 years ago. This research is translation of these sources from medieval Chinese language into Russian. However, this research by Munkuev was published only last year.

KEY WORDS: «Hei-da shi-lue», «Yuan-shi», Mongolian conquests, China, Munkuev, Yuan Dynasty

KADYRBAEV ALEKSANDR SHAIDATOVICH, Dr. Sc. (Hist.), Chief Scientific Researcher, Institute of Oriental studies of Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: kadyr_50@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0511-1095

Среди таких важнейших произведений для изучения истории не только средневекового Китая эпохи монгольского владычества, но и истории монголов и монгольских завоеваний XIII в., как письменные источники на китайском языке, академическая публикация которых на русский язык прежде не была осуществлена, имеются источники по истории и этнографии монго-

лов, китайцев, чжурчжэней, корейцев, киданей и многих других народов, в частности «сэму» — выходцев из стран к западу от Китая. Самые разные сведения, в первую очередь о военной и политической организации монгольских завоевателей, содержат главы 98 и 99 «Юань-ши» («Истории [монгольской] династии Юань»), а также «Хэй-да ши-люе» — записки двух китайских дипломатов XIII в. о «черных татарах», т.е. монголах. Эти главы представляют собой сведенные в единый текст материалы о военной организации монгольских завоевателей в Китае XIII–XIV вв.

Первым исследователем, подготовившим перевод указанных глав «Юань-ши» с китайского языка эпохи Юань на русский, является известный советский и российский историк, синолог и монголовед Николай Цырендоржиевич Мункуев (1922–1985), чей труд, написанный еще в 1980-х годах, наконец-то увидел свет и был опубликован в 2023 г., спустя более чем три десятилетия после его смерти. Данный труд известного ученого не потерял своей академической актуальности, хотя известны фрагментарные переводы этих глав-цзюаней на другие языки. Пальма первенства перевода «Хэй-да ши-люе» также принадлежит Н. Ц. Мункуеву, хотя впервые его текст в переводе с китайского был опубликован немецким ученым Хэнишем на немецком языке. Рекомендуемый научной общественности опубликованный труд Н. Ц. Мункуева включает в себя его вводную статью, переводы «Хэй-да ши-люе» и двух цзюаней «Юань-ши», а также комментарии и приложения к ним в виде указателей имен, этнонимов, географических названий, монгольских терминов и выражений, китайских терминов и выражений, библиографии. Если «Хэй-да ши-люе» представляет описание китайскими дипломатами монголов накануне их вторжения в Южный Китай, то отобранные автором опубликованные цзюани 98 и 99 из «Юань-ши» представляют собой наиболее обширные и наиболее важные источники по организации монгольских вооруженных сил и монгольской императорской гвардии, других военных институтов империи Юань — времени монгольского владычества в Китае и вообще в Восточной и Центральной Азии, тем более что главной опорой господства монголов в этих

завоеванных ими регионах была военная сила. Значимость труда Н.Ц. Мункуева для отечественной и мировой науки состоит в том, что изучение эпохи монгольских завоеваний и Монгольской мировой державы XIII в., а после ее распада империй ее наследников, в частности империи Юань — монгольского государства в Китае, Монголии, Маньчжурии, Корее и Восточном Туркестане, имеет огромное значение для современных исследователей, в том числе и для отечественных, так как Россия была и остается исторически и политически, а также культурно тесно связанной с Монголией и монгольскими народами как в территориальном, так и в этноконфессиональном отношении. Значительная часть мировой Монгольской державы XIII в. включала в свой состав не только Китай, но и большую часть земель современной России, поэтому данная тема актуальна и для изучения истории ее народов [Мункуев, 2023].

Переводы отдельных частей китайских источников, в частности «Юань-ши», на другие языки были в свое время разобраны в трудах В.В. Бартольда [Бартольд, 1965, т. I] и Б.Я. Владимирцова [Владимирцов, 1934]. В 2016 г. был издан русский перевод «Хэй-да ши-люе» с немецкого с использованием материалов Э. Хэниша [Хэй-да..., 2016, с. 20–55].

В начале XX в. британский ученый Е. Бретшнейдер опубликовал биобиблиографический обзор биографий выходцев из тюркских народов кипчаков и канглы — уроженцев Дешт-и-Кипчака, содержащихся в «Юань-ши», в части «Лечжуань», главной военной силы золотоордынских ханов [Bretschneider, 1910, vol. 2]. Французский ученый Л. Гамбис в 1945 и 1954 гг. опубликовал переводы глав 107 и 108 «Юань-ши» («Генеалогические таблицы монгольских царевичей, потомков Чингис-хана») [Hambis, 1945; Hambis, 1954, t. 1]. Эти переводы необходимы для работы над «Лечжуань» и «Бэньцзи». Из других переводов назовем работы П. Пельо и Л. Гамбиса [Pelliot, Hambis, 1951, t. 1], Э. Хэниша [Haenish, 1940], С.К. Козина [Козин, 1941]. Большая работа по переводу материалов китайских династийных историй монгольского периода применительно к истории тюркских и иранских народов проделана турецким синологом Б. Огелем [Ogel, 1964].

Китайские источники являются основными по истории монгольских завоеваний и времени монгольского владычества в Китае и других странах Центральной и Восточной Азии — Монголии, Восточном Туркестане, Тибете, Корее. Только в них содержатся подробные сведения по истории Китая при правлении монгольской династии Юань, именно они включают в себя широкий круг самых разных по характеру материалов. Наиболее ценны в «Юань-ши» приведенные материалы, каковыми и являются 98 и 99 цзюани «Юань-ши», подробно освещающие такую важную сторону жизни Китая и монголов, как их военная организация. При этом далеко не все дошедшие до нашего времени подобного рода источники переведены на русский язык, а существующие тексты переводов на другие европейские языки не все выдержали критическое научное издание с учетом требований современных академических достижений.

В настоящем случае мы имеем труд Н. Ц. Мункуева «Источники по истории Монгольской империи (Хэй-да ши-люе, главы 98 и 99 Юань-ши)». Перевод и исследование отвечают самому высокому уровню современных академических требований, предъявляемых к научным исследованиям, несмотря на то что они были подготовлены к изданию еще много лет назад. Залогом высокого академического качества данной работы является также имя ее автора, знаменитого советского и российского ученого Николая Цырендоржиевича Мункуева.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Сочинения. Т. I. М., 1965.

Владимирцов Б. Я. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л., 1934.

Козин С. К. *Сокровенное сказание*. М.-Л., 1941.

Мункуев Н. Ц. *Источники по истории Монгольской империи (Хэй-да ши-люе, главы 98 и 99 Юань-ши: перевод и исследование*. Улан-Удэ, 2023.

«Хэй да ши-люе» — источник по истории монголов XIII века. М., 2016.

- Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*. Vol. 2. London, 1910.
- Haenisch E. *Steuerrechtsame der chinesischen Kloster unter der Mongolenherrschaft*. Leipzig, 1940.
- Hambis L. *La Chapitre CVII du Yuan che*. Leiden, 1945.
- Hambis L. *La Chapitre CVIII du Yuan che*. Vol. 1. Leiden, 1954.
- Hsiao Ch. *The Military Establishment of the Yuan Dynasty*. Harvard University Asia Center, 1978.
- Ogel B. *Sino-Turcica*. Taipei, 1964.
- Pelliot P., Hambis L. *Histoire des Campagnes de Chengis Khan*. Vol. 1. Leiden, 1951.

Положение в столице Внешней Монголии перед ее взятием бароном Р. Ф. Унгерном в 1921 г.

Аннотация. Рассматривается положение в столице Внешней Монголии — Нийслэл-хурэ (Урга) — от времени ввода туда китайских оккупационных войск (1919 г.) до ее освобождения войсками барона Р. Ф. Унгерна 4 февраля 1921 г. Отмечается, что ввод китайских войск не был обусловлен непосредственной угрозой для Китая или Монголии, а отмена ее автономии китайским руководством являлась нарушением международного права. Задачей этих мероприятий была китаизация Внешней Монголии и ее превращение в провинцию Китая. При этом китайцы использовали подкуп монгольских высших сановников, а к остальному населению — силу оружия, проводился курс на экономическое вытеснение российских граждан из Внешней Монголии. Крах правившей Аньхойской группировки китайских милитаристов и лично Сюй Шучжэна привел к тому, что китайские войска во Внешней Монголии стали снабжаться недостаточно, деморализовались, занялись незаконными арестами и грабежами российского и монгольского населения. В арестах и репрессиях в отношении российских беженцев китайской стороне активно помогало пробольшевистское самоуправление российской колонии в Урге под предлогом предотвращения прибытия туда белогвардейцев. Грабежи и аресты российского населения Урги китайскими военными резко возросли после первых неудачных штурмов города Р. Ф. Унгерном. После освобождения города от китайской оккупации унгерновцами в феврале 1921 г. бывшие члены пробольшевистского самоуправления российской колонии стали одной из главных целей преследований.

Ключевые слова: Внешняя Монголия, Урга, Нийслэл-хурэ, Китай, оккупация, барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, национально-освободительное движение

Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка, 12, Российская Федерация. E-mail: s.kuzmin@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Situation in the capital of Outer Mongolia before its capture by baron R. F. Ungern in 1921

ABSTRACT. The situation in Niislel Khuree (Urga), the capital of Outer Mongolia, from the time of entry of the Chinese occupation troops in 1919 to its liberation by the troops of Baron R.F. Ungern on February 4, 1921 is discussed. It is noted that the entry of Chinese troops was not caused by a real threat to China or Mongolia, and the abolition of Mongolian autonomy by the Chinese leadership was violation of international law. The goal of these events was sinification of Outer Mongolia and its transformation into a province of China. The Chinese used bribery of Mongolian high dignitaries and force of arms to the rest of the population, and the course was pursued to economically oust Russian citizens from Outer Mongolia. The collapse of the ruling Anhui group of Chinese warlords, and the failure of Xu Shuzheng personal power, led to the fact that Chinese troops in Outer Mongolia began to be insufficiently supplied, demoralized, engaged in illegal arrests and robberies of the Russian and Mongolian population. The pro-Bolshevik self-government of the Russian colony in Urga actively helped the Chinese side in arrests and repressions against Russian refugees under the pretext of prevention of the arrival of White Guards to Urga. Robberies and arrests of Russian peoples in Urga by the Chinese military increased sharply after the first unsuccessful attack to the city by Baron R.F. Ungern-Sternberg. After the liberation of the city from the Chinese occupation by Ungern's troops in February 1921, former members of the pro-Bolshevik self-government of the Russian colony became one of the main targets of persecution.

KEY WORDS: Outer Mongolia, Urga, Niislel Khuree, China, occupation, Baron R.F. Ungern-Sternberg, national liberation movement

KUZMIN SERGIUS LVOVICH, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: s.kuzmin@ivran.ru

ORCID: 0000-0001-9544-1359

Положение Внешней Монголии перед ее освобождением от китайской оккупации рассматривается в ряде работ. Эти данные довольно многочисленны, но фрагментарны. Здесь я постараюсь проанализировать положение в столице Внешней Монголии — Нийслэл-хурэ (Урге) в этот период — преимущественно на основе архивных документов, мемуаров современников, а также российских, монгольских и китайских исследований. Ситуация в Нийслэл-хурэ менялась особенно быстро в период между вступлением войск барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга во Внешнюю Монголию 1 октября 1920 г. и освобождением столицы от оккупантов 4 февраля 1921 г. Сами бои за Ургу описаны ранее [Кузьмин, 2011, с. 176–185; 2017, с. 108–125], и я их здесь описывать не буду.

От ликвидации автономии Внешней Монголии до вступления в нее войска Р. Ф. УНГЕРНА

Согласно кяхтинскому Китайско-русско-монгольскому соглашению 1915 г., Внешняя Монголия была признана автономией под сюзеренитетом Китайской Республики. Данное соглашение четко описывало права, которыми Китай обладал во Внешней Монголии, а также запреты, в частности на вмешательство Китая и России в ее внутреннее управление и строй; войсковые контингенты ограничивались небольшими конвоями при саванниках и т. д. В 1919 г., пользуясь ослаблением России в результате революций и Гражданской войны, Китай в нарушение международного права ввел во Внешнюю Монголию оккупационные войска под командой генерала Сюй Шучжэна — одного из лидеров Аньхойской группировки милитаристов, правившей в то время в Китае. В качестве предлога выдвигалась опасность Внешней Монголии со стороны белых отрядов, проникавших туда из России, в особенности панмонголистов, которых поддерживал атаман Г. М. Семенов. Китайские войска были введены в Нийслэл-хурэ (Ургу) несколькими эшелонами. Произошло это в то время, когда деклариовавшиеся угрозы со стороны белых и панмонголистов уже миновали.

Сюй Шучжэн, получив от китайского президента посты комиссара-умиротворителя и главнокомандующего обороной Северо-Западного края, прибыл во Внешнюю Монголию и в конце 1919 г. вынудил ряд монгольских аристократов подписать петицию с просьбой об отмене автономии и аннулировании кяхтинского соглашения 1915 г. Монарх Внешней Монголии Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта VIII отказался санкционировать эту петицию, и она не получила законной силы. Однако она была направлена китайскому президенту, который на ее основе издал указы об отмене автономии Внешней Монголии. Китайский сановник в Урге Чэнь И, который пытался еще до прибытия Сюй Шучжэна склонить монголов к отмене автономии, был отозван в Пекин как недостаточно энергичный (о ликвидации монгольской автономии подробнее см.: [Кузьмин, 2016, с. 134–145]). Незаконность отмены автономии Внешней Монголии с точки зрения международного права показал в своей ноте дореволюционный российский посланник в Пекине Н. А. Кудашев [Нота..., 1920].

Во Внешней Монголии установилось всевластие Сюй Шучжэна. Монгольские министерства были опечатаны, финансы, оружие и прочее имущество конфискованы. Оккупация привела к демонтажу структур монгольской власти — правительства и обеих палат. Богдо-гэгэн был лишен светской власти. 14 февраля 1920 г. Сюй Шучжэн приехал в Пекин и представил президенту доклад о проделанной работе [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1548. Л. 310–312]. В крупных монгольских городах размещались китайские гарнизоны, рассылались китайские чиновники, из населения выколачивались не только аннулированные старые долги, но и огромные проценты, набежавшие за годы автономии. Население обязали снабжать китайские войска продовольствием, скотом и т. д.

По наблюдениям капитана В. Юнтера (белогвардейца) в 1919 г., китайцы не использовали пропаганду и не старались завоевать доверие монголов — они применяли силу оружия к населению, а высших сановников старались задарить или подкупить, русских дискредитировать, курс рубля искусственно снизить [РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 134. Л. 9об.]. В начале 1920 г. по всем

хошунам Внешней Монголии было объявлено, что слова «указ Богдо-хана», «государство Монголия» нельзя использовать в официальных бумагах [Мөнхбаяр, 2012, х. 103].

В мае 1920 г. Сюй Шучжэн вновь прибыл в Ургу и приступил к составлению постоянного положения об управлении страной и плана разработки ее природных богатств. По этому плану вместо бывших пяти министерств должны были быть организованы новые управления: по общим делам, экономическое, торговое, уртонское, скотоводства и земледелия, лесов и рудников, церемоний и школ, военное. Но на первых порах были организованы лишь три: по общим делам (куда передавались функции прежних МВД, МИД и Минюста), военное и экономики. Они составили «Главное управление по упорядочению Северо-Западного края Китая» во главе с Сюй Шучжэном. Вместо Китайского банка, открытого годом ранее в Нийслэл-хурэ, Сюй Шучжэн открыл там отделение Пограничного банка с правом эмиссии [Пунцаг-норов, 1950, х. 284–285].

Что же касается русских, то китайские власти проводили политику сокращения их влияния в Монголии [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. П. 101а. Пор. 12. Л. 171об., 174]. В нарушение русско-монгольского торгового протокола 1913 г. Сюй Шучжэн ввел 5% городскую пошлину на ввоз российских товаров в Ургу и кяхтинский Маймачен (в том числе на ранее ввезенные товары). Кредитоваться вне Урги было невозможно, а ургинское отделение Китайского банка затребовало очень большие проценты. Была установлена очень высокая плата для граждан России за пользование сенокосами, выпас скота, заготовку дров, рыбную ловлю, регистрацию охотничьего оружия во Внешней Монголии. Хожение российских денег резко уменьшилось, из-за чего упала торговля. Возникло недовольство и у китайских колонистов-земледельцев: командование поселило в их домах солдат с приказом начать обработку земли весной, а поскольку они не умели и не хотели этого делать, разбежались и учинили бунты, то для обработки земли прислали наемных рабочих. Был открыт Пограничный банк, выпустивший свои банкноты и предложивший китайским торговцам ссуду под 6% годовых. Началась подготовка

к прокладке железной дороги Урга — Калган. Сюй Шучжэн получил от правительства концессию на разработку горных богатств Внешней Монголии в течение 30 лет. Однако получить на это согласие монгольских князей он так и не успел [Ургинский, 1921, с. 180–189]. Его действия вызывали нарастающую враждебность населения Монголии.

Очевидец из Дальневосточной Республики (ДВР), посетивший Внешнюю Монголию летом 1920 г., вспоминал: «На самом деле, в эпоху, когда все мало-мальски самостоятельные государства, не говоря уже о “китах”: Англия, Япония, Франция, Америка, норвег что-нибудь оккупировать, аннексировать, то не мог же Китай, как ни как тоже самостоятельное государство, обойтись без оккупации и аннексии. Так Монголия была оккупирована и аннексирована <...> нашествие китайцев окончательно убило ее [русскую торговлю в Урге]. Первым своим шагом по уничтожении автономии Монголии, после свержения монгольских министерств, китайцы удалили от участия в монгольских делах русского советника. Потом принялись урезывать права русских. Были введены налоги на занимаемые участки земли под жилищами, а также и покосы, пастбища, рыбные ловли и т. п. Налоги подорвали благосостояние живших здесь русских, приведя к тому, что всякое занятие промыслом или торговлей фактически стало убыточным. Одновременно с налоговым прессом китайцы ввели в обиход своих отношений к русским полное пренебрежение как к русским интересам, так и личности. При нас, например, случилось несколько случаев, когда китайские солдаты явились на заимки и покосы русских и выгнали оттуда сторожей, заявив: “Уходите... Вы здесь больше не нужны”. Естественно, что русские, очутившись фактически беззащитными, так как нельзя же считать защитником живущего в Урге русского консула, не имеющего за своей стеной того правительства, именем которого он был сюда поставлен, находятся в самом тяжелом положении <...> В смысле развития русской торговли и промышленности Урга, как впрочем и вся Монголия, представляла во время нашего посещения город разбитых надежд и ожиданий. <...> Китайцы все больше и больше захватывают Монголию, среди монгол возрастает ненависть

и возмущение, которое может привести в конце концов к открытому восстанию» [Панин, 1922, с. 82–111].

В июне 1920 г. произошел конфликт между Аньхойской (генералы Дуань Цижуй и Сюй Шучжэн) и Чжилийской (генералы Цао Кунь и У Пэйфу) группировками бэйянских милитаристов. Сюй Шучжэн, находившийся тогда в Китае, занялся этой борьбой, ему стало не до Монголии. Он потерпел поражение. 4 июля 1920 г. его уволили с должности комиссара-умиротворителя Северо-Западного края. Сама должность была упразднена, воинские части переданы в ведение военного министерства. 28 июля 1920 г. президентским декретом было упразднено управление Северо-Западных войск, на военное министерство была возложена обязанность как можно быстрее собрать и расформировать эти войска [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1548. Л. 350, 356–369].

После отъезда Сюй Шучжэна власть в Монголии перешла к правителю его канцелярии Ван Иньтаю. Однако последний был штатским и слишком близок к Сюю. Поэтому военные власти избрали правителем генерала Чу Цисяна. Формально он стал командующим китайскими войсками во Внешней Монголии. Гражданской частью стал ведать Ван Иньтай. Последний вскоре уехал [Ургинский, 1921, с. 188]. Вся власть сосредоточилась в руках Чу Цисяна.

Слухи об этой ситуации дошли до Пекина. 15 августа китайское правительство назначило Чэнь И временно исполняющим обязанности комиссара-умиротворителя. В тот же день был издан декрет, предписывавший китайским чиновникам в Монголии воздерживаться от злоупотреблений, подавления религии и т. п. [Fan, 2006, p. 21–28]. Номинально высшим сановником во Внешней Монголии стал Чэнь И, что не устраивало Чу Цисяна.

Первым актом Чэнь И было исходатайствование присвоения всем князьям Внешней Монголии титулов на один выше прежних. Своим заместителем в Урге он назначил переводчика — монгола-чахара (или харачина) Саньбао (Самбу), который, однако, не пользовался авторитетом среди халхасцев. В Пекине при участии Чэнь И разрабатывался проект постоянного управления Внешней Монголией. 9 сентября 1920 г. президент Китая утвердил временное

положение по этому проекту. Во главе страны должен быть поставлен комиссар-умиротворитель (чжэн фу-ши) в Урге с двумя советниками — китайцем и монголом — для заведования делами Тушэтуханского и Цэцэнханского аймаков и тремя советниками в Улясутае, Кобдо и Урянхае для заведования остальными районами. В Кяхтинский район назначался начальник гражданского управления с помощником, которые могли быть монголами. Все эти чины утверждались президентом Китая. Комиссар-умиротворитель получал всю полноту гражданской и военной власти и подчинялся непосредственно президенту. В остальные торговые пункты назначались управители из китайцев и монголов для заведования торговыми и полицейскими делами [Ургинский, 1921, с. 189–190]. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться.

Власть китайских командиров над солдатами в Урге слабела. Содержать 12-тысячное войско в бедной стране было трудно, а командование задерживало жалование солдатам на месяцы. Китайские власти и солдаты искали разные способы получения средств.

От вступления во Внешнюю Монголию войска Р. Ф. Унгерна до освобождения Урги от оккупантов

1 октября во Внешнюю Монголию из Забайкалья вступила Азиатская конная дивизия под командой барона Р. Ф. Унгерна и двинулась в сторону Нийслэл-хурэ.

Есть сведения, что лишь 23 октября китайские власти города получили первое сообщение, что вступивший в Монголию белый отряд — это отряд Унгерна. Столица страны была объявлена на осадном положении, движение разрешалось до 7 час. вечера. Затем последовала амнистия заключенных китайцев, которых сразу мобилизовали. Затем китайские власти обратились к китайским купцам с просьбой о мобилизации их приказчиков и рабочих для усиления гарнизона. В общей сложности власти мобилизовали около 2–3 тыс. китайцев — колонистов, служащих китайских

фирм, огородников, ремесленников, чернорабочих, заключенных. Сразу началось обучение новобранцев. Затем началась мобилизация лошадей у русских. Первоначально брали только лошадей, признанных годными, и выдавали квитанции. Потом стали забирать лошадей произвольно и без выдачи квитанций. Затем стали забирать заготовленное русскими сено, причем грузить его составляли самих русских под конвоем китайцев [Случайный, 1921, с. 186; Голубев, 1926, л. 64; Першин, [1933] 1999, с. 59].

Следует, однако, отметить, что агентство Рейтер уже 21 октября 1920 г. сообщало, что русские и монголы терпят притеснения от китайских властей в Урге. Агентство связывало это с ликвидацией экстерриториальности российских граждан в Китае [Русский голос, 26.10.1920]. По-видимому, был и еще один фактор: те самые опасения китайцев по поводу вступления в Монголию отрядов панмонголистов (которое так и не состоялось) и семеновцев (которые в небольшом числе проникали туда из Сибири, но против китайцев не действовали). Китайцы могли подозревать, что те жители России в Монголии, которые не настроены просоветски, поддерживают семеновцев. После того как весной 1920 г. власть в самоуправлении российской колонии в Урге перешла к красным (пробольшевистским) силам, последние наладили тесное взаимодействие с китайскими оккупантами. Результатом стали аресты российских беженцев во Внешней Монголии китайцами с подачи красных, объявлявших этих беженцев белыми (подробнее см. ниже).

Когда Р. Ф. Унгерн был уже недалеко от Урги, монголы сообщили ему, что «в ургинской тюрьме китайцы, по соглашению с красными, держат в кошмарных условиях сто русских офицеров, женщин и детей». По воспоминаниям унгерновца А. С. Макеева, это и послужило причиной первых штурмов Урги [Макеев, [1934] 2004, с. 436]. Унгерн предпринял два безуспешных штурма 26 октября — 5 ноября 1920 г. (их описание см.: [Кузьмин, 2011, с. 159–163]). Затем он отвел свое войско на восток от города.

10 ноября в Урге было расклеено объявление на трех языках от китайского управления Внешней Монголии. В нем описывался ход военных действий и приводились данные о том, что ата-

кующие отбиты с большими потерями — до 400 чел. убитыми, 3 пушки и т. д.; излагался порядок претензий на компенсации за мародерство [Случайный, 1921, с. 194–195]. Так что китайские власти Урги признали бесчинства своих солдат. Позже в печати стали появляться сильно завышенные цифры: сначала — будто китайцы стянули в Ургу 25 тыс. войска, затем — 95 тыс. [Прибайкалье, 05.02.1921; 06.02.1921]. Вероятно, эти слухи распускали они сами, чтобы избежать повторного штурма. Тем не менее перевес их сил был очевиден. Однако, несмотря на это, они так и не решились сделать вылазку для разгрома унгерновцев, а ограничились лишь посылкой к ним шпионов.

После того как Р. Ф. Унгерн отошел от Урги, китайское правительство выразило удовлетворение действиями Чу Цисяна. Последний не исключал повторного нападения на Ургу и получил широкие полномочия по усилению гарнизонов в приграничных пунктах, особенно в кяхтинском Маймачене. Из Пекина в Ургу отправили 2 тыс. винтовок и 6 млн патронов [Свет, 17.11.1920; 19.11.1920]. В ноябре 1920 г. дутун (военный губернатор) провинции Чахар — генерал Чжан Цзинхуэй — был назначен главнокомандующим «силами защиты Урги» от ожидающейся атаки русских reactionеров. Во Внешнюю Монголию он так и не приехал. Однако он и позже сохранял должность дутуна, хотя «из-за его халатности Урга в итоге попала в руки врага» [Who's Who in China, [1925], p. 21–22]. Примерно 22–25 ноября 1920 г. в Ургу прибыл Гао Цзайтянь с отрядом кавалерии. Раньше он был заместителем и сторонником Сюй Шучжэна, а теперь стал сторонником новой китайской власти. Он был назначен командующим китайскими войсками в Монголии [Наш голос, 27.11.1920; Боец, 29.11.1920; РГВА. Ф. 25853. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 21]. Поскольку до этого всеми войсками в Урге командовал Чу [Свет, 17.11.1920; 19.11.1920], прибытие Гао заложило основу для их конфликта.

Вскоре после ухода унгерновцев от Урги ее китайский гарнизон пополнился 400 солдатами. Они относились к Чжилийской группировке китайских милитаристов [Кунгуров, Сорокиных, 1946, с. 62]. Аньхойская группировка, к которой относились сол-

даты Суй Шучжэна, потерпела поражение в войне с Чжилийской в июле 1920 г. и потеряла власть. Теперь в Урге были солдаты обеих группировок.

Китайцы понимали, что можно ждать новой атаки унгерновцев. Они принимали меры обороны. Китайские позиции прикрывали Ургу с разных направлений. По тракту, ведущему в столицу, в поселках Верхний и Нижний Модочин на юго-западной стороне горы Богдо-ула и в Налайхе были выставлены заставы. Тракт пересекали линии окопов, которые уходили в сопки. Перед ними на сопках были установлены проволочные заграждения. Примерно в 300 шагах перед окопами на Калганском тракте была устроена засека из срубленных деревьев [Голубев, 1926, л. 64]. Другие китайские позиции располагались у горы Баян-Дзурх, у русского моста над р. Тола, в ущельях Чулутын-ам и Тур-Хурхын-ам на восточной стороне Богдо-улы, Дзун-Модны-ам на южной стороне Богдо-улы, на перевале Тэргуний-дава на западной стороне Богдо-улы, в падах Их-Тэнгэрийн-ам на северной стороне Богдо-улы и Толгойтын-ам на северо-западной стороне Богдо-улы, а также у монастыря Дамбадаржа. Среди китайских солдат имело место дезертирство [Магсаржав, [1927] 1994, х. 173–216]. Китайцы выпустили из тюрьмы полковника Франкмана, чтобы использовать его на строительстве фортификационных сооружений [Хитун, 1970].

По приказу китайцев делопроизводитель Самбу арестовал Богдо-гэгэна¹. Под арестом Богдо сложил песню, где предсказал освобождение Монголии от китайских оккупантов. В комментарии на нее Угалзын-ламы (репрессирован в 1935 г.) сказано, что Унгерн уничтожил этих оккупантов, освободил Богдо, охраняет лам и религию [Бямбаа, 2021, х. 122–146].

После Богдо-гэгэна были арестованы крупные монгольские чиновники, феодалы и ламы: Эрдэнэ-шанцзотба Дашцэвэг, да-лама Пунцагдорж, Цэцэн-ван Гурсоронзон-Гомбосурэн,

¹ Датой ареста указано 24 ноября [Русское обозрение, 1921. № 1–2]. По Н. Магсаржаву, Богдо-хан был арестован после первой атаки Унгерна на город — 25 октября [Батсайхан, 2021, с. 55]. Учитывая, что эта атака была в ночь с 26 на 27, можно предположить, что арест был 27 октября.

Манлай-Батор Дамдинсурэн², Хатан-Батор Максаржав, Эрдэнэван Намсрай, бэйсэ Иш-Очир, Джигмэддорж-гун, Джамьян-гун, Гомбо-Идшин и Лувсанжанцан [Магсаржав, [1927] 1994, х. 173–216; Ширендыб, 1960, с. 346]. Одного из приближенных Богдохана — Джалханцза-хутухту — перевели в ямынь якобы для дежурств, а на самом деле — для надзора за ним.

Китайские солдаты разграбили монастырь Шадоблин, убили главного ламу. В монастыре Дамбадаржа-хийд они собрали монахов и аратов и, обвинив их в поддержке войск Унгерна, открыли по ним стрельбу, а затем разграбили монастырь [Магсаржав, [1927] 1994, х. 173–216; Чойбалсан, 1952, с. 30–34]. Вероятно, они вспомнили приход туда унгерновского отряда во время штурма города. Службы в главных храмах столицы теперь разрешались только после уведомления китайского штаба и в присутствии гаминов (китайских республиканских солдат). Об аресте Богдо-гэгэна и многих князей в Монголии, о грабеже дворцов Богдо деморализованными солдатами быстро узнала российская пресса в Китае [Ургинский, 1921, с. 170–190].

Монголию охватил террор гаминов. Согласно советскому донесению, «в связи с вторжением белых в Монголию китайцы по отношению к монголам применяют жесточайшие репрессии, так что были случаи смерти от пыток. По-видимому, китайцы намерены, пользуясь случаем, окончательно терроризировать монголов и подавить всякое стремление к свободе» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 11. Л. 21об.]. По воспоминаниям очевидцев, китайские солдаты грабили простых монголов и купцов, забирали скот, лошадей, корм для скота, продовольствие и все, что им приглянулось, насиловали девушек и женщин [Навааннамжил, 2004, с. 126–127].

Стараясь избежать грабежей, российские колонисты в Урге вывесили на своих домах американские и английские флаги. Но на школе развевался флаг Дальневосточной Республики (ДВР).

² Есть сведения, что во время осады Нийслэл-хурэ Унгерн установил с ним связь [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 22–24 — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 126]. Манлай-Батор умер от пыток в китайской тюрьме незадолго до освобождения города. Умирая, он попросил товарищей поставить его к стене тюрьмы, чтобы не умереть перед китайцами лежа [Lattimore, Isono, 1982, p. 110].

Флаги ДВР были вывешены красной управой в Урге после того, как их привез туда из ДВР И. Н. Дзевалтовский (Юрин), в августе 1920 г. направлявшийся на переговоры в Пекин. На второй день их сняли китайские власти, но после первой атаки Унгерна член российского самоуправления Ф. А. Парняков, посоветовавшись с председателем управы Поповым и преподавателями местной общественной школы, поднял флаг ДВР [АВПРФ. Ф. 111. Оп. 2. Д. 29. П. 103. Л. 46].

Иностранцы решили послать к Р. Ф. Унгерну международную депутацию, чтобы он ушел от Урги за некоторую сумму денег. В эту депутацию вошли китайцы, от российских колонистов — барон Д. О. Тизенгаузен, монголов должен был назначить Богдо-гэгэн. Русские и китайские члены депутации бесплодно прождали несколько часов перед российским консульством в Урге и разошлись: Богдо-гэгэн так никого и не прислал [Forbath, 1936, p. 140–141].

Наибольший размах грабежи русских, бурят и монголов приобрели в Урге после первого ее штурма унгерновцами. Забирали все: лошадей, сбрую, седла, сено, дрова, муку, домашнюю обстановку, с монголов срывали серьги и кольца [АВПРФ. Ф. 111. Оп. 2. Д. 29, П. 103. Л. 46; Прибайкалье, 09.01.1921; Монголия в документах Коминтерна, 2012, с. 53]. Разграбили казну Богдо-гэгэна, частные дома, Центросоюз, дом представителей American Trading Company (убив служивших там двух монголов и казака). Была разграблена православная церковь, сохранились лишь иконы [UNLV, DS773.89.U65 1983 U.S. military intelligence reports. China, 1911–1941 University Publications of America, [c1983] MICROFILM, reel 6, frames 691–8; Торновский, [1942] 2004, с. 188].

Очевидец вспоминал: «С раннего утра 29-го октября, под предлогом реквизиции сена, огромная масса конных солдат группами, человека по три-четыре, скакала по Урге, главным образом, по русской колонии, вторгалась в квартиры, где под предлогом обыска с целью обнаружения оружия они забирали одежду, постельные принадлежности, до простынь включительно, костюмы, полотенца, драгоценности; мародеры, при входе в квартиру, подвергали обыску людей, у которых, в случае обнаружения, за-

бирались деньги, золотые и серебряные вещи, снимались с рук часы, кольца и браслеты. Малейшее сопротивление вызывало угрозу применить силу оружия. <...> Все забранное, как, например, одеяла, простыни, укладывалось на седло, а поверх садился солдат-грабитель и так ехал открыто по улицам. Не успевали уехать одни мародеры, как уже въезжала в ограду дома компания других: одни из дверей, другие в двери. Первоначально еще делали вид, что ищут оружие, но потом грабеж принял уже совершенно открытый характер, без всякой попытки хоть как-нибудь и чем-нибудь прикрыть его. Имели место факты, когда шедшего перепуганного русского, пытавшегося укрыться от грабежа вне дома, у знакомых, останавливали прямо на улице, извлекали содержимое из его карманов, снимали верхнюю одежду либо шапку. Странную и дикую картину можно было наблюдать на улицах русской колонии: масса вооруженных конных солдат группами разъезжала от одного дома к другому, таща на седле либо в руках кучу забранных вещей. Тут было все: от полотенец до пальто и шуб». На следующий день представители российской колонии, прежде всего служащие Центросоюза, смогли подать заявления американским гражданам о грабежах. Аналогичные шаги сделали и «упраздненные» красными российские консульские работники (назначенные до революции). Американцы пришли в китайский ямынь и сделали заявление по поводу грабежей. Там им ответили, что власти бессильны что-либо сделать, но пообещали сделать все возможное. Действительно, в последующие дни масштабы грабежей уменьшились. Но «всюду по Монголии, в районе, тяготеющем к Кяхте и Урге, поселения русских резидентов-земледельцев китайскими солдатами разграблены, хозяйства разорены, много людей пострадало, а всех мужчин с лошадьми заставили перевозить солдат и различную кладь. Подобная же участь постигла и бурят. В Урге сосредоточилось множество таких несчастных русских». Жить им было не на что, они как батраки работали под конвоем китайских солдат. Эти люди ходили по русским домам и просили милостыню. Практиковался китайцами и такой способ. Все лошади в экипажи отбирались, а самих возчиков-хозяев заковывали и отправляли в тюрьму. Уже после окончания боев в Урге

прибыло еще несколько отрядов из Кяхты. Все эти войсковые части расквартировывались в домах русского консульства или же в домах русских частных лиц. Обитатели этих домов выдворялись (это касалось и российских дипломатов). Все выдворенные переселились в дом общества Монголов, которое не могло быть реквизировано, так как находилось под защитой американского флага. Туда же перешли и бывшие российские консулы [Случайный, 1921, с. 186–193]. Русская школа и здание русского консульства были реквизированы — «в военное время для военных целей» [Шанхайская жизнь, 09.02.1921].

По воспоминаниям К. И. Лаврентьева, начавшийся после первого неудачного штурма Урги грабеж русского населения «продолжался приблизительно до половины ноября, стих и вновь вспыхнул во время последнего наступления». По его наблюдениям, «весь ургинский грабеж производился войсками конной части, что-то вроде наших казаков, носящими название “ма-дуй”, с желтыми петлицами, и эти части ничуть не подчинялись офицерам других частей с красными петлицами, и последние их изрядно побаивались» [Лаврентьев, 1925, л. 4]. Это почти наверняка ма дуй 馬隊 — «конный отряд», кавалеристы (С. В. Дмитриев, личное сообщение). Это могли быть люди кавалерийского отряда Гао Цзайтяня, который позже — в разгар боев в феврале 1921 г. — самовольно покинул Ургу и ушел на китайскую базу в Джанжин-Чойр, и китайские солдаты разграбили монастырь Чойрын-хурэ, находившийся неподалеку.

Урга была объявлена на осадном положении. Жителям запрещалось выходить на улицу без пропусков. Солдаты врываются в дома и под предлогом поисков оружия грабили все, что хотели. Компания Монголов и отделение Центросоюза были разграблены, служащие Центросоюза обобраны до нитки, некоторые убиты, управляющий Центросоюзом Лавров заключен в тюрьму. Ехавших с запада белых вместе с семьями заключали в тюрьму Урги, некоторых расстреливали. Всего китайцы расстреляли под Ургой до 40 человек. Китайцы больше не считались с российскими дипломатами (дореволюционными — других там не было). Русским запрещалось теперь иметь даже охотничье ору-

жие. Если его находили, владельца отправляли в тюрьму и пороли палками. Ургинская тюрьма была переполнена. В ней содержалось до 150 русских, неустановленное число монголов и бурят. В сутки им дважды давали муку и воду для приготовления пищи. Жители Урги приносили еду арестованным, но ее не всегда удавалось передать, а когда удавалось, надо было платить один доллар тюремщику за каждую передачу. Китайцы применяли не только избиения, но и другие пытки: введение конского волоса в мочеиспускательный канал, вырывание ногтей с пальцев рук и ног, 10–20 ударов бамбуковой палкой каждые 10 минут, сажание на живот жертве крысы в опрокинутой банке, которую сверху накаляли, в результате чего крыса разрывала живот. Эти пытки применяли к монголам и бурятам, но не к русским. Сама тюрьма не отапливалась, несмотря на зиму. Рассказывали, что окна в ней были выбиты, их затыкали «лохмотьями». Там было много обмороженных. Некоторые умерли от холода. Некоторым другим, после их освобождения унгерновцами, пришлось ампутировать пальцы. Тюрьма кишела паразитами. В ней были случаи тифа (воспоминания Л. П. Обуховой: [НИА. Collection: Boris Volkov. Box 15. Folder 9. P. 117–117об.]; материалы из других источников: [Советская Сибирь, 04.02.1921; Случайный, 1921, с. 196–197; Голубев, 1926, л. 61–74; Макеев, [1934] 2004, с. 442; Торновский, [1942] 2004, с. 187–188; Хитун, 1970]).

Д. П. Першин оставил крайне негативный отзыв о китайских солдатах в Урге. Он вспоминал о своем пребывании в некоем амбаре, использовавшемся как тюрьма: арестованных было так много, что в Урге в качестве тюрем китайцы использовали также пустующие здания — амбары и др. В одном из таких амбаров содержали в основном бурят (при уходе из Урги китайцы их всех расстреляли). «Китайцы с каждым днем нагнали, говорю о военных властях и солдатах, и выискивали всякими путями способы наживы, информируясь главным образом на доносах, которыми занимались гражданские китайцы. Одним из главных мотивов ареста была надежда на выкуп. Говорили, что если с заключенного взять нечего, то ему давали с полсотни ударов палкой и отпускали, предупреждая, чтобы он вел себя смирно и был бы до-

волен китайским начальством». Кроме того, китайские солдаты делали рейды из Урги на север, массово реквизируя продовольствие [Першин, [1933] 1999, с. 48–55, 88–89].

Жестокость китайских солдат усиливала ненависть к ним монголов. Монголы безвозмездно помогали отряду Унгерна продовольствием, фуражом и лошадьми [Случайный, 1921, с. 197].

Грабежи и убийства граждан России происходили не только в Урге. Более 150 российских беженцев, прибывших во Внешнюю Монголию из-за границы, были отправлены китайцами в ургинские тюрьмы, еще 16 было расстреляно (см. «Приложения» ниже). Согласно разведсводке оперативно-разведывательного управления Штаба помощника главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири к 16 января 1921 г., агентурные данные от 18 декабря 1920 г. показывали желание русских выехать из Урги в Россию «ввиду якобы истребления китайцами всех русских, живущих по р. р. Иро и Толе» [РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 18а].

Новое китайское правительство направило в Нийслэл-хурэ сановника Чэнь И, «мягкий» проект которого по отмене монгольской автономии в свое время отверг Сюй Шучжэн и добился отзыва этого сановника из Монголии. Теперь Чэнь И приехал на китайскую военную базу в Джанжин-Чойре, некоторое время пробыл там, дожидаясь окончания боев у столицы, и затем прибыл в нее [Магсаржав, [1927] 1994, х. 173–216]. Чэнь И переговорил с Самбу, и Богдо-гэгэна перевели под домашний арест [Lattimore, Isono, 1982, p. 107]. Чтобы улучшить отношения с монголами, он назначил на высокие посты несколько монгольских лам и феодалов. Чэнь И отправил в Китай российских консулов (дореволюционных) Урги, Улясутая, Кобдо и Кяхты по их просьбе. Принял он и представителей красного самоуправления российской колонии в Урге, но содействия им не оказал [АВПРФ. Ф. 111. Оп. 2. Д. 29. П. 103. Л. 46].

В декабре 1920 г. русские жители Урги смогли передать дипломатическому корпусу в Пекине телеграмму с жалобами на незаконные действия китайских властей и просьбой сделать представление китайскому правительству [Новости жизни, 12.12.1920]. В конце декабря 1920 г. полковника М. Г. Торновского, находивше-

гося в тюрьме в Урге, посетил перед своим отъездом бывший российский консул в Кобдо А. П. Хионин, который сообщил, что едет через Калган в Пекин и постарается выручить всех арестованных русских [Торновский, [1942] 2004, с. 188]. 23 декабря 1920 г. декан дипломатического корпуса в Пекине Луи Пастор послал ноту в китайский МИД о произволе китайских солдат генералов в Урге, о невыносимых условиях содержания русских в ургинской тюрьме. 27 декабря министр иностранных дел Китая ответил, что Чэнь И телеграммой поручено провести расследование и принять меры (текст: [Свет, 10.01.1921]).

Однако в то время реальную власть в Урге имели Чу Цисянь и Гао Цзайтянь, а не Чэнь И. Более того, Гао Цзайтянь противодействовал политике Чэнь И, в распоряжении которого было всего шесть китайских солдат [РГВА. Ф. 25853. Оп. 1. Д. 10. Л. 10]. По свидетельству Д. П. Першина, «все распоряжения Чэнь И по большей части не исполнялись, встречая упорное противодействие со стороны генералов. Солдаты деморализовались, и там, где возможно было, мародерствовали. Чувствовалась недохватка в предметах продовольствия, а главным образом, в муке» [Першин, [1933] 1999, с. 58].

НКВД РСФСР тоже направил китайскому правительству ноту протеста. Правда, большевиков волновали не аресты и убийства соотечественников, а то, что, разбивая белых в одних местах, китайцы помогают им в других, проводят обыски среди русского населения. Особенно возмутительным сочли разграбление Центросоюза, когда был убит ветеринарный врач Христофоров [Известия. 16.01.1921; Прибайкалье. 29.01.1921]. Ведь это ставило под угрозу снабжение красных из Внешней Монголии.

Обслуживавший беспроводной телеграф Урги К. П. Альбертсен писал, что перед самым захватом города бароном там было спокойно, но в окрестностях действовали отряды унгерновцев. Они, в частности, спиливали телеграфные столбы и прерывали проводную связь, которую далеко не всегда удавалось восстановить [Albertsen, 1921]. Действительно, согласно российским мемуарам, движение по улицам города не было столь интенсивным, как во время первых штурмов, а население старалось не выходить

из домов. Поэтому улицы были безлюдными и там было спокойно. В то же время китайские военные продолжали аресты, реквизиции и грабежи.

М. Г. Торновский был отпущен из тюрьмы в январе 1921 г. по приказу из Пекина [ПермГАСПИ. Ф. 641–1. Оп. 1. Д. 9017. Т. 1. Л. 35об.]. По его воспоминаниям, это произошло после того, как 10 или 11 января 1921 г. пришла телеграмма военного министра из Пекина с приказом освободить пять или шесть русских и не преследовать их. Выйдя из тюрьмы, Торновский обнаружил, что в Консульском поселке и самой Урге в частных домах стоят китайские солдаты: генерал Гао и, частично, генерал Ма вывели их из Худжирбуланских казарм и расквартировали в домах. Солдаты продолжали заниматься грабежами [Торновский, [1942] 2004, с. 188].

Многие русские, освобожденные из тюрьмы, снова попали туда после того, как в 1921 г. Унгерн вновь подошел к Урге [Хитун, 1970].

Согласно докладу ургинского представителя американской Mongolian Trading Company, уже в конце декабря 1920 г. китайский командующий генерал Чу Цисян распространил устный доклад среди иностранного населения Урги «о том, что в случае атаки на город он будет убивать каждого белого мужчину, женщину и ребенка в городе. Он совершенно не мог платить своим войскам, которым жалованье задерживалось на 6–8 месяцев и, чтобы осчастливить их, дал им карт-бланш грабить русских всех без разбора. Они входили в дома под предлогом поисков огнестрельного оружия и помогали себе всем, что им нравилось. Едва ли проходил хотя бы день без одного или более сообщений о случаях изнасилования китайскими солдатами белых женщин и девушек. В этом царстве террора солдаты надели кандалы на греческого подданного, распяли его и подвергли ужасной пытке раскаленным железом. Войска грабили и китайские, и иностранные магазины, забирая все, что им нравится, ничего не уплачивая. <...> К тому времени Богдо-хану [который после первого штурма Урги Унгерном был арестован китайцами. — С. К.] разрешили жить в безопасности в собственном дворце, не охраняемом вой-

сками, но китайцы, очевидно, опасаясь его бегства в горы, прикрепили к нему стражу в 250 человек» [UNLV, DS773.89.U65 1983 U.S. military intelligence reports. China, 1911–1941 University Publications of America, [с1983] MICROFILM, reel 6, frames 691–8]. По другим данным, указанное выше заявление Чу Цисяна могло появиться раньше: «1-го ноября русские резиденты пережили ужасную панику, вызванную тем, что один бой-китаец, со слов якобы военных, заявил, что в эту ночь всех русских будут убивать, как явных сообщников наступающих. <...> Об этих словах китаец было сообщено американцам, от которых к вечеру получили успокоительные уверения, к счастью, оправдавшиеся» [Случайный, 1921, с. 192].

По воспоминаниям Н. Н. Князева, уже во время последнего штурма Урги — 3 февраля 1921 г. — китайские власти отдали распоряжение отравить всех русских заключенных, «и только недосуг, вполне понятный в тревожной обстановке того дня, помешал выполнению этого замысла» [Князев, [1942] 2004, с. 59].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КРАСНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ В УРГЕ С КИТАЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ

Во Внешней Монголии в начале XX в. жило около 5000 российских подданных (затем граждан). Значительная часть их проживала в Урге, где они составляли влиятельную колонию. После революции самоуправление в ней взяли в свои руки красные (пробольшевистские) силы. В советской и монгольской историографии социалистического периода их деятельность оценивалась однозначно положительно (например, [История МНР, 1983, с. 303, 310; Даревская, 1994, 1997; Рошин, 1999, с. 28–29]). Это было обусловлено, в частности, тем, что они стояли у истоков трансформации подпольных кружков монголов, ставивших целью освобождение своей страны от оккупантов, в Монгольскую народно-революционную партию, поставившую новую цель — строительство социализма по советскому образцу. Воздерживаясь от оценок этого, стоит рассмотреть малоизвестный аспект

деятельности пробольшевиистского самоуправления российской колонии в Урге: его взаимодействие с китайскими оккупационными властями.

После Февральской революции 1917 г., несмотря на противодействие консула А. А. Орлова, общее собрание колонистов в Урге 12–13 марта избрало «Исполнительный комитет российских граждан, живущих в Урге», большинство в котором получили демократически настроенные лица. Возникли в Монголии и профсоюзы. По наиболее важным вопросам шла борьба против сторонников старого режима: дипломатов Орлова, Хионина, Болобана. 5 апреля общее собрание решило ходатайствовать перед МИД об отзывании из Урги Орлова и Хионина. Ответа не было. Вскоре после этого по настоянию комитета от работы были отстранены Болобан и Хионин. Борьба между демократическими и консервативными силами в колонии нарастала. В июле 1917 г. Временное правительство в России ликвидировало двоевластие. МИД прислал телеграмму, в которой разъяснялось, что исполкомы являются лишь органами общественного мнения, а не управления. Активность исполкома в Урге стала угасать — как и аналогичных комитетов в других городах Внешней Монголии [Даревская, 1994, с. 294–312].

После Октябрьской революции 1917 г. российская колония в Урге разделилась: одни не поддерживали советскую власть, другие поддерживали [Златкин, 1957, с. 159]. Вскоре нарком иностранных дел РСФСР Л. Д. Троцкий предложил фактически совершить советскую революцию в Монголии. 28 февраля 1918 г. он послал председателю Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибирь) телеграмму, в которой предложил «привлекать монгол для участия наших Совдепов и насаждать эти учреждения среди полунезависимых народностей, данников либо хутухты, либо китайского правительства», чтобы «положить конец всяческим домогательствам хищников и капиталистов, работающих вместе с монгольской духовной бюрократией» [РГА-СПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 1. Л. 2 — цит. по: Белов, 2003, с. 86–87].

В связи с этим 12 апреля 1918 г. в газете Центросибири «Власть труда» появилась статья члена Центросибири П. Ф. Парняко-

ва — сына революционно настроенного ургинского священника Ф. А. Парнякова. Главной задачей было обозначено «предупредить империалистическую провокацию» со стороны Урги — Маймачена. Для этого предлагалось заменить всех русских консулов и лиц дипломатического корпуса в Монголии верными революции комиссарами, расформировать консульские отряды, организовать советы местной русской демократии, проводить агитацию среди монголов. Предусматривался и переход «деспотической Монголии» в «трудовую социалистическую республику» [Даревская, 1997, с. 136]. Организационным аппаратом должны были стать советы депутатов китайских рабочих, монгольских «батраков» и солдат, соединенных с аналогичными советами русских рабочих и служащих.

Центросибирь и советы пограничных сибирских городов стали пытаться заменить бывших царских консулов во Внешней Монголии советскими, наладить печатную агитацию среди «монгольской демократии» [Даревская, 1994, с. 320–324]. Однако попытки наладить печатание в Урге красной литературы провалились. Монгольское правительство поддержало дореволюционных российских дипломатов. Красная управа не рискнула ликвидировать консульство во главе с консулом А. А. Орловым и вице-консулом В. Г. Габриком [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. Пор. № 12. П. 101а. Л. 174]. Консул А. А. Орлов телеграфировал в российскую (белую) миссию в Пекине 6 апреля 1918 г. о заверении монгольского МИДа, что большевистский консул не будет пропущен в Монголию [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1565. Л. 336].

В то же время с 1918 г. Внешняя Монголия стала убежищем для многих советских деятелей. Присутствие в Урге опытных деятелей — В. Н. Чайванова, С. И. Попова и др. — позволило оживить деятельность демократических сил российской колонии. Активизировался ургинский профсоюз рабочих и служащих. В Урге шла интенсивная борьба между сторонниками и противниками советской власти [Даревская, 1994, с. 328–333].

В ноябре 1919 г. на квартире Попова в Урге состоялось конспиративное собрание в составе В. М. Чайванова, М. Д. Крути-

кова, Ф. А. Парнякова, П. И. Бызова и И. А. Сороковикова. Они решили создать подпольный ревком. Председателем выбрали Попова, секретарем — Чайванова. Затем были избраны новые органы левого самоуправления колонии. Председателем думы стал Шейнеман, управы — Чайванов, секретарем — Гембаржевский [Даревская, 1997, с. 144–145].

По воспоминаниям Сороковикова, члены комитета «постарались завязать знакомства с китайскими заправилами, которые сыграли большую роль». Ревком просуществовал недолго и был распущен из-за прибытия в Ургу «белогвардейских банд партиями человек по 15», которые находили радушный прием в консульстве и у промышленников. Было решено поддерживать связь с красным партизанским штабом П. П. Смолина в Забайкалье, поставлять ему информацию и начать работу через местное самоуправление. Был возрожден Союз рабочих и служащих [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. Пор. № 12. П. 101а. Л. 173].

Попов, Шейнеман и Парняков создали Информбюро, которое стало выполнять секретные задания, служило передаточным пунктом между РСФСР и Китаем, с помощью бывшего переводчика консульства В. Я. Кондакова снабжало красных из Сибири паспортами для выезда в Китай. Секретные задания касались разведки внутренних дел Монголии и белых, информирования сибирской ЧК о контрреволюционерах. Информбюро занялось также работой в подпольных монгольских кружках, которые возникли для борьбы с китайскими оккупантами. О ходе работы Сороковиков регулярно докладывал по телеграфу в Иркутск [Даревская, 1997, с. 148–149].

1 марта 1920 г. на первом заседании новая дума в Урге получила подавляющее большинство. Она единогласно приняла резолюцию, предложенную фракцией рабочих и служащих: исходить только из советской власти; российские представители в Китае в других странах не являются ее представителями; дума является «законной выразительницей всей русской колонии в Урге <...> с утратой консульским агентом представительства вся власть в отношении русской колонии в Урге должна принад-

лежать избранной колонией общественной Думе». Постановили «в отношении русской колонии в Урге принять на себя всю полноту власти и учредить контроль в делах Российского Генерального консульства в Монголии» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 7. Л. 3]. 2 марта дума предложила не признавать власть консульства, поскольку оно (якобы) не выражает мнения большинства русских в Урге, открыто проявляет сочувствие и поддержку белым офицерам [Даревская, 1997, с. 145–146].

Дума стала полностью демократической. Председателем ее стал Шейнеман, председателем управы — Чайванов, секретарем — Гембаржевский. Городскую управу теперь составляли В. Н. Чайванов, М. И. Кучеренко, Я. В. Гембаржевский, А. Балыков, С. И. Попов, П. И. Агафонов, И. С. Маслаков и Ф. А. Парняков.

В августе 1920 г. в Кяхте заместитель военного министра ДВР И. Н. Дзевалтовский (Юрин), во главе дипломатической миссии направлявшийся в Пекин, встретился с Чайвановым и выдал ему мандат, назначив его генеральным консулом в Монголии и составив план дальнейшей работы в Урге. Вернувшись в Ургу, Чайванов «на заседании думы провел резолюцию о подчинении ургинской русской колонии ДВР и высказал уверенность в установлении хороших отношений с китайцами» [Даревская, 1997, с. 147].

Посредством такой вот «демократической процедуры» российская колония в Урге оказалась под властью ДВР.

«Управа немедленно организовала свою крепкую милицию и путем внезапных ночных милицейских налетов стала разоружать, арестовывать и высылать из Урги в распоряжение троицкосавского ревкома наиболее злостных белогвардейцев» [Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 44]. «Новая власть с председателем Чайвановым повела наступление на белых. Ночные обыски, аресты, допросы... дружба Управы с китайцами сделали свое дело. Офицеры поразбежались в сторону Маньчжурии. <...> Белые в Ургу не въезжают, а далеко объезжают ее. Китайские солдаты попавшихся белых доставляют в Управу для ареста, но при условии определенных данных: беспаспортность, убийства, порки, грабежи. Технически Управа [не имеет] возможности подвергать их аре-

сту и высылке» [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. Пор. № 12. П. 101а. Л. 173об.].

Это согласуется с мемуарами А. С. Макеева: «Китайские заставы ловят бегущих из Урянхайского края офицеров-одиночек и семейных и передают их в Ургу. О задержанных запрашивается красная управа, которая, узнав, что это офицеры или офицерские семьи, уведомляет китайские власти, что лучшее место для этих людей — китайская тюрьма. Китайцы бросают несчастных туда, куда рекомендуют русские коммунисты» [Макеев, [1934] 2004, с. 442].

В своем докладе И. А. Сороковиков писал об организации самоуправления российской колонии в Урге: «Главная миссия наша выполнена. В Урге не может быть белогвардейской базы, существование таковой не исключалось бы, если бы не действия Управы: вся власть фактически принадлежит пролетарской Думе и установлено сносное взаимоотношение с китайцами» [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 2. П. 101а. Пор. № 12. Л. 171об., 174]. «Правда» писала еще категоричнее (хотя и с опозданием): «Вся власть над русским населением принадлежит ургинской городской управе, подчиняющейся власти ДВР, китайцы относятся к ней с большим уважением» [Правда, 06.02.1921]. В донесении от 28 августа 1920 г. по итогам своей поездки в Ургу британский дипломат Э. Тейхман отмечал: «Чайванов преуспел в создании для себя весьма партнерского положения в отношениях с местными китайскими военными властями» [TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/096/p. 8].

Одновременно лидеры красных в российской колонии Урги революционизировали подпольные монгольские кружки. Два подпольных кружка, возникшие в Урге, изначально ставили своей целью освобождение страны от китайских оккупантов. Но лидеры российских красных стремились использовать Монголию в качестве революционной базы, а не освободить ее от власти Китая. В феврале 1920 г. члены монгольских кружков С. Данзан и Д. Сухэ-Батор впервые попытались установить связь с большевиками в ДВР и РСФСР. Дальше Троицкосавска им проехать не удалось. После этого они познакомились с Кучеренко и Гембар-

жевским, а члены другого кружка к тому времени уже установили контакт с Кучеренко и Маслаковым. Те разъясняли им идеи Октябрьской революции [Юдин, 1959, с. 105–125; Futaki, 2000, p. 44]. Беседы с М. И. Кучеренко, Я. В. Гембаржевским, И. С. Маслаковым, В. Я. Кондаковым, С. Б. Цыбыктаровым, И. А. Сорокиновым, внедрявшими в кружки коммунистическую идеологию, оказали влияние на Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана [Генкин, 1928, с. 75–90; Молоков, 1991, с. 38–39] — будущих лидеров МНР.

В апреле–июле 1920 г. И. А. Сорокинов съездил в Иркутск. Там он доложил о положении дел в Урге и получил инструкции о контактах с членами подпольных кружков. Вернувшись в Монголию из Иркутска, Сорокинов передал членам кружков приглашение [Кунгуров, Сорокинов, 1946, с. 45, 46, 84]. Это сыграло консолидирующую роль, кружки занялись выработкой общей программы, что стало основой их последующего объединения в Монгольскую народную партию (МНП), с самого начала действовавшую под руководством большевиков и затем с их помощью совершившую революцию во Внешней Монголии.

25 июня 1920 г. два монгольских кружка на совместном заседании объединились в МНП. Через три дня из Нийслэл-хурэ в РСФСР выехали семь их делегатов. Они везли с собой письмо феодалов и лам Монголии, заверенное Богдо-гэгэном, с просьбой о помощи в освобождении их страны от оккупантов. Однако под влиянием большевиков делегаты были вынуждены отказаться от привезенного ими послания и составить собственное, в революционном стиле ([АВПРФ. Ф. 111. Оп. 3. П. 105. Д. 14. Л. 121–121об.]; подробнее см.: [Кузьмин, 2015, с. 117–129]). В ноябре 1920 г., приехав из Иркутска в Троицкосавск, они занялись организационной и пропагандистской работой.

Следует отметить, что не только кружки, попавшие под влияние красных, занимались подпольной работой. 20 июля 1920 г. в Нийслэл-хурэ у Эрдэнэ-шанцзотбы прошло тайное собрание, где было решено воспользоваться ослаблением аньфуистов и пекинского правительства для восстановления Монгольского государства. Решили агитировать среди китайских солдат и купцов, запастись оружием, привлечь к движению видных деятелей

национально-освободительного движения монголов — Тогтох-гуна, Баяр-тайджи, Найдан-гуна, Джамца, Хатан-Батора Максаржава, Манлай-Батора Дамдинсурэна, гуна Гомбо-Идшина, — которые тайно собирали оружие и людей. Часть из них состояла в подпольном кружке в Нийслэл-хурэ [Каллиников, 1928, с. 76–77, 81; Мягмарсамбуу, 2003, х. 88].

Во время первых неудачных штурмов Нийслэл-хурэ унгерновцами начались масштабные грабежи и аресты населения города китайскими военными (см. выше). Вину за это, за ухудшение положения русских в Урге, за аресты и жестокие условия содержания в тюрьме М. Г. Торновский возлагал в основном на «головку большевистствующих ургинских резидентов» — Ф. А. Парнякова, М. И. Кучеренко, В. Н. Чайванова и других членов красного самоуправления российской колонии в Урге [Торновский, [1942] 2004, с. 187, 189, 237]. Поэтому неудивительно, что члены этого самоуправления стали одной из главных целей унгерновцев после освобождения города. Часть из них была убита унгерновцами: Я. В. Гембаржевский, М. И. Кучеренко, П. И. Агафонов, Ф. А. Парняков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Незаконная отмена автономии Внешней Монголии китайским правительством и ввод туда войск соответствовали давней китайской политике поглощения Монголии и ассимиляции ее ханьцами, актуальность чего сохраняется и в наше время. В рассматриваемом в данной статье случае в качестве предлога китайские власти использовали опасность со стороны семеновцев и панмонголистов, хотя ко времени ввода оккупационных войск эта потенциальная угроза исчезла. Истинной целью было превращение Внешней Монголии в китайскую провинцию. Важным компонентом было подавление экономической деятельности там граждан России, так как эта деятельность, основанная на заключенных в царское время соглашениях, не только составляла конкуренцию китайцам, но и препятствовала китаизации Монголии.

Крах власти Аньхойской группировки милитаристов и лично Сюй Шучжэна привел к тому, что китайские войска во Внешней Монголии стали получать недостаточное снабжение. Результатом стала деморализация этих войск и грабежи населения. Эти эксцессы резко возросли после первых попыток Р. Ф. Унгерна захватить Ургу: такие попытки могли рассматриваться китайцами как подтверждение их опасений попыток захвата Монголии семеновцами и панмонголистами. Хотя через некоторое время после неудачи первых штурмов Урги масштабы китайских грабежей и репрессий уменьшились, полностью они не прекратились.

Деятельность пробольшевистских сил в российской колонии в Урге представляла собой ранний этап экспорта революции из России в Монголию. Победа этих сил в российском самоуправлении в Урге в 1920 г. не была случайной: в тот период Внешней Монголией правили китайские оккупанты, которые упразднили законную власть Богдо-хана и его правительства, поддерживавших белых. Воспользовавшись этим, красное самоуправление установило с оккупантами тесные связи, с их помощью пресекало попытки проникновения в столицу белых, их семей и беженцев, подозревавшихся в контрреволюционности, фактически парализовало работу бывших царских дипломатов и готовило установление красной власти.

С одной стороны, деятельность красного российского самоуправления в Урге помогла монголам создать МНП и связаться с руководством РСФСР, которое ради победы над Унгерном снабдило их оружием и привело к власти во Внешней Монголии, а далее эта власть проводила курс на независимость от Китая. С другой стороны, до изгнания Унгерном китайских оккупантов это самоуправление в тесной кооперации с последними добилося лишения власти дореволюционных российских дипломатических работников и их выезда из Внешней Монголии, вносило важный вклад в китайские репрессии, прежде всего в содержание российских беженцев и белых в очень тяжелых условиях в ургинских тюрьмах. После освобождения Нийслэлхурэ унгерновцами в феврале 1921 г. бывшие члены красного

самоуправления российской колонии стали одной из главных целей преследований.

Я благодарю С. В. Дмитриева (Институт востоковедения РАН) за консультацию по китайским терминам.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АВПРИ — *Архив внешней политики Российской империи*, Москва.

АВПРФ — *Архив внешней политики Российской Федерации*, Москва.

Батсайхан О. Богдо-хан и барон Р. Ф. Унгерн в истории Монголии // *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. С. 47–60 (монг. текст: с. 23–46).

Боец (Чита).

Бямбаа Р. Как был репрессирован автор, написавший комментарии к песне Богдо Джебцзундамбы VIII о гаминах // *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. С. 144–146 (монг. текст с илл.: с. 122–143).

Генкин И. Конец Унгерна и начало новой Монголии // *Северная Азия*. 1928. № 2.

Голубев. *Воспоминания*. 1926 // *НИА. DK254/U7G662*. Л. 1–354.

Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в.* Иркутск, 1994.

Даревская Е. М. *Три портрета — три судьбы: исторические очерки*. Улан-Батор, 1997.

Златкин И. Я. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М., 1957.

Известия (Москва).

История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е. М., 1983.

Каллиников А. У истоков монгольской революции // *Хозяйство Монголии*. 1928. № 2 (9).

Князев Н. Н. *Легендарный барон*. Харбин, 1942 (изд. 2-е: *Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны*. М., 2004. С. 13–167).

Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна: опыт реконструкции*. М., 2011.

Кузьмин С. Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству советской России. Июль 1920 г. // *Исторический архив*. 2015. № 6 (135).

- Кузьмин С. Л. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М., 2016.
- Кузьмин С. Л. Захват китайских передовых позиций под Ургой войсками барона Р. Ф. Унгерна в 1921 г. // *Владимирцовские чтения — VI*. М., 2017.
- Кунгуров Г., Сороковиков И. *Аратская революция*. Иркутск, 1946.
- Лаврентьев К. И. *Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году*. Харбин, 1925 // *HIA. Maria Vrangeli' Collection*. Folder 16. Box 14. P. 1–43 (изд.: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М., 2004. С. 312–335).
- Магсаржав Н. *Монгол улсын шинэ түүх [Новая история Монголии]*, 1927 (изд. 2-е: Улаанбаатар, 1994; изд. 3-е: сост. Эмгэнт О. Батсайхан, Харнууд З. Лонжид. Улаанбаатар: Монсудар, 2010).
- Макеев А. С. *Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии*. Шанхай, 1934 (изд. 2-е: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М., 2004. С. 430–489).
- Молоков И. Е. *Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг.* Омск, 1991.
- Мөнхбаяр Х. Сүй Шүчжэний хятад цэргийн дэглэм хийгээд Чэнь И-гийн иргэн засгийн засварт тэсч үлдсэн монголын төр [Монгольское государство, которое сохранялось в период между китайским военным режимом Сюй Шүчжэна и властью Чэнь И] // *Монгол улсын их сургууль. Нийгмийн шинжлэх ухааны сургууль. Эрдэм шинжлэгээний бичиг*. 2012. № 373 (33). Түүх, боть 11. X. 98–149.
- Мягмарсамбуу Г. *Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав [Легендарный военачальник народный Хатан-Батор С. Максаржав]*. Улаанбаатар, 2003.
- Навааннамжил Г. Барон Унгерн Нийслэл Хүрээг эзлэн авсан ба Ардын нам лугаа эсэргүүцэн байсан тухай [О том, как Барон Унгерн захватил столицу Хурэ и боролся против Народной партии] // *Монгол Ардын Хувьсгалт Намын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд*. Улаанбаатар, 2004. X. 123–135.
- Наш голос* (Чита).
- Нота посланника кн. Кудашева // *Русский голос*. 30.09.1920 (Харбин) (перепечатка: Кузьмин С. Л. *Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века)*. М., 2022. Т. 2. С. 147–149).

Панин И. А. *Наследство Даян-Хана. Очерки поездки в Монголию на автомобилях летом 1920 г.* Чита, 1922.

ПермГАСПИ — *Пермский государственный архив социально-политической истории*, Пермь.

Першин Д. П. *Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. 1933* // *HI., Stanford, USA, D. P. Pershin collection* (изд.: Першин Д. П. *Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак*. Самара, 1999).

Прибайкалье (Верхнеудинск).

Пунцагноров Ц. *Монголын автономит үеийн түүх 1911–1919* [История Монголии в период автономии, 1911–1919]. Улаанбаатар, 1955.

РГАСПИ — *Российский государственный архив социальной и политической истории*, Москва.

РГВА — *Российский государственный военный архив*, Москва.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. Ч. 1. /сост. И. И. Кудрявцев, Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров, Е. Н. Дмитроченкова, И. М. Нагаев, Н. С. Тархова, В. Н. Шепелев, Т. Оюунбазар, Ж. Гантулга, Д. Гобосурэн, Н. Хишигт. М. — Улан-Удэ, 2008.

Рощин С. К. *Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М., 1999. *Свет* (Харбин).

Случайный [Ивановский К. Н.]. В осажденной Урге // *Русское обозрение*. 1921. № 5. С. 148–199 (изд. 2-е: *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М., 2004. С. 296–309).

Советская Сибирь (Новониколаевск).

Торновский М. Г. *События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания)*. Шанхай, 1942 // *НИА*. 48014–10.V. P.1–141 (изд.: *Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны*. М., 2004. С. 168–323).

Ургинский. К событиям в Монголии // *Русское обозрение*. 1921. № 1–2. С. 170–190.

Хитун С. Е. *Дворянские поросята* // *Русская мысль*. 04.06–23.06.1970. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/hitun_se/index.html (дата обращения: 13.03.2021).

Чойбалсан Х. *Краткий очерк истории Монгольской народной революции*. М., 1952.

Шанхайская жизнь (Шанхай).

Юдин В. И. У истоков монгольской народной революции (из воспоминаний и документов) // *Монгольский сборник*. М., 1959. С. 105–125.

[Albertsen K. P.] [1921]. *Recent Events in Urga. A Foreigner's Experiences. Extracts from the Diary of Mr. K. P. Albertsen*. Tientsin Press, Ltd.

Fan Mingfang. 陈毅在外蒙古 Chenyi zaiwai menggu [Чэнь И во Внешней Монголии] // *西域研究 Xi yu yan jiu*. 2006. № 1. Р. 21–28.

Forbath L. *The New Mongolia, as Related by Joseph Geleta*. London–Toronto, 1936.

Futaki H. A re-examination of the establishment of the Mongolian People's Party, centering on the Dogsom's memoir // *Inner Asia*. 2000. № 2. Р. 37–61.

HIA — *Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives*. Стэнфорд, Калифорния.

Lattimore O., Isono F. The Diluv Khutagt: Memoirs and autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in religion and revolution // *Asiatische Forschungen*. 1982. Bd. 74. S. 1–283.

TNA — *The National Archives*, Великобритания.

UNLV — *University of Nevada Las Vegas Libraries*, Лас-Вегас.

Whos'Who in China. Shanghai, [1925].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Положение русских в Урге

Дипломатическим корпусом в Пекине 23 декаб[ря] 1920 г. послана следующая нота министру иностранных дел китайского правительства.

Заслуживающие полного доверия иностранцы, возвратившиеся из Урги, рисуют в трагических красках положение русских в этом городе. Согласно их сообщению, в тюрьмах г. Урги томится более 150 русских граждан, прибывших из Чугучака, Шарасумэ, Кобдо, Улясутая и Урянхайского края в качестве беженцев. К ним не только не предъявляется никаких обвинений, но даже

не вызывают на допрос. Заключенные содержатся в сырых, темных и тесных помещениях без полов. Помещения совершенно не отапливаются. Камеры настолько набиты людьми, что в них положительно невозможно лежать, а возможно только сидеть и то с большим трудом. Холода в Урге достигают 20–25 градусов по Реомюру. Арестованным выдается по две китайских лепешки в день каждому и по две чашки слегка подогретой, но не кипяченой грязной воды. На прогулку и вообще во двор заключенные не выпускаются и все свои естественные потребности вынуждены отправлять в тех же помещениях. Одни уже отморозили себе конечности рук и ног, другие болеют ангиной, дизентерией, инфлюэнцей и проч., и все вообще настолько обессилены и истощены, что даже теперь могут выйти на свободу только инвалидами. Со стороны колонии и чинов бывших консульств в Монголии неоднократно предпринимались перед китайскими властями меры к непосредственному свиданию с заключенными, снабжению их теплой одеждой и пищей, но все ходатайства отклонены категорически. Возбуждались ходатайства о переводе арестованных в теплые помещения за счет просителей. Китайские власти обещали облегчить положение арестованных, но ничего не сделали.

Сведения о расстреле китайскими властями 16-ти русских беженцев, посаженных в казармы 22-го октября, подтвердились. Единственный свидетель этого зверства содержится в настоящее время в китайской тюрьме — Д. Симонов. По его показаниям, расстрел был произведен китайцами 27-го октября сего года. Предварительно все заключенные были раздеты и обобраны. Случайно удалось спастись только г. Симонову, который бежал в горы, воспользовавшись темнотой. Симонов с небольшим куском хлеба просидел в горах 16 дней в ожидании прекращения военных действий. Наконец, вышел в Ургу, но на главной улице был арестован и посажен в тюрьму.

Вскоре после открытия враждебных действий со стороны неприятеля, оставшегося доселе неизвестным, всем штатным чинам российских консульств в Монголии предложено было очистить их квартиры и переселиться в другое место. Приказания

эти передавались офицерами и простыми солдатами и должны были выполняться в течение 24 часов. Помещения генерального консульства предназначались для китайских солдат, и китайские власти совершенно не интересовались последующей судьбой выселяемых. Все казенное имущество и некоторая часть частной собственности остались в этих помещениях, так как солдаты не позволили ничего вынести. Чины генерального консульства расположились в здании общества «Монголор» и в квартире г. Олуфсена по 2–3 семьи в одной комнате. 16-го ноября они получили паспорта для путешествия в Пекин от г. Чэнь И, но смогли выехать лишь 2 декабря, когда в их распоряжение были предоставлены военные автомобили.

Китайские солдаты заняли все Российское Генеральное Консульство. Все имущество, находившееся под ответственностью И. А. Лаврова, захвачено китайцами без всякой описи или расписок. Оно переносится с места на место к его ущербу. Одновременно с занятием казенных зданий, китайские солдаты реквизировали почти все частные помещения в районе консульской фактории, оставляя без внимания судьбу жителей при установившихся в Урге морозах.

Организованный грабеж русских граждан продолжался почти 13 дней. Занимались им солдаты генералов Гао и Чу. Эти солдаты врываются в помещения русских не только днем, но и ночью и захватывали положительно все до детского белья включительно, с постоянными угрозами оружием. Не избежали этого грабежа и чины Русского Генерального Консульства гг. Менько-Буланый, Граматикати и Кондаков.

Русская колония терроризирована и не смеет показываться. Положение с тех пор еще осложнилось за отсутствием припасов. Китайские власти отдали тайное распоряжение не продавать муки русским. Таковую можно получить только из-под полы и только в небольшом количестве. Ввоз муки с севера и с юга прекратился вследствие объявления осадного положения. Китайцы, кроме того, взяли на учет запасы муки и риса у русских граждан и реквизировали все припасы русской продовольственной лавки.

Китайские солдаты совершенно не дисциплинированы все, и никаких приказов не слушаются. Военные власти и, в частности, генералы Гао и Чу прекрасно отдают себе отчет в преступлениях их солдат, но игнорируют таковые. Офицеры неоднократно были свидетелями грабежа, но они обыкновенно отговаривались, заявляя, что это — солдаты не их отряда³.

Таковы сведения, поступившие к Дипломатическому Корпусу касательно настоящего положения русских в Урге. Мои сотоварищи и я ознакомились с ними с глубоким волнением. На эти факты исключит[ельной] важности, столь вредящие доброй репутации Китая, я обращаю немедленное внимание Вашего Превосходительства и прошу Вас озаботиться отдачей необходимых распоряжений для того, чтобы:

- 1) Совет русских торговых старшин имел свободный доступ к русским заключенным для снабжения их платьем, пищей и т. д., так как все, что было передано до сих пор через посредство китайских властей, было перехвачено китайскою и монгольскою стражей;
- 2) чтобы заключенные были переведены в отапливаемые помещения, а больные — в больницы за счет китайских властей;
- 3) чтобы заключенные получали пищу в достаточном количестве и чай вместо грязной воды;
- 4) чтобы они были тотчас допрошены, а невинные — освобождены;
- 5) чтобы им было дозволено прогуливаться во дворе, по крайней мере, два раза в день, и чтобы они имели свободный доступ к отхожим местам;
- 6) чтобы русским гражданам было предоставлено свободно выехать из Урги и направиться, куда они пожелают, вследствие продовольственного кризиса, который там обнаружился;
- 7) чтобы запрещение продажи продуктов русским было отменено, и чтобы продовольственные запасы в их распоряжении не брались на учет и не подвергались реквизиции;

³ Есть свидетельства личного участия китайских офицеров в грабежах (например, [Новости жизни, 25.02.1921]). — Прим. С. К.

и 8) чтобы Д. И. Симонов был освобожден ввиду основательно-сти опасения за его жизнь, так как он — единственный свидетель убийства 16 русских беженцев.

Я призываю к чувствам гуманности Вашего Превосходительства и прошу доставить мне в кратчайший срок заверения, которые мои сотоварищи и я ожидаем с величайшим беспокойством.

Нота подписана Деканом Дипломатического Корпуса Испанским Посланником Дон Луи Пастором.

На эту ноту 27 декабря последовал ответ китайского министра иностранных дел на имя декана дипломатического корпуса в Пекине следующего содержания.

«Я имею честь подтвердить исправное получение ноты Вашего Превосходительства от 23-го декабря, излагающей положение русских обывателей Урги и предлагающей известные меры в 8-ми пунктах, в отношении коих Вы просите моего полного согласия.

Комиссару г. Чон⁴ послана телеграмма с предложением произвести расследование и принять необходимые меры. Кроме того, в Ургу командирован чиновник для производства подробного обследования. Как только я получу ответ, тотчас же уведомя Ваше Превосходительство, ныне же имею честь послать эту ноту с признательностью за Ваше осведомление».

Свет, 10.01.1921.

Нота Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Китайской Республики от 15 января 1921 г.

Комиссариат Иностранных Дел РСФСР с удовольствием отмечает успехи Китайской армии, достигнутые ею в деле ликвидации банд русских контрреволюционеров, пытавшихся укрепиться на территории Монголии.

Но вместе с тем мы принуждены констатировать, что действия китайских властей в этом районе во многих случаях носили ха-

⁴ Чэнь И. — Прим. С. К.

ракти, явно нарушающий интересы Российской Республики. Еще в конце прошлого года, до появления отрядов контрреволюционеров в Монголии, мы получили сведения, что местными китайскими властями чинятся всякие препятствия деятельности Центросоюза, занимавшегося закупкой скота в Монголии. Были случаи конфискации у этой кооперативной организации заготовленных ею запасов фуража, воспреещения выгона скота, арестов сотрудников этой организации, причем китайские власти в Монголии мотивировали эти свои действия тем, что Центросоюз снабжает не только частных лиц, но и Советскую армию.

В то же время мы получали другие сообщения из Туркестана, говорящие о том, что китайские власти Кашгарского р-на продолжали оказывать гостеприимство укрывающимся в этом районе бандам русских белогвардейцев из отрядов Дутова, Анненкова и других, предоставляя им продовольствие и остальное снабжение и даже зачисляя их на свою службу.

Сопоставляя этот факт дружественной помощи, оказываемой китайскими властями русским контрреволюционным бандам, с той нетерпимостью, которая ими проявлена по отношению к деятельности Центросоюза в Монголии из боязни, что заготовки Центросоюза могут пойти на снабжение Советской армии, мы принуждены констатировать враждебное отношение китайских властей упомянутых двух районов к Российской Республике.

Такое отношение для нас тем более непонятно, что деятельность Центросоюза ничем не нарушала интересы Китая. Закупки скота этой организацией производились в строго определенном порядке, ничем не затрагивающем интересы китайского населения. Кроме того, китайские власти вполне осведомлены о том, что Центросоюз отнюдь не является государственной организацией, а кооперативным объединением широких кругов русского городского и сельского населения и ставит своей целью снабжение всего населения России. Действия же китайских властей, направленные против Центросоюза, таким образом, косвенно направлены против всего русского населения.

Полученные нами сведения указывают, что в последнее время тактика китайских властей по отношению к Центросоюзу приня-

ла еще более враждебный характер. В Урге китайскими властями захвачены все ценности Центросоюза, отобраны лошади, сбруя, мука, разбит денежный шкаф, взята касса в несколько миллионов рублей, убиты ветеринарный врач Крестофоров и еще несколько служащих Центросоюза.

Подобные действия нами рассматриваются как откровенный разгром и грабеж русской общенародной кооперативной организации и нами принимаются срочные меры выяснения подробностей всех насилий, чинимых над этой организацией, а также определение всей суммы причиненных им китайскими властями и китайскими солдатами убытков.

В то же время из Зайсанского района в Туркестане поступили сообщения о том, что тамошние китайские власти захватывают русскую территорию около реки Улькуд Уласты, около 40 верст в глубину, на протяжении 100 верст по этой реке, препятствуют русскому населению пользоваться водой этой реки для орошения своих полей, производят самочинную порубку и вывоз леса из русской территории.

Подобные перечисленные выше действия китайских пограничных властей носят явно враждебный к России характер и могут привести к весьма серьезным нежелательным ни для Китая, ни для России последствиям.

Питая самые искренние чувства дружбы к Китайской Республике, мы тем не менее не можем допустить, чтобы подобные действия, грубо нарушающие интересы русского народа, продолжались в будущем.

Мы уверены, что Пекинское Правительство примет необходимые меры к прекращению подобных конфликтов и расследованию имевших место в прошлом.

Мы просим Министерство Иностранных Дел передать нам ответ по существу всего вышеизложенного и надеемся, что разрешение указанных вопросов будет содействовать установлению добрососедских отношений между обеими великими Республиками.

Заместитель Народного Комиссара по Иностранным Дела
Л. Карахан

Известия, 16.01.1921.

Экономическое развитие Монголии в рамках СЭВ: из истории темы, 1962–1991 гг.

Аннотация. Пребывание Монгольской Народной Республики в составе Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) позволило ускоренными темпами создать в стране в 1960–1980-е годы определенную промышленную инфраструктуру. Наиболее масштабной деятельностью стран — членов СЭВ на территории азиатского члена сообщества была в таких отраслях экономики, как геологоразведка и строительство. Первый из этих сюжетов является предметом рассмотрения в данной статье.

Ключевые слова: Монголия, СЭВ, геология, строительство, экономическое сотрудничество

КУРАПОВА ЕЛЕНА РУДОЛЬФОВНА, кандидат исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив экономики. 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17, Российская Федерация.
E-mail: curapova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6131-2345

E.R. Kurapova

Mongolia's economic development in the framework of the CMEA: from the history of the topic, 1962–1991

АБСТРАКТ. The Mongolian People's Republic's membership in the Council of Mutual Economic Assistance allowed the country to create a certain industrial infrastructure at an accelerated pace in the 1960s — 1980s. The most extensive activities of the CMEA member countries on the territory of the Asian member of the community were in such sectors of the econ-

omy as exploration and construction. The first of these aspects is the subject of this article.

KEY WORDS: Mongolia, CMEA, geology, construction, economic cooperation

KURAPOVA ELENA RUDOLFOVNA, Ph.D. (Hist.), Deputy Director, Russian State Archive of Economics. 119435, Moscow, Bolshaya Pirogovskaya Street, 17, Russian Federation.

E-mail: curapova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6131-2345

Монгольская Народная Республика вступила в члены СЭВ в июне 1962 г., что позволило расширить формат организации не только количественно: европейская межправительственная организация стран социалистического содружества стала евразийской [Монголия в СЭВ, с. 32]. Изучение и анализ архивных материалов документального комплекса СЭВ [Российский государственный архив экономики. Ф. 561; Секретариат СЭВ. Ф. 302. Постоянное представительство СССР при СЭВ] в части отраслевых Постоянных комиссий СЭВ за 1962–1991 гг. позволяет говорить, что наиболее масштабной на территории Монголии являлась деятельность стран — членов СЭВ по таким направлениям промышленного кластера, как геологоразведка и строительство [Курапова, 2023].

Вопрос о помощи Монголии в геологическом изучении страны и залежей полезных ископаемых со стороны стран — членов СЭВ был поставлен монгольской стороной практически в момент вступления в организацию [Каманджаев, 2023, с. 40].

Через год, в июне 1963 г., на московском совещании руководителей геологических служб стран — членов СЭВ в обстоятельном докладе главы монгольской делегации были освещены вопросы геологической изученности территории МНР и приведены данные о минерально-сырьевых ресурсах страны: горючие полезные ископаемые (уголь, горючие сланцы, нефть), металлы для черной металлургии (железные, марганцевые и хромитовые руды), золото, цветные металлы, медь, редкие металлы (вольфрам, молибден, золото), плавиковый шпат (флюорит), магнезит, асбест,

пьезокварц, графит, фосфориты, строительные материалы и природные соли. Автор указал, что «около 50% территории республики остается совсем неисследованной и неизученной», «аэрофотосъемкой покрыто 60% всей территории» и «в настоящее время производится добыча нефти, вольфрама, флюорита, угля, строительных материалов, солей и для лечебных целей используются некоторые минеральные источники» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 397–407].

В части «мер необходимой помощи» со стороны других членов СЭВ по усилению геологоразведочных работ в Монголии монгольская сторона предлагала «разделить всю территорию» МНР на 6 районов, всестороннее геологическое изучение которых передать полностью тому или иному члену СЭВ». Например, предполагалось, что СССР занимается геологическими съемками (1:1 000 000, 1:200 000) на территории 580 тыс. кв. км, Польша, Чехословакия, ГДР осваивают территории площадью 279, 273, 236 тыс. кв. км соответственно, а «изучение нефтеносности страны» предлагалось «провести с участием геологов Румынской Народной Республики». Автор признавал, что МНР «не в состоянии своими силами провести необходимые комплексные геологические исследования и тем более освоить минеральные богатства недр. Для этого у нас нет в настоящее время ни национальных кадров, ни технических средств» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 407–408].

В июле 1963 г. Постановлением 28-й сессии СЭВ была образована Постоянная комиссия СЭВ по геологии с местопребыванием в г. Улан-Баторе «с целью дальнейшего расширения сотрудничества стран — членов СЭВ по геологическому изучению недр, повышению эффективности поисковых и разведочных работ и расширению минерально-сырьевых ресурсов в интересах наиболее полного удовлетворения потребностей стран — членов СЭВ разведанными запасами необходимых полезных ископаемых». Председателем комиссии в октябре 1963 г. был избран начальник Геологоразведочного управления при Совете министров МНР (1959–1966) Маамжавын Цэрэндорж (1925–1985) [Монголия в СЭВ, 2023, с. 409, 971].

С целью изучения текущего состояния геологических работ в Монголии в период с 14 августа по 10 сентября 1963 г. под руководством советского специалиста Н. А. Быхова на территории Монголии работала интернациональная экспертная группа из 15 человек, представлявших страны — члены СЭВ (Болгария, Венгрия, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР). Итоги работы были изложены в отчетном докладе «О состоянии геологической изученности территории Монгольской Народной Республики, ее минерально-сырьевых ресурсах и предложениях о дальнейшем направлении геологоразведочных работ» [Каманджаев, 2023, с. 41–43, 46–47]. Это был первый результат первого консолидированного профессионального сотрудничества специалистов стран — членов СЭВ с монгольской стороной в области геологии.

В марте 1965 г. Постоянная комиссия СЭВ по геологии приняла к сведению решение Исполкома СЭВ о целесообразности проведения «совместных геологоразведочных работ заинтересованными странами — членами СЭВ с Монгольской Народной Республикой» в формате двусторонних соглашений. Стране-реципиенту было рекомендовано обеспечить проведение этих работ «комплексно и по единым методикам».

Через год, в апреле 1966 г., на заседании комиссии было отмечено, что в течение 1965 г. между МНР и Болгарией, МНР и Венгрией, МНР и ГДР, МНР и СССР, МНР и Чехословакией были «подписаны контракты или подготовлены их проекты на оказание помощи МНР в проведении геологических исследований». Каково было их содержательное наполнение? Так, Болгария предусматривала оказание помощи азиатскому коллеге в поисках и разведке полиметаллических руд и керамического сырья, экспедициями ГДР и ПНР были начаты разведочные работы на золото и проведено составление геологических карт определенного масштаба соответственно, специалисты ЧССР заканчивали строительство геологической базы в Мурэне, а «с помощью геологов СССР» был «открыт ряд значительных месторождений фосфоритов, железных и медно-молибденовых руд». Следуя рекомендациям Исполкома СЭВ, при Геологоразведочном управлении Монголии был организован «Координационный

совет из представителей геологических экспедиций и групп геологов стран — членов СЭВ, проводящих в МНР геологические исследования». При этом, согласно информации монгольской стороны, общая численность специалистов стран — членов СЭВ, предусмотренных соответствующими контрактами, составила 523 человека, среди которых от СССР было 285 специалистов, ГДР — 139, ЧССР — 48, НРБ — 36, ВНР — 15 [Монголия в СЭВ, 2023, с. 410, 416, 423].

Через год, в октябре 1967 г., в фокусе внимания Постоянной комиссии СЭВ по геологии оказался вопрос о разработке месторождений плавикового шпата в трех странах — членах СЭВ: ГДР, Монголии и Чехословакии. Флюорит является главным минералом для производства фтора и его соединений. Минерал востребован в химической промышленности и металлургии. В Монголии на тот момент разведанные запасы флюорита приходились на Бэрхинский и Хар-Айрацкий районы. При этом прогнозные запасы составляли 7–10 млн т, а суммарные, с учетом разведанных, определялись в 16–20 млн т. Однако существенными недостатками в сырьевой базе плавикового шпата в Монголии были сочтены два фактора: удаленность основных месторождений Бэрхинского района от железной дороги на 300–320 км и сравнительно невысокое качество руд Хай-Айрацкого района. Кроме того, минусом являлось преобладание небольших месторождений, непригодных для строительства высокопроизводительных горных предприятий, а также слабая изученность гидрогеологических условий и технологии обогащения руд. Перспективным было обозначено Селенгино-Орхонское флюоритовое месторождение, а в части применения современных технологий геологоразведки было предложено активнее использовать при проведении поисковых работ аэрометоды. Однако Министерство геологии МНР «высказало соображение о нецелесообразности проведения интенсивных геолого-поисковых и разведочных работ на плавиковый шпат на территории страны» на тот момент. Причин было указано две: горнодобывающие предприятия Монголии были обеспечены «на ближайшие годы разведанными запасами плавикового шпата», во-первых, и «со стороны других стран — членов

СЭВ отсутствует большой спрос на эти руды», во-вторых [Монголия в СЭВ, 2023, с. 431].

Двустороннее сотрудничество Монголии с той или иной страной в рамках СЭВ имело свои особенности, как экономические, так и политические. Об этом, например, свидетельствует запись беседы атташе Посольства СССР в МНР Б. Е. Низовцева с начальником Чехословацкой геологической экспедиции в Монголии Попоушеком. В процессе беседы 20 октября 1968 г. в гостинице «Улан-Батор» чехословацкий геолог рассказал советскому дипломату о визите делегации национального министерства геологии в Монголию, в ходе которого «большой неожиданностью для монгольской стороны явилось предложение чешской делегации пригласить Советский Союз в качестве партнера для совместных разработок богатых медных месторождений в Эрдэнэ-Туин-Обо (Булганский аймак), оценку которых делала чехословацкая геологическая экспедиция». По оценке собеседника, «монгольские представители без энтузиазма отнеслись к этой инициативе», объяснение чему он видит в том, что «большая часть совместно добытой руды будет уходить в СССР в счет погашения кредитов». В то же время данный визит, в отличие от прежних, когда «стороны не могли долгое время договориться даже по второстепенным вопросам», прошел «в дружеской и непринужденной обстановке, монгольские товарищи ... охотнее шли на уступки». В изложении советского дипломата, «причину общего изменения отношения к чехам Попоушек видит в том, что монголы чисто по-человечески сочувствуют чехословацкому народу, на долю которого выпали серьезные испытания» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 443–444]. Имеются в виду печальные события августа 1968 г., связанные с вводом в Чехословакию войск стран Варшавского договора.

Важное новшество в организации геологических исследований стран — членов СЭВ на территории Монголии обозначено в постановлении 16-го заседания Постоянной комиссии СЭВ по геологии от 14–20 октября 1969 г. На повестке дня был вопрос «О состоянии минерально-сырьевой базы МНР, перспективах выявления новых месторождений полезных ископаемых и основ-

ных направлениях геологоразведочных работ на 1971–1975 гг. и до 1980 г.». В пунктах 5б) и 5в) протокола заседания рекомендовано «заинтересованным странам — членам СЭВ рассмотреть возможность объединения своих усилий в проведении совместных геологоразведочных работ для скорейшей разведки наиболее крупных месторождений дефицитных видов минерального сырья на территории МНР на основе многосторонних договоров», а также «просить Монгольскую сторону при положительном завершении геологоразведочных работ на месторождениях дефицитных видов минерального сырья вносить на обсуждение заинтересованных стран предложения о возможностях их промышленного освоения». По сути, это была предтеча консолидированного решения стран — членов СЭВ о создании Международной геологической экспедиции.

На пятилетие 1971–1975 гг. и до 1980 г. общей целевой установкой геологоразведочных работ в Монголии являлось расширение минерально-сырьевой базы страны для удовлетворения внутренних потребностей в сырье различных отраслей народного хозяйства и развития горнорудной промышленности для увеличения экспортных ресурсов минерального сырья, в основном золота, олова, вольфрама, меди, молибдена, тантала, ниобия, плавикового шпата и других полезных ископаемых, представляющих интерес для экономики МНР и социалистических стран — членов СЭВ. Были предусмотрены основные направления работ по отдельным отраслям и видам полезных ископаемых: топливно-энергетическому сырью (нефть, уголь), черным, цветным и редким металлам (железные руды, вольфрам, олово, медь и молибден, тантал и ниобий), нерудным ископаемым (плавиковый шпат, фосфориты), а также гидрологическим и геофизическим работам, геологической съемке. В фокусе внимания были Овдог-Худукское, Баян-Гол и Тумур-Тай, Салаакское, Онгон-Хайрханское, Буянтинское, Салбыртгинское, Салбыртэ, Жаргалант, Эрдэнтуин-Обо, Бурен-Цогто и другие месторождения полезных ископаемых [Монголия в СЭВ, 2023, с. 451–452, 454–457].

В 1971 г. Отдел геологии Секретариата СЭВ подготовил обзор «Результаты геологических исследований, проведенных в стра-

нах — членах СЭВ за последние 15 лет (1956–1970 гг.)». В части, касающейся МНР, были выделены «наиболее важные месторождения полезных ископаемых и их значение». Так, например, «Геологические работы на уголь ... увенчались значительными успехами»: построено 12 угледобывающих предприятий (10 разрезов и 2 шахты), в том числе такие крупные, как разрезы Шарын-Гол с годовой производительностью 110 тыс. т в год и Адун-Чулун — 110 тыс. т. Общая добыча угля достигла в 1969 г. 1 640 тыс. т. При этом «разведанные запасы угля обеспечивают потребности МНР в топливном сырье на ближайшие годы. Освоение месторождения Табун-Тологой в перспективе даст возможность поставлять коксующийся уголь на экспорт». Начата детальная разработка крупного месторождения медно-молибденовых руд Эрдэнтуин-Обо в Булганском аймаке, имеющего выгодное географо-экономическое расположение. Подготовлено к промышленному освоению месторождение кварц-вольфрамитового типа Салаа в Сухэ-Баторском аймаке. Подтверждена значительность разработки фосфоритов Хубсугульского месторождения для перспективного развития народного хозяйства Монголии. В результате проведенных работ почти в три раза были увеличены балансовые запасы плавикового шпата. В целом был сделан вывод о создании благоприятных предпосылок для ускоренного развития в стране горнодобывающей и угольной промышленности [Монголия в СЭВ, 2023, с. 463–466].

В мае 1971 г. была принята подготовленная в недрах СЭВ программа работ на 1971–1975 гг. по проблеме «Геологическое строение и закономерности размещения месторождений важнейших полезных ископаемых на территории Монгольской Народной Республики». Страной-координатором выступила МНР, странами-участницами — Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Разработка проблемы явилась частью Комплексной программы реализации решений 23-й (специальной) сессии СЭВ в области геологии. В рамках проблемы намечалась разработка пяти тем, связанных с выработкой научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности геолого-съемочных работ масштаба 1:200 000, выявлению законо-

мерностей размещения медных и молибдено-медных месторождений в пределах Орхоно-Селенгинской и Южно-Монгольской металлогенических зон; месторождений золота в пределах Северо-Хэнтэйского рудного пояса; оловянно-вольфрамовых месторождений Центральной и Восточной Монголии; флюоритовых месторождений Восточной Монголии [Монголия в СЭВ, 2023, с. 467–470].

В мае 1972 г. на заседании Постоянной комиссии СЭВ по геологии был рассмотрен вопрос о создании Международной геологической экспедиции для проведения поисков и разведки месторождений полезных ископаемых на территории МНР. Экспедиция была признана «новой формой сотрудничества» с целью поиска и разведки месторождений «дефицитных для стран — членов СЭВ полезных ископаемых на территории МНР». Таким образом была начата реализация Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ (п. 6 раздела 10), принятой странами — членами СЭВ в 1971 г. Предварительный проект Соглашения об учреждении Международной геологической экспедиции стран — членов СЭВ в Монгольской Народной Республике датирован 3 июня 1974 г. Согласно ст. 1 документа, экспедиция создается при Министерстве топливно-энергетической промышленности и геологии МНР, ее основной задачей является производство комплексных геолого-съёмочных и поисковых работ на все виды полезных ископаемых и предварительной разведки месторождений, представляющих особый интерес, включая их геолого-экономическую оценку (п. 1, ст. 2). Экспедиция проводит свою работу с 1976 по 1980 г. в Северо-Керуленском районе МНР (п. 2, ст. 2). Для решения основных вопросов участвующие в финансировании экспедиции стороны учреждают Совет Уполномоченных, представители сторон председательствуют на заседаниях Совета поочередно, в порядке названий стран по русскому алфавиту (п. 4, ст. 3). Рабочим языком экспедиции является русский. Начальник экспедиции, его заместитель и главный инженер утверждаются Советом, создается также Научно-технический совет. Финансирование работ экспедиции, включая расходы на создание ее центральной базы

в Улан-Баторе, осуществляется на безвозмездной основе разными взносами восемью сторонами — Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия — в пределах общей суммы 20 млн переводных рублей на 1976–1980 гг. За счет доле-вых взносов сторон в Госбанке МНР открывается актив в пере-водных рублях для финансирования работ экспедиции, который погашается или денежными переводами в переводных рублях, или поставками оборудования, приборов, снаряжения, матери-алов, командированием специалистов, выполнением отдельных видов работ. Специальный счет Госбанка МНР в переводных руб-лях открывается также в Международном банке экономического сотрудничества [Монголия в СЭВ, 2023, с. 471, 477–482].

В апреле 1975 г. на заседании Постоянной комиссии СЭВ по геологии было определено, что кандидатуры на должности началь-ника экспедиции и главного бухгалтера представит Монголия, главного инженера — ГДР, главного геолога — СССР, заместителя начальника по общим вопросам — Чехословакия. Тогда же была определена программа работ экспедиции и правила об условиях труда сотрудников экспедиции [Монголия в СЭВ, 2023, с. 492–499].

В отчете за первый год работы экспедиции, представленном Советом уполномоченных на заседании Постоянной комиссии СЭВ по геологии в июне 1977 г., отмечено невыполнение объемов бурения и проходки шурфов из-за отсутствия нужного оборудова-ния и квалифицированного рабочего персонала, а к достижениям отнесен сделанный выбор площадей и объектов под постановку крупномасштабных работ. К таковым отнесены проявление флю-орита Сэрвен и рудопроявление вольфрама-молибдена Баян-Хан. Спустя год в аналогичном отчете за 1977 г. присутствует весьма сдержанная оценка по этим месторождениям в части наполне-ния залежами полезных ископаемых, как выводы отмечено, что «оценка промышленных перспектив» месторождений будет про-должена в 1978 г. [Монголия в СЭВ, 2023, с. 522].

В октябре 1978 г. на заседании Постоянной комиссии СЭВ по геологии была рассмотрена программа работ экспедиции на 1981–1990 гг. В документе указано: «После завершения работ в Северо-Керуленском районе основной задачей Экспедиции яв-

ляется производство поисково-ревизионных, геолого-съемочных и поисково-оценочных работ на все виды полезных ископаемых, а также предварительной разведки медно-молибденовых и других месторождений на площади Южно-Гобийского района, расположенного в южной части МНР и входящего в Центральную экономическую зону МНР». При обсуждении вопросов дальнейшей деятельности экспедиции обозначилась разница в подходах стран-участниц. Так, в справке Секретариата СЭВ на имя постоянного представителя СССР в СЭВ К. Ф. Катушева зафиксировано, что делегация Венгрии, например, предложила срок продления действия Соглашения установить до конца 1985 г. (предложение было поддержано делегацией ГДР), а финансирование экспедиции осуществлять на безвозмездной основе долевыми взносами ее участников пропорционально национальному доходу их стран за 1971–1975 гг. (поддержано делегацией Болгарии). В части общего объема ассигнований мнения также разделились: делегации Монголии, Советского Союза и Чехословакии предложили на 1981–1985 гг. сохранить объем в сумме 17,5 млн переводных рублей, а делегации Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши предложили его уменьшить [Монголия в СЭВ, 2023, с. 525, 527].

13 июня 1980 г. в Москве в одном экземпляре на русском языке был подписан Протокол к Соглашению об учреждении Международной геологической экспедиции в Монгольской Народной Республике от 3 июня 1975 г. Было решено, что экспедиция будет проводить работу в период с 1981 по 1985 г. Итоги работы экспедиции за этот период подведены в докладе Отдела геологии Секретариата СЭВ от 19 сентября 1984 г. Из выделенного общего финансирования в 15,4 млн переводных рублей израсходовано на проведение геологоразведочных работ 13,4 млн рублей, на приобретение машин и оборудования — 1,8 млн, на строительство производственной базы и жилого дома — 0,2 млн переводных рублей. К наиболее важным объектам, выявленным экспедицией, отнесены Ундур-Цаганское молибден-вольфрамовое месторождение, Мунгун-Ундурское серебряно-полиметаллическое проявление жильного типа, месторождение плавикового шпата Хулын-Холбо, Шутэнская вулcano-плутоническая структура в Южно-Гобийском

районе и др. В отчетный период в экспедиции в среднем работали 415 человек, определенные успехи были характерны для «организации труда, трудовой и производственной дисциплины» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 529, 553, 555].

Вновь деятельность Международной геологической экспедиции была рассмотрена на заседании Постоянной комиссии СЭВ в области геологии в апреле 1987 г. Были обозначены достигнутые результаты проведенных геологоразведочных работ с указанием перспективных районов по залежам тех или иных полезных ископаемых. На период 1987–1990 гг. была отмечена важность применения определенных методов исследований при производстве геологоразведочных работ (а) и необходимость осуществления конкретных организационно-технических мероприятий (б). При этом ряд позиций имели срок исполнения «постоянно», ряд — определенный год. Среди шести позиций (а) срок исполнения «постоянно» относился к следующим пунктам: широкое использование аэро-, фото- и космоснимков с целью обеспечения «опережающего характера опробования территорий с помощью этих методов»; производство минералогических анализов шлихов в течение полевого сезона («чтобы до конца полевых работ были проверены все ореолы с повышенным содержанием полезных минералов»); увеличение глубинности буровых работ; при производстве последних — использование «всех необходимых видов каротажа скважин» (с. 559). Среди восьми позиций (б) постоянно предлагалось обеспечивать «повышение производительности труда на буровых и открытых горных работах ежегодно не менее чем на 5% за счет улучшения технологической дисциплины, геологического контроля, повышения квалификации работников, рациональной концентрации работ, сокращения непроизводительных затрат, развития всех форм социалистического соревнования»; внедрять «современную вычислительную технику для обработки геологических, геофизических, геохимических» данных; повышать «требовательность к сотрудникам Экспедиции по выполнению ими должностных обязанностей, обеспечивать выполнение контрактных обязательств по командированию специалистов и поставкам оборудования»; «улучшать качество всех

видов геологоразведочных работ». В 1987 г. предстояло решить задачу по созданию «оптимального для Экспедиции автопарка»; организовать атомно-абсорбционную лабораторию и потребовать от «Комплексимпорта» «резкого повышения качества всех видов аналитических работ, выполняемых им по контракту с Экспедицией, а также выполнения их в согласованные контрактные сроки» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 559–560]. Приведенные цитаты документа под общим заголовком «Меры по повышению эффективности геологоразведочных работ, проводимых Международной геологической экспедицией в МНР» явно свидетельствуют о недоработках руководящего состава экспедиции. Очевидно, ситуация потребовала консолидированного вмешательства на уровне Постоянной комиссии СЭВ по геологии.

На протяжении ряда лет рассматривался вопрос о геологоразведочных работах на нефть на территории Монголии. В июле 1989 г. в связи с обращением советского посольства в Монголии «о целесообразности возобновления работ на нефть в МНР» Министерство геологии СССР докладывало в Совет министров СССР свое мнение по этому вопросу. Речь шла о «возобновлении геологоразведочных работ за счет кредитов СССР». В письме министерства отмечено, что в пределах МНР выделяется 13 осадочных бассейнов, «среди которых лишь два представляют некоторый интерес с точки зрения возможной нефтегазоносности» — это Восточно-Гобийский аймак (месторождения Дзун-Баин и Цаган-Элс) и Тамцагский бассейн. Поисково-разведочные работы на нефть в МНР «были полностью прекращены» в 1964 г., т. е. спустя два года после вступления страны в СЭВ. В 1979–1986 гг. вопрос поднимался монгольской стороной, но мнение советской стороны было отрицательным в связи с незначительностью запасов и дороговизной работ. «Вместе с тем, — отмечено в документе, — геологическая служба МНР с 1986 г. начала проводить опытно-методические геофизические работы на нефть и газ», с 1988 г. методическую помощь в проведении работ и машинной обработке геофизических данных оказывало ПГО «Иркутскгеофизика». Затраты на «оценку перспектив нефтегазоносности нижних слабо изученных частей разреза Восточно-Гобийского

и Тамцагского бассейнов и поиски новых типов ловушек углеводородов потребуют проведения сейсморазведочных и буровых работ» Мингео СССР оценивало в 20–25 млн рублей, а общие затраты на геологоразведочные работы — в 350–400 млн рублей. В то же время министерство «не исключало возможности» участия «Иркутскгеофизики» «в проведении сейсморазведки в МНР в рамках прямых связей с оплатой в национальной валюте» [Монголия в СЭВ, 2023, с. 563–564].

В июне 1990 г. на совещании представителей правительств стран — членов СЭВ планировалось рассмотреть проект концепции реформы СЭВ и нового устава организации. Как отмечал в своей информации в ЦК КПСС председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, «с учетом изменений, произошедших в странах Восточной Европы, и предстоящего перехода во взаимных расчетах на С[вободно]К[онвертируемую]В[алюту] и мировые цены», предлагается вместо существующей структуры (Сессия, Исполком, комиссии и комитеты) создать «один орган в составе постоянных представителей стран», наделенный прогнозно-аналитической функцией. СССР, Румыния, Куба, Монголия и Вьетнам выступали также за согласование «экономических и правовых условий сотрудничества», что не поддерживалось Польшей, Венгрией и Чехословакией. Разногласие имелось и по вопросу «о льготах и преференциях, которыми могут пользоваться Куба, Монголия и Вьетнам».

Спустя год, 20 июня 1991 г., премьер-министр СССР В. С. Павлов проинформировал Верховный Совет СССР о том, что «в связи с радикальными изменениями в политических и экономических системах стран СЭВ к настоящему времени практически прекратилась деятельность Совета Экономической Взаимопомощи». Вопрос об упразднении организации планировалось рассмотреть на Сессии СЭВ 28 июня 1991 г. в Будапеште, что и было исполнено. Решения о создании новой организации (Совета Экономического Взаимодействия) принято не было [Монголия в СЭВ, 2023, с. 293–296].

Таким образом, в тематических рамках статьи можно констатировать следующее. Геологическое изучение территории Мон-

голии в период ее членства в Совете экономической взаимопомощи имело беспрецедентный характер. Ни до, ни после этого периода примеров такого консолидированного межгосударственного целенаправленного изучения мы не знаем. Работа по геологоразведке имела следствием организацию добычи полезных ископаемых, что позволило удовлетворять нужды страны для внутреннего потребления и экспортировать продукцию в страны содружества. Последнее способствовало погашению предоставленных Монголии кредитов. Сотрудничество с более развитыми странами — членами СЭВ помогло Монголии осуществить масштабную подготовку национальных кадров в области геологоразведки, геологодобычи, картографии. Для развития страны существенное значение имел также трансфер в Монголию научного знания и промышленных технологий со стороны стран — членов СЭВ. Как отмечал Ю. В. Кузьмин, «страны социализма имели более развитую промышленность, наукоемкое сельское хозяйство, систему транспорта, науку и образование и создали их в Монголии — отсталой кочевой стране» [Кузьмин, 2023, с. 686]. Добавим, что основа современного экспортного потенциала Монголии в части полезных ископаемых была заложена именно в годы членства страны в Совете экономической взаимопомощи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Каманджаев Н. А. Совет экономической взаимопомощи и геологическое изучение Монголии: доклад экспертной группы стран — членов СЭВ от 9 сентября 1963 г. // *История и архивы*. 2023. Т. 5. № 4.
- Кузьмин Ю. В. Монголия и СЭВ — опыт успешного сотрудничества // *Историко-экономические исследования*. 2023. № 4.
- Курапова Е. Р. Социалистическое прошлое Монголии: из истории сотрудничества в области строительства в рамках Совета экономической взаимопомощи // *Самарский архивист: научный альманах*. 2023. № 6.
- Монголия в СЭВ: на пути евразийской экономической интеграции: сборник документов*. М., 2023.

Слово как оружие: армейская газета «Героическая красноармейская» в боях на Халхин-Голе¹

Аннотация. В статье рассматривается содержание ежедневной армейской газеты РККА «Героическая красноармейская» в период вооруженного конфликта на Халхин-голе. Это — структура издания, основные материалы и рубрики, ее идеологическая направленность, степень политического воздействия на командиров и красноармейцев, специфика газеты, включая характерную риторику. Особое внимание уделено организационной и политической деятельности ответственного редактора Д. И. Ортенберга и профессиональной деятельности лучших фронтовых корреспондентов В. П. Ставского, К. М. Симонова, Б. Лапина, Л. Славина, З. Хацревина, фотокорреспондентов М. Бернштейна и В. Темина.

Ключевые слова: вооруженный конфликт на р. Халхин-гол, газета «Героическая красноармейская», ответственный редактор, фронтовые корреспонденты

КУРАС ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Российская Федерация.
E-mail: kuraslv@yandex.ru
ORCID ID: 000-0003-4507-249X

ЦЫБЕНОВ БАЗАР ДОГСОНОВИЧ, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Российская Федерация.
E-mail: bazar75@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0404-7207

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-68-00054. URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

L. V. Kuras, B. D. Tsybenov

The word as a weapon: army newspaper “Geroicheskaya Krasnoarmeyskaya” in the battles at Khalkhin Gol

ABSTRACT. The article is devoted to the daily newspaper of the Red Army “Geroicheskaya krasnoarmeyskaya”, published during the armed conflict at Khalkhin-Gol. The authors analyzed structure of the publication, main materials and headings, ideological orientation, political influence on Red Army commanders and soldiers. They also studied the specificity of the newspaper, including its characteristic rhetoric. The authors paid special attention to the organizational and political activities of the Executive Editor D. I. Ortenberg and the professional activities of the best front-line correspondents V. P. Stavskii, K. M. Simonov, B. Lapin, L. Slavin, Z. Khatsrevin, photojournalists M. Bernstein and V. Temin.

KEY WORDS: armed conflict at Khalkhin-Gol, “Geroicheskaya krasnoarmeyskaya” newspaper, executive editor, front-line correspondents

KURAS LEONID VLADIMIROVICH, Sc. D. (Hist.), Professor, Chief Scientific Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova Street, 6, Russian Federation.

E-mail: kuraslv@yandex.ru

ORCID ID: 000-0003-4507-249X

TSYBENOV BAZAR DOGSONOVICH, Sc. D. (Hist.), Associate Professor, Senior Scientific Researcher, Department of History and Culture of Central Asia Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova Street, 6, Russian Federation.

E-mail: bazar75@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0404-7207

Первый опыт советской спецпропаганды относится к периоду Гражданской войны. Решение о создании центрального военно-политического органа, призванного руководить всей партийно-политической работой в Вооруженных силах, было принято VIII съездом ВКП(б) в 1919 г.

Созданное еще в апреле 1918 г., Всероссийское бюро военных комиссаров 18 апреля 1919 г. было преобразовано в Политический отдел РВС республики, переименованный 15 мая 1919 г. в Политическое управление РВС республики — ПУР. Система руководства партийными органами была закреплена в Уставе РКП(б) от 1919 г. Основными средствами советской спецпропаганды в годы Гражданской войны были печатные материалы и выступления комиссаров перед войсками.

В 1937 г. Политуправление Красной Армии было переименовано в Главное управление политической пропаганды, а соответствующие управления округов и отделы соединений — в управления и отделы политической пропаганды. Пропагандистская работа ГлавПУРа до конца 1930-х годов велась в основном внутри армии [Суржик, 2010, № 1, с. 47].

11 мая 1939 г. началась, по определению маршала Г.К. Жукова, «необъявленная война на Халхин-голе» [Жуков, 1974, с. 163]. Отряд японской кавалерии численностью до 300 человек при поддержке 7 бронемашин напал на монгольский погранотряд в районе Номон-хан-бурд-обо. Нападавшие вышли на восточный берег реки Халхин-гол. С 14 мая начались активные действия японской авиации. 28 мая началось наступление японцев крупными силами. Этим событиям предшествовали многочисленные провокации японцев и баргутов в районе оз. Буир-нур.

Следует подчеркнуть, что правительство МНР в течение января–марта 1936 г. неоднократно обращалось к руководству СССР с просьбой об оказании военной и финансовой помощи и направлении частей РККА для защиты от угрозы нападения Японии [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019, ч. 1, № 306–311, 314, 316].

12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан «Протокол [о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистиче-

ских Республик и Монгольской Народной Республикой]», в которой статья вторая гласила: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь» [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019, ч. 1, № 317].

Первое официальное сообщение ТАСС о событиях на Халхин-голе советское радио передало утром 26 июня 1939 г. В этот же день сообщение ТАСС было опубликовано во всех центральных газетах. Сообщалось о событиях, начиная с боев 11 мая, о боях 28–29 мая. Затем 27, 28 и 29 июня были опубликованы еще три официальных сообщения об упорных воздушных боях и потерях с обеих сторон. А 6 июля все центральные советские газеты детально сообщили об итогах сражения на Баян-Цагане. С этого момента газеты стали подробно освещать события на Халхин-голе.

В пятницу, 2 июня 1939 г., увидел свет первый номер газеты «Героическая красноармейская», ставшей печатным рупором РККА на Халхин-голе.

В войсках Красной Армии на Халхин-голе издавалось 11 дивизионных и бригадных газет. Но главной газетой стала корпусная, а затем армейская газета «Героическая красноармейская», в которой работало много военных журналистов и корреспондентов, прибывших с запада.

«Героическая красноармейская» была четырехполосной газетой половинного формата. В левом верхнем углу — традиционный пролетарский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»; в правом верхнем углу — жесткое требование: «Прочти и сожги». Видимо, посчитав, что это требование нуждается в комментариях, редакция на четвертой полосе в нижнем правом углу в черной рамке дала разъяснение «К сведению читателей»: «Прочитай газету, немедленно сожги ее. Помните, что враг пытается использовать все возможные средства для своих контрреволюционных целей» [Героическая красноармейская, 1939, № 1]. Лишь с № 53 от 5 августа 1939 г. появилось иное клише: «Газету из части не выносить и бережно хранить» [Героическая красноармей-

ская, 1939, № 53]. Именно с этого времени газета становится по-настоящему окопной.

Первым ответственным редактором ежедневного издания стал Алексей Романович Бобачёв, майор, 1908 г. р., в РККА с 1936 г., в годы Великой Отечественной войны был ответственным редактором газеты «В бой, за Родину» 11-го танкового Краснознаменного корпуса 1-го Белорусского фронта. Погиб в Германии 21 мая 1945 г., похоронен на братском кладбище г. Франкфурт-на-Майне, ул. Линден штрассе, награжден орденом Красной Звезды (60/н от 19.09.1944) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 112]. А. Р. Бобачёв был редактором № 1–5 и затем № 7–10. Временным ответственным редактором № 6 был А. Суворов, и. о. редактора № 11–12 — М. Я. Кузнецов; ответственный редактор № 13–35 — Григорий Федорович Гладких, 1911 г. р., майор, награжден орденом Отечественной войны II степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690. Д. 377].

С № 36, 19 июля 1939 г. (среда), бессменным редактором газеты становится Давид Иосифович Ортенберг (1904–1998) — советский писатель, редактор, журналист, генерал-майор (с 20.12.1942), участник финской кампании, с июля 1941 г. по сентябрь 1943 г. — главный редактор газеты «Красная звезда», награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, тремя орденами Отечественной войны I степени, орденами Красной Звезды и Знак Почета, Военным крестом (Чехословакия) и орденом Полярная звезда (Монголия), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в 1941–1945 гг.». Автор ряда монографий. В 1969 г. журнал «Вопросы литературы» опубликовал его воспоминания о событиях на р. Халхин-гол [Ортенберг, 1969, № 8].

Конечно, с первого номера работа «Героической красноармейской» была нацелена на победу и буквально «дышала» боем. Так, уже в № 1 газеты крупным шрифтом был помещен общий заголовок «БИЛИ, БЬЕМ И БУДЕМ БИТЬ». 22 июля, № 22 открывался анонсом: «Красная Армия не позволит японским бандитам нарушать границы МНР» [Героическая красноармейская, 1939, № 22].

Особенностью первых номеров был и тот факт, что призывом, напечатанным крупным шрифтом, открывались и другие полосы.

Так, третья полоса № 2 имела крупный подзаголовок «Не топтать японским самураем революционной монгольской земли». Специфической особенностью газеты был тот факт, что там не было привычной нам передовицы с тассовской информацией. Все номера на первой полосе помещали короткую информацию с передовой, авторами которой были рядовые бойцы и младшие командиры — непосредственные участники боев, выносившие на себе все тяготы войны: «Экипаж Рыбкина» [Героическая красноармейская, № 3]; «Отличный боец-слесарь Чепраков» [№ 8]; «Связной в бою» [№ 13]; «Бесстрашные саперы» [№ 14]; «Водитель в бою» [№ 15]; «Мужественные связисты» [№ 27]; «Героический поступок зенитного пулеметчика Яковлева» [№ 35] и др. В то же время на первых полосах были обязательные информационные сообщения о партийных форумах ЦК ВКП(б) или же просто информация под рубрикой «Партийно-комсомольская жизнь»: «Как зеницу ока соблюдать устав ВКП(б)», «О вступлении в партию», «О высоком звании члена партии», «Перед боем вступил в комсомол», «Уходили на фронт коммунистами», «Бесстрашные воины РККА вступают в партию», «Большевики непобедимы», «Коммунисты и комсомольцы бесстрашно идут в бой», «Прием в партию на огневом рубеже» и др. Удивительно, что небольшие тассовские «информашки», не имеющие отношения к монгольским событиям, могли появиться на последней полосе газеты: «Мобилизация японских ресурсов»; «На сессии Совета Лиги наций» [№ 4, 6 июня]; «Военные действия в Китае»; «Фашистский террор в Испании» [№ 7, 9 июня]; «Вооруженная партизанская борьба в Албании»; «Военные приготовления в Германии» [№ 20, 29 июня] и др.

В первых номерах газеты отсутствовали аналитические «подвалы» на второй полосе и статьи профессиональных журналистов — собственных корреспондентов газеты. Первые номера были, по сути, армейскими «боевыми листками», которые любое подразделение выпускало несколько раз на дню как реакцию на происходившие события. И отличала ее от обычного «боевого листка» лишь типографская печать. Это проявлялось и в пренебрежительной риторике по отношению к врагу, и особенно в заглавиях рубрик и материалов: «Владей лопатой в бою так же, как

ложкой за столом» [Героическая красноармейская, № 1]; «Не топтать японским самураем революционной монгольской земли» [№ 2]; «Наступали в полной форме, а удрали... без штанов» [№ 4]; «Пусть кровью харкает фашистская собака» [№ 9]; «Противник будет смят в порошок» [№ 11]; «Кто свиное рыло сунет на монгольскую границу — разможем сопатки пьяной банде Сигеминцу» [№ 12]; «Мы всегда готовы раздавить самурайскую гадину» [№ 15]. Хотя следует подчеркнуть, что именно такая риторика была по вкусу массовому читателю. Так, 14 августа [№ 62] на страницах газеты было опубликовано «письмо из родного колхоза участнику боев Петру Егоровичу Коровину»: «Отобьем охоту у японцев совать свое свиное рыло в наш огород». Кстати, в последующие годы эта фразеология перешла в частушки. Так, после победы на Халхин-голе под бурные аплодисменты Краснознаменный ансамбль песни и пляски РККА пел в «Частушках дальневосточников»:

«Отпустили им по норме
 Наших масляных блинов.
 Наступали в полной форме,
 А удрали... без штанов.

* * *

Враг, запомни, мы не горды,
 Мы приветливый народ!
 Но не суй свиную морду
 В наш советский огород!»

Некоторые номера, по сути, фронтовой газеты полностью забивались официальными материалами. Так, в № 6–7 (8–9 июня 1939 г.) на трех из четырех полос был помещен доклад Председателя СНК СССР В. М. Молотова «О международном положении», где лишь в конце доклада несколько абзацев посвящено событиям на р. Халхин-гол и требованиям к японо-маньчжурским военным частям прекратить провокации на границах СССР и МНР.

Первая фотография появилась в № 13 за 18 июня из бюро-клише ТАСС, не имея отношения к Халхин-голу.

20 июня 1939 г. на первой полосе была помещена первая анти-японская безымянная карикатура и стихи Вас. Лебедева-Кумача [№ 14]. Ранее в газете публиковали лишь стихи красноармейцев — участников боевых действий. Удивительно и то, что эта же карикатура была помещена на первой полосе № 24 за 5 июля 1939 г.

С 11 июня [№ 9] по 18 августа [№ 66] «Героическая красноармейская» выходила лишь на двух полосах. И если на первой полосе помещались заметки красноармейцев с фронта, агитки, обращения трудовых коллективов к бойцам, командирам и политработникам [№ 23], то вторая полоса была похожа на лоскутное одеяло. Например, в № 22 за 2 июля соседствовали такие заметки: «139 тыс. отдыхающих», «Фильм “Член правительства”», «Советско-китайский торговый договор», «Военные приготовления Германии против Польши», «Злоупотребления американских страховых компаний» и др. То есть налицо была нехватка реального оперативного материала. Более того, появились перепечатки из газеты «Правда» [Рыклин, 1939, 29 июня].

Таким образом, даже краткий анализ материалов газеты первого месяца ее существования свидетельствует об отсутствии в штате издания профессиональных журналистов, фотографов и карикатуристов, а также наличии пустого «редакционного портфеля», когда небольшая по объему двухполоска просто заполнялась текущей информацией с ленты ТАСС.

На содержание газеты несомненное влияние оказывало положение дел на фронте, характеризовавшееся небольшими стычками и локальными боями. При наличии значительных успехов менялись риторика и анонсы. Об этом красноречиво свидетельствует анонс в № 17 за 25 июня: «Наши отважные летчики разби-ли в щепки 43 японских самолета»; в № 21 за 30 июня: «Сталинские летчики — наша слава, наша гордость, наша сила»; в № 32 за 14 июля: «12 июля наши славные летчики сбили 16 японских самолетов»; в № 68 за 20 августа: «Могуч огонь нашей артиллерии»; в № 69 за 21 августа: «Наши войска героически громят японцев по всему фронту», «Стремительным натиском наша доблестная пехота опрокинула врага» и др.

Несомненным успехом газеты следует считать статью за 6 июля непосредственного участника событий, доктора медицинских наук, бригаврача М. Н. Ахутина «Медицинские работники в дни боев» [Героическая красноармейская, 1939, № 25]; за 15 сентября — его статью «Блестящая работа советских хирургов»; 9 сентября (№ 93) было опубликовано фото В. Темина и С. Бронштейна «Профессор-орденоносец Ахутин награжден орденом Ленина».

7 июля 1939 г. [№ 26] произошло знаковое для газеты событие: в штате издания появился профессиональный собкор, писатель В. П. Ставский, и на первой полосе был опубликован его трехколонник — первый очерк легенды советской журналистики «Добьем наглого и подлого врага». Ко времени «необъявленной войны» Владимир Петрович Ставский — генеральный секретарь Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир», депутат Верховного Совета Союза ССР первого созыва, собкор газет «Правда» и «Красная Звезда». Именно с его приходом «Героическая красноармейская» начала приобретать очертания профессиональной газеты: 8 июля (№ 27) вновь опубликован его очерк «Враг (из записной книжки)»; 9 июля [№ 28] — очерк «Боевая дружба»; 10 июля [№ 29] «Памяти героя». Особенно следует выделить его очерк «Баин-Цаганское побоище» за 13 августа [№ 66], где он показал себя не только как блестящий литератор, но и как знаток героического прошлого России, проведя сравнение с Ледовым побоищем, Мамаевым побоищем, Царицыном, Перекопом, Хасаном.

Вообще «Героическая красноармейская» была создана для освещения событий на Халхин-голе. Но именно Вл. Ставский понял, что в периодическом издании необходимо освещать боевую работу не только красноармейцев, но и монгольских цириков. 14 июля впервые на страницах газеты был опубликован его трехколонник «Героические сыны Монгольской Народной Республики» [Героическая красноармейская, 1939, № 32], показавший «беззаветный героизм и преданность своей Родине, своему народу». 16 августа (№ 64) в рубрике «Герои Халхин-гола» он опубликовал очерк «Цирики — смелые разведчики»; 14 сентября (№ 98) — «На песчаных барханах».

С 19 июля [№ 36] редактором газеты становится Давид Иосифович Ортенберг [рис. 12]. Маршал Г. К. Жуков пишет: «Редактором газеты “Героическая красноармейская” был Д. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он сумел сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров, партийно-политических работников... Активно сотрудничали в этой газете писатели Вл. Ставский, К. Симонов, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин и вездесущие фотокорреспонденты М. Бернштейн и В. Тёмин» [Жуков, 1974, т. 1, с. 176, 177]. При этом прославленный маршал особенно выделяет В. Н. Ставского: «Особенно хочется сказать о Владимире Ставском. Прекрасный литератор, пропагандист, он жил с солдатами одной жизнью. Думаю, он был превосходным фронтовым корреспондентом» [Жуков, 1974, т. 1, с. 176, 177].

В газете на первой полосе появился обязательный редакторский двухколонник, освещающий наиболее злободневные вопросы военно-боевой работы текущего дня, а также каждодневная сводка из района боевых действий.

В № 39 за 22 июля было опубликовано «Письмо маршала МНР Чойбалсана бойцам, командирам и политработникам РККА», «Обращение командиров, политработников и бойцов товарища Федюнинского “Ко всем красноармейцам, командирам и политработникам района боевых действий”» [№ 40]. Появилась совершенно новая постоянная рубрика «Герои Халхин-гола», которую вел Вл. Ставский: «Пламенный танкист» [№ 39]; «Пятеро отважных» [№ 41]; «Пулеметчик Иван Рыбалка» [№ 43]; «Командир пушки Зелихов» [№ 45]; «Командир разведчиков» [№ 46]; «Ведущий истребитель» (№ 50); «Виктор Рахов» (№ 52); «Наши друзья цырики» [№ 56]; «Командир батареи» [№ 59]; «Роль командира Скворцова» [№ 63] и др. Это позволило максимально персонифицировать армейскую газету. Отдельные материалы этой рубрики были написаны военными: техник-интендант 1-го ранга А. Троицкий стал автором заметки «Комсомолец Павел Зозуля» [№ 54]; Н. Шпанов написал заметку «Истребитель Акимов» [№ 55]; заместитель политрука А. Шумков подготовил статью «Артиллерист Михаил Бойченко» [№ 74] и т. д.

В № 49 за 1 августа была опубликована первая статья Б. Лапина, Л. Славина, З. Хацревина «Японцы о японцах», в основе которой лежали материалы допросов японских военнопленных, а в № 60 за 14 августа Б. Лапин и З. Хацревин опубликовали статью «Что происходит в лагере японских захватчиков»; Л. Славин — «Баргуты разбегаются» [№ 65]. В последующих номерах они выступали как профессиональные литераторы: «О русском штыке» [№ 67]; «Однажды ночью» [№ 68].

С № 56 за 8 августа в каждом номере газеты помещались материалы фотокорреспондента М. Бернштейна: «Летчики-истребители братья Орловы» [№ 55]; «Командир разведчиков А. И. Кузнецов» [№ 56]; «Водитель танка младший командир И. Прасолов» [№ 57]; «Комиссар подразделения И. Е. Остапенко» [№ 58]; «Летчик лейтенант Подколызин» [№ 60]; «Отважный командир батареи А. Яровой» [№ 65]; «Экипаж Чурилина» [№ 66] и др. В последующих номерах фотографии помещались на каждой полосе и были за двумя авторами — В. Тёминым и М. Бернштейном: «Командир И. Федюнинский»; «Бойцы тов. Прокофьева на линии огня у реки Халхин-гол»; «Начальник политотдела танковой части Р. Бабийчук и комиссар части С. Зацаринский»; «Повар И. Сурин, героически доставляющий пищу бойцам во время боев на реке Халхин-гол» [№ 78]; «Лейтенант танкист Г. Васильев беседует с монгольскими цириками» [№ 79] и др.

В № 53–54 газета отметила годовщину победы РККА у оз. Хасан, опубликовав ряд материалов под анонсом: «Бить врага по хасановски»; «К годовщине разгрома японцев у озера Хасан»; «Повторим японцам хасанский урок»; «Напомним японцам хасанские дни»; «Нанесем двойной хасановский удар» [№ 67] за 19 августа.

В № 58 за 10 августа была опубликована заметка монгольских цириков «Монгольский народ не забудет ваших подвигов», а 14 сентября [№ 98] под общей рубрикой «Доблестные цирики героически отстаивают свободу и независимость своей Родины». Половина второй и вся третья полоса были отданы материалам монгольских цириков: «Полковник орденоносец Дандар Лотон»; «Японцы никогда не пройдут на нашу землю»; «Комис-

сар части Тага Пилжа»; «Монгольские партийцы в боях за Родину»; «Пулеметчик Ольцвай Цинт»; «Лейтенант-орденоносец Садва Кандымасар»; «С тыла по японцам»; «Отделенный командир Д. Бальджином»; «Японцы боятся монгольского клинка». На этой же полосе помещено «Письмо бойцов, командиров и политработников — участников халхин-гольских боев трудящимся Улан-Батора» [№ 98].

Особого внимания заслуживают воспоминания Д. И. Ортенберга [Ортенберг, 1979, с. 7–77], где он с особой теплотой пишет о К. М. Симонове и перипетиях его появления на Халхин-голе. В июле, когда летчик-истребитель Сергей Грицевец совершил подвиг, взволновавший всех, — спас командира полка В. М. Забалуева, газета напечатала информацию, опубликовала очерк и заказала поэму В. Лебедеву-Кумачу, которая 27 августа была опубликована на страницах газеты [Лебедев-Кумач, № 75]. Д. И. Ортенберг пишет, что на это ушло больше двух недель: «Вот тогда мы особенно остро почувствовали, что значит не иметь своего поэта. Не теряя времени, я и послал в Политуправление телеграмму, в которой просил прислать... “одного поэта”» [Ортенберг, 1979, с. 23]. Так в газете появился тогда еще никому не известный К. М. Симонов. Его первое стихотворение «Пусть расскажет...» было опубликовано в № 78 за 30 августа. Симптоматично, что стихотворение было опубликовано под анонсом «Никогда за всю свою историю японская армия не знала такого поражения, как Халхин-Гольский разгром». Следует отметить и идеологически выверенный макет газеты: две полосы — «Трофеи наших войск», средняя полоса — стихотворение К. М. Симонова, 4-я и 5-я полосы — очерк военных корреспондентов Б. Лапина и З. Хацревина «После разгрома». Д. И. Ортенберг вспоминал, что К. М. Симонов написал «Походную халхин-гольскую», которую распевали в войсках на мотив блантеровской песни «Матрос Железняк». На фронте нравились и другие стихи Симонова: «Срочный пакет», «Записная книжка», «Рассказ врача» и др. [Ортенберг, 1979, с. 25–26]. Следует подчеркнуть, что перу К. М. Симонова принадлежит единственное художественное произведение о Халхин-голе — роман «Товарищи по оружию» [Симонов, 1980, т. 3].

4 сентября 1939 г. [№ 87], 5 сентября [№ 88], 6 сентября [№ 90] (вышедший на шести полосах) был опубликован Указ Президиума ВС СССР «О награждении орденами и медалями командного, политического, начальствующего состава, красноармейцев РККА и работников госпиталей». Всего 899 человек: орден Ленина — 83; орден Красного Знамени — 593; орден Красной Звезды — 134; медаль «За отвагу» — 31; медаль «За боевые заслуги» — 58.

Указом Президиума ВС СССР от 17 ноября 1939 г. газета «Героическая красноармейская» была награждена орденом Красной Звезды.

Таким образом, по выражению Д. И. Ортенберга, «Газета вырабатывала линию, которая в литературе называется правдой жизни, а на войне — правдой смерти. Эта линия, испытанная нами на Халхин-Голе, потом продолжилась в “Красной звезде” в годы Великой Отечественной войны» [Ортенберг, 1979, с. 29].

В 1940 г. по заданию ГлавПура РККА Л. З. Мехлиса была издана книга «Бои у Халхин-Гола» [Бои у Халхин-Гола, 1940]. Ее авторы — красноармейцы, командиры, политработники, писатели и журналисты — непосредственные участники боевых действий. Многие статьи были написаны в разгар боев. Книга не ставила перед собой задачи обобщить опыт военных операций. Она лишь показала опыт партийно-политической работы в боях, рассказала о мужестве и героизме воинов Красной Армии. Материал для книги собрал и отредактировал бригадный комиссар Д. Ортенберг. В литературной обработке принимали участие писатели и журналисты В. Ставский, Л. Славин, Б. Лапин, З. Хацревин, В. Втиневский, В. Шкловский, Е. Петров, А. Эрлих, М. Розенфельд, З. Хирен, М. Вистинецкий, А. Хирен и Ф. Матросов. Снимки выполнены фотокорреспондентами М. Бернштейном и В. Тёминым.

О серьезности рассмотренной нами проблемы говорит тот факт, что в разгар Великой Отечественной войны «Исторический журнал» под редакцией Ем. Ярославского, обобщив предыдущий опыт Халхин-гола и финской кампании, рассмотрел красноармейские газеты всех уровней как важнейший исторический источник [Ростовский, 1942, № 9].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ЦАМО — *Центральный архив Министерства обороны РФ*, Москва.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Ч. 1. М., 2019.

Героическая красноармейская. 1939. № 1–120. Бои у Халхин-Гола // *Партийно-политическая работа в боевой обстановке*. М., 1940.

Жуков К. Г. *Воспоминания и размышления*. Т. 1. М., 1974.

Лебедев-Кумач В. Два сокола — два друга // *Героическая красноармейская*. 1939. № 75.

Ортенберг Д. И. Халхингольские дни и ночи // *Время не властно. Писатели на войне*. М., 1979.

Ортенберг Д. И. Халхингольские страницы // *Вопросы литературы*. 1969. № 8.

Ростовский С. Красноармейские газеты как исторический источник // *Вопросы истории*. 1942. № 9.

Рыклин Г. Невежественные хвастуны из штаба Квантунской армии // *Правда*. 29. 06.1939.

Симонов К. М. *Собрание сочинений*. Т. 3. *Товарищи по оружию*. М., 1980.

Эволюция восприятия России и Китая монголами в 1990–2020 гг.

Аннотация. В исследовании рассматривается эволюция и современные тенденции в восприятии монгольскими гражданами России и Китая. Анализ производится на основе материалов социологических исследований и опросов. Вывод исследования заключается в наличии в целом благоприятного образа России и Китая в сознании монголов, важного для конструктивного взаимодействия сторон в трехстороннем формате, при наличии таких проблем, как воспроизводящее со сменой поколений настороженное отношение к Китаю, низкая степень популярности русского языка, отставание китайской и российской культуры в Монголии от других культур, расширяющийся разрыв между восприятием России как государства и россиян как представителей нации.

Ключевые слова: история, восприятие, социология, опросы, общество, Монголия, Китай, Россия

Кушхов Борис Хабижевич, лаборант-исследователь, аспирант, Отдел Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка, 12, Российская Федерация.

Email boris.kushkhov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5976-7749

B. Kh. Kushkhov

The evolution of perception of Russia and China by Mongols in 1990–2020

АБСТРАКТ. The study examines the evolution and current trends in Mongolian citizens' perceptions of Russia and China. The analysis is carried out on the basis of materials from sociological research and surveys. The conclusion of the study is that there is a generally favorable image of Russia and China in the minds of the Mongols, which is important for constructive interaction between the parties in trilateral format, at the pres-

ence of the cautious attitude to China reproducing with the change of generations, low degree of popularity of the Russian language, lag of Chinese and Russian culture in Mongolia from other cultures, a widening gap between the perception of Russia as a state and Russians as representatives of the nation.

KEY WORDS: history, perception, sociology, surveys, society, Mongolia, China, Russia

KUSHKHOV BORIS КНАВИЗНЕВИЧ, Research Assistant, Graduate Student, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: boris.kushkhov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5976-7749

В условиях демократического вектора развития современной Монголии общественное мнение и активная гражданская позиция имеют значительную политическую силу, способную оказывать влияние на широкий спектр взаимодействий страны с иностранными государствами, в частности с ее соседями в лице КНР и России. Именно поэтому представляется важным изучение восприятия монголами своих «вечных соседей» — его ключевых характеристик исторической динамики.

В силу того, что ограничения в источниках и статистических материалах заставляют исследователя применить две отличающиеся друг от друга методологии исследования к изучению двух разных хронологических периодов, представляется необходимым разделить работу на две автономные части — в первой путем изучения публичного дискурса и исторического анализа будет составлено представление монголов о Китае и России в 1990–2000-е годы, а во второй посредством анализа данных социологических опросов будет проанализировано аналогичное восприятие уже в 2010–2020-е годы.

В 1990-е годы на восприятие монголами России и Китая оказывало влияние прежде всего историческое наследие взаимоотношений Монголии со своими соседями. В частности, положительный образ России обеспечивался такими страницами

в истории русско-монгольских отношений, как освобождение войсками барона Унгерна Урги от китайского гарнизона, содействие СССР достижению международного признания МНР, успехи социально-экономического развития МНР (в частности, в образовании, науке и здравоохранении), опыт ведения советскими и монгольскими войсками боев на Халхин-голе и в ходе советско-японской войны, поддержка Советским Союзом членства Монголии в ООН и совместные успехи в рамках освоения космоса (в частности, полет в космос первого монгольского космонавта в 1981 г. на советском космическом корабле) [Джагаева, 2019, с. 43]. Помимо этого, в силу наличия тесных и широких связей между МНР и СССР на образ России и россиян в сознании монголов оказывал влияние их личный жизненный опыт: взаимодействие с советскими военнослужащими и специалистами, приобщение к русскому языку и культуре, память о знакомствах с советскими гражданами в ходе обучения в СССР — советские вузы закончили десятки тысяч монголов. Все эти факторы, хотя и относились к более ранним историческим периодам, были все еще сильны в 1990-е годы. При этом в образе России и россиян в представлении монголов (особенно демократов) имелись и негативные моменты: так, в начале 1990-х годов в Монголии на фоне ослабления советского влияния и исчезновения СССР в целом происходила активная ревизия неоднозначных моментов в советско-монгольских отношениях. К ним следует отнести в первую очередь причастность советского руководства и представителей Коминтерна к репрессиям в Монголии 1920-х и 1930-х годов, долгие годы «сателлитизма» МНР и ограничения ее связей с другими странами, равно как и присутствие советских войск в 1967–1994 гг., которое до конца 1980-х годов сопровождалось угрозой участия Монголии в возможном конфликте СССР и КНР [Бямбасурэн, 1996, с. 168].

При изучении образа Китая и китайцев в Монголии образца 1990-х годов не приходится говорить о живой личной памяти в сознании монгольских граждан — она имелась разве что у части населения старше 40–50 лет, которые в силу низкого «медианного возраста» в Монголии того времени составляли не более

трети населения страны. Представители этой категории еще за-
 стали в сознательном возрасте эпоху дружбы и партнерства МНР
 и КНР в 1950-х — первой пол. 1960-х годов. На остальные, куда бо-
 лее многочисленные, слои населения Монголии оказывало влия-
 ние непростое историческое наследие монгольско-китайских
 отношений, включая такие исторические противостояния, о ко-
 торых в стране активно стали вспоминать на фоне краха комму-
 нистической идеологии и попыток вернуться к национальным
 истокам: борьба хунну с китайцами, сяньби с империей Хань,
 Юань против Сун, Северная Юань против Мин, попытки коло-
 низации Внешней Монголии на закате Цин путем заселения ее
 китайскими земледельцами, насильственная ликвидация мон-
 гольской автономии в 1919 г. китайскими войсками, конфликт на
 Байтаг-Богд в 1947 г. Свежи были в памяти монголов и китайские
 провокационные заявления, карты и публикации 1960–1980-х
 годов, в которых на фоне обострения советско-китайских отно-
 шений Монголия изображалась как «часть Китая, отнятая рус-
 скими» [Яскина, 2002, с. 162]. Свою роль в создании атмосферы
 недоверия к Китаю и китайцам в Монголии сыграла и политико-
 идеологическая работа Советского Союза 1970–1980-х годов, на-
 правленная на «демонизацию» образа потенциального противни-
 ка — КНР. В «деидеологизированной» демократической Монголии
 живо обсуждались эпизоды Культурной революции в КНР, кото-
 рая сопровождалась насилием над монгольской идентичностью
 в автономном районе Внутренняя Монголия. Этому содейство-
 вало и восстановление контактов граждан Государства Монголия
 с жителями Внутренней Монголии КНР. Свою роль в неприязни
 монголов к Китаю в 1990-е годы сыграл большой приток трудо-
 вых мигрантов из Китая [Галиймаа, 2011, с. 174]. Отношение мон-
 голов к Китаю ярко иллюстрируется фактом того, что монголь-
 ское руководство просило СССР на заре вывода советских войск
 не торопить процесс из-за опасения остаться наедине с Китаем
 [Алтай, 2018, с. 306].

Второй, более поздний, хронологический отрезок, подвергае-
 мый анализу в статье (2010–2020-е годы), отличается появлением
 в стране иностранных организаций, занимающихся изучением

общественного мнения. В частности, активную исследовательскую деятельность развернули такие организации, как Sant Maral [Sant Maral Foundation...], спонсируемая фондом Конрада Аденауэра, а также Friedrich Ebert Stiftung [Friedrich-Ebert-Stiftung...]. С самого начала их деятельности их интересовало в том числе и восприятие иностранных государств монголами.

Анализ настроений монголов по отношению к России и Китаю, сделанный на основе изучения результатов опросов этих двух организаций с 2010 г., приводит к следующим выводам:

- *Уровень симпатий к России выше в сельской местности, в то время как к Китаю — в городе.* Данные опросов Sant Maral с 2010 по 2023 г. демонстрируют различия по показателям, определяющим положительное отношение к Китаю, до 6–7% между жителями столицы и других районов страны, в то время как по отношению к России — до 11% [Politbarometer, April 2023...]. Предположительно, городских жителей больше интересуют бизнес и торговля, которые хорошо развиты у монголов с Китаем, в то время как «худон» (сельская местность) испытывает усиленное влияние традиционной «китаефобии». Вместе с этим, в силу того что молодые монголы стремительно переезжают в город, делая средний возраст в худоне более высоким, в нем больше жива личная память граждан о социалистическом периоде и советско-монгольской дружбе.
- *Отношение монголов к России не имеет обратно пропорциональной зависимости от их отношения к странам Запада.* Так, в данных опросов заметно, что позиции России улучшались в 2014 и 2022 гг. — в годы ухудшения отношений России с Западом. Например, в 2014 г. после известных событий на Украине, воссоединения Крыма с Россией и первой волны антироссийских санкций число монголов, упомянувших Россию в списке самых лучших партнеров страны, выросло на 5% — с 72 до 77%. В 2022 г. доля граждан, упомянувших РФ в числе лучших партнеров для Монголии, выросла на 4% — с 80 до 84%, а россиян стали

относить к лучшим партнерам на целых 5% больше опрошенных монголов — показатель вырос относительно данных 2021 г. с 59 до 64%. «Лучшими партнерами» россияне назвали на 2% больше опрошенных — 42% вместо 40% [Кушхов Б.Х., 2014; 2022].

- *Россия по-прежнему представляется для монголов главным партнером и гарантом внешнеполитической безопасности.* Если в июне 2022 г. главным гарантом безопасности ее назвали 46% опрошенных [Politbarometer, June 2022...], то в апреле 2023 — уже 34% [Politbarometer, April 2023...]. Несмотря на безоговорочное лидерство, налицо резкое снижение показателя.
- *Значительная доля монголов (более половины), хорошо относящихся к России, также хорошо относится к партнерству страны с Китаем.* В опросах, где в номинации «самый лучший партнер» доминирует Россия, Китай остается безоговорочным лидером на позиции «второй самый лучший». Так, в 2023 г. Россию назвали «самым лучшим партнером» 63%, а Китай «вторым самым лучшим» — 32% [Politbarometer, April 2023...]. Следовательно, значительная часть монголов видит Россию первым, а Китай — вторым главным партнером. Это опровергает сложившееся по анализам СМИ и интернет-порталов представление о том, что монголов с прозападными настроениями значительно больше, чем обращенных к соседям.
- *Заметный градус «китаефобии» сохраняется и у молодых монголов (18–38 лет) — треть молодых людей, принявших участие в опросе «Молодые монголы и мир», считает Китай угрозой, а две трети проявляют к нему настороженность* [Mongolian Geopolitics, 2022, p. 384]. Тем не менее образ Китая в сознании монголов, если сравнивать самые ранние показатели и ситуацию 1990-х годов, заметно улучшился за последние 30 лет на фоне экономических успехов страны и развития китайско-монгольской торговли. Так, если в 2010 г. Китай упомянули в числе «лучших партнеров Монголии» только 19% опрошенных

[Politbarometer, April 2010...], то в 2023 г. — уже 36% [Politbarometer, April 2023...]. Если в 2010 г. только 9% участников опроса Sant Maral назвали китайцев «нацией, с которой монголам проще и удобнее всего взаимодействовать» [Politbarometer, April 2010...], то в 2023 г. — уже 15% [Politbarometer, April 2023...].

- *Несмотря на диспаритет во внешней торговле Монголии (72% внешней торговли страны приходится на Китай) [Монгол Улсын экспорт...], гораздо большая доля молодых монголов питает экономический интерес к России, нежели к Китаю.* Так, в опросе «Молодые монголы и мир — 2022» Китай назвали «Экономической возможностью» 59%, а Россию — 75% опрошенных [Mongolian Geopolitics, 2022, p. 384].
- *В плане интереса к культуре у монголов Россия и Китай занимают сопоставимые, но достаточно второстепенные позиции.* Уровень интереса к китайской культуре у монголов несколько выше, чем у монголоков — по данным опроса «Молодые монголы и мир — 2022», китайские фильмы и китайский язык интересуют на 15–20% больше опрошенных мужчин, чем женщин [Mongolian geopolitics, 2022, p. 387]. При этом китайский язык — один из самых популярных выборов среди монголов в качестве изучаемого ими иностранного языка: его желают учить в качестве одного из двух иностранных языков почти треть опрошенных [Mongolian geopolitics, 2022, p. 388].
- *Монголы несколько лучше относятся к России как государству и политико-экономическому партнеру, чем к самим россиянам и партнерам по межличностным взаимодействиям.* Это особенно заметно по данным опроса Sant Maral 2023 г. — 73% опрошенных упомянули Россию в качестве одного из лучших партнеров Монголии, а самих россиян — 41% [Politbarometer, April 2023...].

Таким образом, анализ настроений монголов по отношению к России и Китаю показывает то, что в настоящее время в монгольском восприятии соседей имеется в целом благоприятная об-

становка для развития и укрепления трехсторонних связей. Тем не менее низкая заинтересованность монголов в культуре своих соседей, в русском языке, а также тенденция воспроизводства неприязни к Китаю у новых поколений монголов могут представлять некоторую угрозу дружественному фону трехсторонних контактов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Алтай Д. Горбачёвын «перестройка»: монголын талаархи ЗХУ-ын ашиг сонирхолын оорчлолт [Горбачевская «перестройка»: изменения интересов СССР в монгольской сфере] // *Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе* [Международные отношения Монголии: история и современность]. Улан-Батор, 2018. С. 302–315.

Бямбасурэн Д. *Утренние заморозки*. Улан-Батор, 1996.

Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии // *Диаспоры*. 2011. № 1.

Джагаева О. А. О некоторых проблемах советско-монгольского сотрудничества // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 2 (59).

Кушхов Б. Х. 2014 и 2022 годы — дискредитация образа России в Монголии? // *Новое восточное обозрение*. 24.03.2023. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/03/24/2014-i-2022-gg-diskreditacziya-obraza-rossii-v-mongolii/> (дата обращения: 13.10.2023).

Монгол Улсын экспорт 29.2 хувиар өсжээ. Монцамэ Мэдээ. 19.09.2023. — URL: <https://montsame.mn/mn/read/326974> (дата обращения: 20.09.2023).

Яскина Г. С. *Монголия и внешний мир*. М., 2002.

Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia. URL: <https://mongolia.fes.de/> (дата обращения: 06.09.2023).

Mongolian Geopolitics. Friedrich-Ebert-Stiftung Mongolia & Mongolian Institute for Innovative Policies. 2022.

Politbarometer, April 2010. Sant Maral Foundation. URL: https://www.sant-maral.org/_files/ugd/086765_be5b3484094245e6ac3249522050f395.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

Politbarometer, April 2023. Sant Maral Foundation. URL: https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения: 23.10.2023).

Politbarometer, June 2022. Sant Maral Foundation. URL: https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_4864ac9e5acb445a966a8c952d6a4967.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

Sant Maral Foundation. URL: <https://www.santmaral.org/> (дата обращения: 11.10.2023).

О печатях наследника Чагдорджаба и наместника Убаши

Аннотация. Среди документов, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, есть письма наследника Чагдорджаба, сына Аюки-хана. Из переписки Чагдорджаба мы видим, что он главным образом пользовался двумя печатями: с монограммой Калачакры и с китайской легендой. Иногда печатью с монограммой Калачакры пользовались сам Аюка-хан, жена Чагдорджаба Джал и другие родственники. От калмыцкого наместника Чагдорджаба эта печать перешла к его сыну Дасангу (тиб. *zla bzang*), а от него — к его жене Соломе. Вторая печать с легендой на китайском была передана Чагдорджабом другому своему сыну — Дондук-Даши, который впоследствии стал ханом. Затем эта печать была унаследована сыном Дондук-Даши, калмыцким наместником Убаши (1742/1744–1775). Кроме того, у Убаши имелась еще одна печать, предположительно тибетского происхождения. Цель данной статьи — ввести в научный оборот сфрагистические данные о печатях Чагдорджаба и Убаши и провести параллели с другими подобными печатями, созданные в тот же период времени. Материалом для исследования послужили письма Чагдорджаба и Убаши, сохранившиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия. В ходе исследования выяснено содержание легенд на этих печатях и их предполагаемое происхождение.

Ключевые слова: Чагдорджаб, Убаши, печать, сфрагистика, Калмыкия

МИТРУЕВ БЕМБЯ ЛЕОНИДОВИЧ, младший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН. 358000, Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8, Республика Калмыкия, Российская Федерация.

E-mail: bemitrouev@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-1129-9656

B. L. Mitruiev

About the seals of the governors of Chagdorjab and Ubashi

ANNOTATION. Among the documents deposited in the National Archives of the Republic of Kalmykia, there are letters from the *namestnik* Chagdorjab, the son of Ayuka Khan. From Chagdorjab's correspondence we see that he mainly used two seals: with the Kalachakra monogram and with the Chinese legend. Sometimes the seal with the Kalachakra monogram was used by Ayuka Khan himself, Chagdorjab's wife Jal and other relatives. From the Kalmyk *namestnik* Chagdorjab this seal passed to his son Dasang (Tib. zla bzang), and from him to his wife Soloma. The second seal with the legend in Chinese was given by Chagdorjab to his other son Donduk-Dashi, who later became a khan. Then this seal was inherited by the son of Donduk-Dashi, another Kalmyk governor Ubashi (1742/1744–1775). In addition, Ubashi had another seal, presumably of Tibetan origin. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation sphragistic data about the seals of the Kalmyk governors Chagdorjab and Ubashi and to draw parallels with other similar seals created in the same period of time. The material for the study was the letters of Chagdorjab and Ubashi, preserved in the funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia. The study revealed the content of the legends on these seals and their supposed origin.

KEY WORDS: Chagdorjab, Ubashi, seal, sphragistics, Kalmykia

MITRUEV BEMBYA LEONIDOVICH, Junior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 358000, Elista, I. K. Ilishkina Street, 8, Republic of Kalmykia, Russian Federation.

E-mail: bemitrouev@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-1129-9656

ВВЕДЕНИЕ

Анализ писем Чагдорджаба (тиб. phyag rdor skyabs; ум. 19 февраля 1722 г.), отложившихся в Национальном архиве Республики

Калмыкия (далее — НА РК), показывает, что старший сын Аюки-хана (ум. 1724) Чагдорджаб использовал в своих письмах две печати. Первая — вторая из четырех печатей Аюки-хана, несет на себе монограмму Калачакры (рис. 1). Размер печати 3,3×3,3 см.

Эта печать рассмотрена в статьях «Три печати Аюка-хана» [Митруев, 2021] и «Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей» [Митруев, Гедеева, 2021].

Известно, что Аюка-хан использовал эту печать с 1685 по 1698 г., а затем, вероятно, передал ее Чагдорджабу, о чем свидетельствуют выявленные на данный момент письма Чагдорджаба 1700 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. Иногда печатью с монограммой Калачакры пользовались сам Аюка-хан, жены Чагдорджаба Джал и Цаган-Лам, Назар, сыновья Чагдорджаба от Джалы Дасанг (ум. 1730¹), Баксадай Дорджи (после крещения стал известен как Петр Тайшин) и Нитар-Дорджи (убит в 1725 г.), жена Дасанга Солома и др. Из сохранившихся писем можно установить, что впервые эта печать появляется на письме Чагдорджаба астраханскому боярину Михаилу Ильичу Чирикову, полученном 6 октября 1714 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 35]. На самом деле, анализируя использование этой печати в переписке, можно сделать вывод, что и после 1713 г. Аюка-хан иногда применял эту печать с монограммой Калачакры. Возможно, Чагдорджаб начал пользоваться этой печатью ранее, но писем Чагдорджаба более раннего периода не сохранилось.

Перед смертью в 1722 г. Чагдорджаб завещал право на власть старшему сыну Дасангу [Батмаев, 1993, с. 195], к которому перешла и печать. Последнее сохранившееся письмо Дасанга Василию Пахомовичу Беклемишеву с этой печатью было получено 10 января 1730 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 40. Л. 175]. После его смерти в 1730/1731 г. печатью пользовалась его жена Солома. Так, эта печать стоит на письме генералу князю Ивану Федоровичу Барятинскому, полученном 10 апреля 1732 г. [НАРК.

¹ Н. Н. Пальмов пишет, что старший из сыновей Чагдорджаба — Дасанг — умер в 1730 г. [Пальмов, 1926, с. 219].

Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 477–478]. Данная печать стоит на четырех письмах Соломы и сына Дасанга Чидана² (тиб. *tshe brtan*), последнее из которых датировано 13 марта 1734 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 69. Л. 420]. Солома являлась мачехой Чидана [Бакунин, 1995, с. 86], убитого в 1734 г. [Цюрюмов, 2007, с. 213] по повелению Дондук-Омбо его сыном Галдан-Нормо (тиб. *dga' ldan nor bu*) [Митиров, 2002, с. 191]. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ ЧАГДОРДЖАБА С ЛЕГЕНДОЙ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вторая печать Чагдорджаба — печать с легендой на китайском языке. Наиболее ранний документ с китайской печатью Чагдорджаба — письмо астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, находящееся в папке с документами за 1713 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Перевод и транслитерация письма представлены в книге Д. А. Сусеевой³ [Сусеева, 2003, с. 190], перевод части этого письма представлен в работе Н. Н. Пальмова [Пальмов, 1926, с. 19]. Пальмов пишет, что после 1713 г., когда, как он предполагает, Чагдорджаб был назначен Аюкой наследником престола, Чагдорджаб перестает пользоваться прежней печатью и начинает использовать другую печать. По всей видимости, под другой печатью здесь подразумевается печать с легендой на китайском языке. Однако из рассмотренных писем явствует, что Аюка и Чагдорджаб вместе продолжали использовать печать с китайской легендой и позднее. На письме⁴ первой из девяти жен Чагдорджаба Джал⁵ Михаилу Ильичу

² Важно не путать Чидана, сына Чагдорджаба, с Чиданом (в крещении Никита Дербетев), сыном Четера (Четена).

³ Сусеева датирует это письмо февралем 1714 г., тогда как Пальмов — 25 января 1713 г. Как было сказано выше, данный документ хранится в папке с документами 1713 г.

⁴ Транслитерация и перевод данного письма представлены в книге Д. А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.)» [Сусеева, 2003, с. 60].

⁵ Джал — дочь хошоутова владельца [Бакунин, 1995, с. 33–34].

Чирикову⁶, полученном 13 января 1713 г.,⁷ стоит подделка печати Чагдорджаба с китайской легендой, что говорит о том, что оригинал данной печати использовался ранее 1713 г. [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Эта печать с легендой на китайском языке была передана Чагдорджабом другому своему сыну от третьей супруги Габили, Дондук-Даши, который стал ханом в 1741 г. Эта печать стоит на многих его письмах. Так, например, среди калмыцких писем за 1724 г. эта печать стоит на недатированном письме Дондук-Даши некоему Артемию⁸ [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 18. Л. 174].

Б. Батбаяр пишет, что, исходя из ныне доступных архивов на *тодо бичиг*, эта печать с китайскими иероглифами использовалась с 1710 по 1775 г., т. е. с 49-го года правления Канси до 40-го года правления Цяньлуна [Batubayaev, 2017b, p. 153]. В период 1710–1711 гг. в письмах Чагдорджаба и его сына Дасанга к русским воеводам также фигурировала эта печать. Эти четыре письма в настоящее время хранятся в Калмыцком фонде Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета [Batubayaev, 2017b, p. 154]. Как уже было сказано выше, после смерти Дондук-Омбо четвертым калмыцким ханом стал Дондук-Даши. Оттиск этой печати находится на письме владельца Дондук-Даши астраханскому бригадир-у Андрею Юнг-еру от 24 августа 1737 г. [Сусеева, 2009, с. 527]. Дондук-Даши стал ставить печать верхом вниз. Дондук-Даши использует эту печать до 1759 г. Так, она стоит на письме хана Дондук-Даши астраханскому губернатору Алексею Сергеевичу Жилину от 12 сентября 1759 г. (верхом вниз) [Сусеева, 2009, с. 746]. Затем эта печать передается сыну Дондук-Даши — наместнику Калмыцкого ханства Убаши (1742–1775; годы правления 1771–1775). Впервые Убаши использует эту печать на письме генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну, полученном

⁶ Михаил Ильич Чириков был астраханским обер-комендантом с 1709 по 1719 г. [Русско-китайские отношения, 1978, с. 525].

⁷ Дата на письмах начала XVIII в. записывалась кириллицей. На переводах калмыцких писем даты стоят в начале письма.

⁸ Возможно, это астраханский губернатор Артемий Петрович Волинский.

27 января 1761 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 119]. Последнее письмо с этой печатью, опубликованное в книге Д. А. Сусеевой, — письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши господину полковнику И. А. Кишенскому от 21 декабря 1770 г., которое было получено 2 января 1771 г. [Сусеева, 2009, с. 895]. После того как Убаши-хан покинул пределы Российского государства в 1771 г., он взял эту печать с собой. Оттиск этой печати встречается на письмах на *тодо бичиг*, адресованных императору Цяньлуну, Синьцзянскому военному губернатору и советнику генерал-губернатора Тарбагатаю в период между 1771 и 1775 гг. Известно о существовании девяти таких писем [Batubayaer, 2017b, p. 154]. Архивы с этими письмами находятся в Первом историческом архиве Китая; письмо на *тодо бичиг* с этой печатью также хранится в Большом молебном зале монастыря Лабранг в провинции Ганьсу. В нем содержится письмо, приглашающее ламу и эмчи из монастыря Лабранг после поселения Убаши в Карашаре [Batubayaer, 2017b, p. 154]. Данное письмо рассмотрено в статье «Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами» [Митруев, 2023].

После смерти Дондук-Даши в 1761 г. Убаши унаследовал ханскую власть, сохранив титул наместника [Санчилов, 2016, с. 46]. У Убаши было два сына: старший — хан Церен Намджал, второй сын Убаши — тайджи первой степени Рабдан Дорджи [Санчилов, 2016, с. 103]. В 17-й день 9-го лунного месяца 36-го года правления Цяньлуна (т. е. 25 октября 1771 г.) хану Убаши был дан титул «Зоригту-хан старых торгутов Унэн Сузугту» [Dorji, Batubayaer, Lijei, 2009, p. 43]. Таким образом, Цяньлун подтвердил Убаши в ханском достоинстве с титулом «Зоригту» («Храбрый») [Ци ши и, 1820, с. 221–222 (264–265)]. Получив титул «Зоригту-хан», Убаши-хан продолжал владеть этой печатью до самой смерти [Batubayaer, 2017a, p. 148]. После кончины Убаши-хана в 8-й день 12-го лунного месяца 39-го года правления Цяньлуна (т. е. 9 января 1775 г.) цинский двор ввел систему сеймов и знамен среди торгутов и хошутов в 40-й год правления Цяньлуна (1775 г.) и выдал дзасакам сеймов и знамен пе-

чати [Dorji, Batubayar, Lijeі, 2009, p. 33]. В сочинении китайского князя Цишия сказано, что на момент смерти Убаши-хана его сыну Церен Намджалу было восемь лет [Ци ши и, 1820, с. 266]. В 9-й лунный месяц 40-го года правления Цяньлуна (в период с 25 сентября по 23 октября 1775 г.) старший сын Убаши, Церен Намджал, вступил в должность главы Южного сейма «Унэн Сузугту»⁹ старых торгутов¹⁰ и получил новую печать. В 48-м году правления Цяньлуна (1783 г.) был издан императорский указ о наследственном престолонаследии [Dorji, Batubayar, Lijeі, 2009, p. 43].

Ш. Камманн утверждает, что в августе 1780 г. Убаши был в Жэхэ на встрече Панчен-ламы Лобсан Палден Еше с императором Цяньлуном [Cammann, 1949, p. 6]. Однако это определенно ошибка: когда в 1780 г. Панчен-лама отправился с визитом в империю Цин и находился в Жэхэ, с ним встретился не умерший к тому времени Убаши-хан, а его старший сын хан Церен Намджал вместе с другими представителями торгутской знати. Вот что об этом сказано в биографии Панчен-ламы VI Палден Еше (1738–1780):

*«Десятого числа <...> восьмого тибетского месяца <...> года Железа-Мыши [1780 г. — Б. М.], именуемого «сарвари» (тиб. *kuṇ ldan*; санскр. *sārvari*), тумет бэйсэ Цеден Дондуб, торгутский хан Церен Намджал¹¹, тайджи Рабдан Дорджи¹², ханша Деден Ролма, дочь Норджун Ванмо, с многими подразделениями [народа] совершили пышные подношения.*

⁹ Унэн Сузугту — «Истинно верующие».

¹⁰ «Старыми» торгутами были названы те из откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы цинского Китая калмыков, чьи предки вошли в состав Российского государства еще в XVII в., а «новыми» торгутами — бежавшие из Джунгарии в Калмыцкое ханство в 1750-е годы, во время войны между ойратами Джунгарского ханства и цинскими властями.

¹¹ Церен Намджал — старший сын Убаши-хана, ставший ханом после него [Родословная, 2016, с. 103].

¹² Рабдан Дорджи — второй сын Убаши, тайджи первой степени [Родословная, 2016, с. 103].

Торгутский Джиргаланг-бэйлэ¹⁵ вместе с хатун Цебек, Эрдени-тайджи¹⁴, Куко-тайджи¹⁵, Далай-тайджи¹⁶, Когшин-тайджи¹⁷ и Сомоном¹⁸, а также хошоут-бэйлэ Делек-Убаши вместе с ваном Церен-Делеком¹⁹, Бадма-Убаши²⁰, Баян-Далай²¹ вместе с владельцами и подданными, а также Луузан-Цойрак-гелюн и прочие индивидуально совершили подношения и произнесли слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы]. Они обратились с настойчивой просьбой принять их под свое покровительство и не оставлять во всех жизнях. [Панчен-лама] дал им благословение дланью, угощение чаем, наставление, ответные подарки и желаемые наставления в учении Будды, таким образом удовлетворив их дхармой и материальными вещами. [Панчен-лама] даровал обеты послушника 135 людям.

<...> Одиннадцатого числа торгутский Кириб чин-ван²² вместе с пышными подношениями произнес слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы], а также обратился к [Панчен-ламе] с просьбой принять под свое покровительство во всех жизнях. Тайд-

¹⁵ Джиргаланг-бэйлэ Момото — внук Балбу и сын Дондуга [Родословная, 2016, с. 113].

¹⁴ Эрдени-тайджи — старший из пяти сыновей Момото, бэйлэ Эрдени [Родословная, 2016, с. 113].

¹⁵ Куко-тайджи или Коогэку — второй сын Момото бэйлэ Коогэку [Родословная, 2016, с. 113].

¹⁶ Вероятно, это мирское имя третьего сына Момото, впоследствии ставшего монахом и получившего имя тойн камбо Лубзан Кириб [Родословная, 2016, с. 114].

¹⁷ Когшин-тайджи — четвертый сын Момото, тайджи второй степени Когшин [Родословная, 2016, с. 114].

¹⁸ Вероятно, это пятый сын Момото, тайджи второй степени Норбо Церен. Имя, под которым он известен, — Сабагар [Родословная, 2016, с. 114].

¹⁹ Ван Церен-Делек — старший из трех сыновей Бамбара, цзюнь-ван Церен-Делек [Родословная, 2016, с. 98].

²⁰ Бадма-Убаши — второй сын Церен-Делека, цзюнь-ван Бадма-Убаши [Родословная, 2016, с. 98].

²¹ Баян-Далай — третий сын Бамбара, тайджи второй степени Баян-Далай [Родословная, 2016, с. 98].

²² Кириб-засаг — второй сын Галдан-Норбо, внук Дондук-Омбо, правнук Гунджаба [История Хо-Өрлөка, 2016, с. 31]; так как у Цебек Дорджи не было сыновей, Кириб был произведен в ваны [Родословная, 2016, с. 107].

жи Церен-Убаши²³, Бадма, Дорджи Делек и прочие, в общем итоге семь тайджи, хатун Пуне и прочие, джунгарский Далай-хан, лама Габан Замьян, камбо-бандида, да-лама²⁴ Габан Пунцак, Джанг-ден да-лама Габан Ригзин, дэмчи²⁵ Габан Джамцо, дэмчи Луузан Бамбар, нирба²⁶ Раши Тугмед, нирба Габан Джанцан по отдельности совершили подобные облакам подношения. [Панчен-лама] дал вышеупомянутым благословение дланью, угощение чаем, задал вопросы и сделал подарки. По просьбе благодетелей [Панчен-лама] дал им устную передачу на «Сто божеств Тушиты», Защитников трех семейств и практику долгой жизни»²⁷ [dkon mchog 'jigs med dbang po, 2014b, p. 310].

²³ Церен-Убаши — старший из трех сыновей Аг Сахала, чин-ван Церен-Убаши, внук Галдана Норбо. Поскольку у Кириба не было сыновей, то он усыновил Церен-Убаши, старшего сына своего младшего брата Аг Сахала [Родословная, 2016, с. 107].

²⁴ Да-лама — главный лама монастыря, лама-настоятель монастыря.

²⁵ Дэмчи — чиновник в системе налогообложения, относился к числу высших сановников ханства.

²⁶ Нирба (тиб. gnyer ba) — управляющий, казначей.

²⁷ kun ldan zhes pa lcags byi lo <...> zla ba brgyad pa'i <...> tshes bcu'i nyin thu med pa'i se tshe brtan don grub dang / thor god han tshe ring rnam rgyal ring rnam rgyal/ tha'i ji rab brtan rdo rje/ ha thon bde ldan sgrol ma/ sras mo nor rgyun dbang mo/ sde mang bcas nas dngos 'bul gyi bdog pa spam mtho ba bteḡ / thor god cir gal ba'i li/ ha thon tshe dpag /er te ni tha'i ji/ tha'i ji khu khos/ tha'i ji de le/ tha'i ji khug shun/ so mon bcas thun mong / ho shod pa'i li bde legs u pa shi/ wang tshe ring bde legs/ pad ma u pa shi/ pa yan tA la'i dpon 'bangs thun mong / dge slong blo bzang chos grags sogs so so nas dngos 'bul bteḡ ste zhabs brtan bden tshig brjod/ tshe rabs kun tu 'bral med rjes 'dzin gyi skyabs 'jug kyang nan tan du zhus/ de dag la phyag dbang ja gral bka' mchid/ slog cha/ 'dod chos bcas tsal te chos dang zang zing gnyis kas tshim par mdzad/ dge tshul brgya dang so lnga bsgrubs <...> tshes bcu'ig gi nyin thor god mkhas grub ching wang gis dngos 'bul spam mtho ba dang bcas zhabs brtan bden tshig brjod de rjes 'dzin gyi skyabs 'jug kyang zhus/ tha'i ji tshe ring u pa shi dang pad+ma/ rdo rje bde legs sogs tha'i ji bdun/ ha thon phu ne sogs dang jun gar dwa las han dang / bla ma ngag dbang 'jam dbyangs/ mkhan po paN+Di ta/ tA bla ma ngag dbang phun tshogs/ byang 'dren tA bla ma ngag dbang rig 'dzin/ dem chi ngag dbang rgya mtsho/ dem chi blo bzang dpal 'bar/ gnyer pa bkra shis thogs med/ gnyer pa ngag dbang rgyal mtshan bcas so so nas dngos 'byor mchod sprin spros/ gong gsal de dag la phyag dbang ja gral bka' 'dri gnam skyes bcas tsal / sbyin bdag nams nas zhus ngor dga' ldan lha brgya ma dang rigs gsum mgon po/ tshe sgrub bcas kyi ljags lung gnam [dkon mchog 'jigs med dbang po, 2014b, p. 309–310].

Датский писатель-путешественник и антрополог Хеннинг Хас-лунд пишет, что в конце 1920-х годов, посещая торгутов Синь-цзяна, он видел печать Убаши-хана, полученную им в 1776 г. от Цяньлуна «в обмен на прежнюю печать, полученную от минской династии» [Haslund, 1935, p. 308–309]. Однако, так как Убаши умер в 1775 г., он не мог получить печать от Цяньлуна в 1776 г., более того, как было сказано выше, он до конца жизни использовал печать из слоновой кости с легендой на китайском языке. По всей видимости, здесь имеется в виду серебряная печать, полученная сыном Убаши Церен Намджалом от цинской администрации, которая ныне хранится в музее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Таким образом, Убаши-хан владел данной печатью с китайской легендой вплоть до своей смерти, а новую печать от правительства Цин получил уже его сын.

ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ ЧАГДОРДЖАБА С ЛЕГЕНДОЙ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вторая печать Чагдорджаба (рис. 2) квадратной формы, с китайской легендой, размер лицевой стороны печати 4,5 × 4,5 см [Batubayar, 2017b, p. 153].

В квадратной рамке помещена легенда на китайском, записанная письмом *чжуанке*, читаемая сверху вниз, справа налево: «*Цзинцзинь сюсин*» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng) [Batubayar, 2017b, p. 153], что переводится как «Усердно практиковать». Б. Батубаяр пишет, что данная легенда может быть переведена на монгольский язык как «*хичээнгүйлэн бясалгах*» или «*хичээнгүйгээр бүтээгч*» [Батубаяр, 2014, с. 81]. Интересно, что эта печать является личной печатью буддийского монаха. Первоначально печать принадлежала буддийскому ламе, но позже по неизвестным причинам использовалась правителем калмыцкого ханства как печать для внутренних и внешних дел ханства [Batubayar, 2017b, p. 153]. Печать не соответствует официальной системе печатей династии Цин. На официальных печатях династии Цин должно быть выгравирована легенда на маньчжурском языке (маньчж.

manju gisun), поэтому наиболее вероятно, что данная печать была дана правительством династии Мин [Batubayar, 2017b, p. 154].

До перекочевки на берега Волги калмыки являлись частью ойратских племен. Ойраты издавна устанавливали политические и военные союзы с империей Мин ради рынков и культурного обмена с материковой частью Китая. В минско-монгольских войнах со времен императора Юнлэ (1360–1424) минской династии ойраты почти всегда были ее союзниками. Согласно «Мин Шилу»²⁸, с 1-го по 5-й год правления Юнлэ (1403–1407) Махаму²⁹ и другие правители в течение многих лет вели войну с Гуйличи³⁰. В 6-й год правления Юнлэ (1408 г.) Аргутай³¹ назначил ханом Пуньяши-ри³², который в следующем году напал на ойратов, но потерпел поражение от Махаму и других и отступил к реке Керулен. После этой битвы Махаму и другие взяли под свой контроль приграничные земли Ганьсу, родины Гуйличи. Но Аргутай воевал не только против ойратов, но и против империи Мин. Поэтому империя Мин стала поддерживать ойратов. В 7-й год правления императора Юнлэ минская династия сделала правителями Махаму, Тайпина³³ и Бату-Болота. Среди них торгут Тайпин был произведен

²⁸ «Мин шилу» (кит. trad. 明實錄, упр. 明实录, пиньинь *Míng shí-lù*), или «Доподлинные хроники [династии] Мин».

²⁹ Махаму или Махмуд, также известный как Батула, Батула-чинсан (ум. 1416) — главный ойратский тайши (1399–1416), старший сын и наследник Худхай-Тайю, происходившего из рода Чорос.

³⁰ Гуличи (китайский: 鬼力赤; монг. *Guyilinči*) — отождествляется с Оруг Тэмур-ханом династии Северная Юань, правивший с 1402 по 1408 г., назывался Гуличи только династией Мин. Существует спор о том, был ли Оруг Тэмур тем же человеком, что и Угэчи Хашигу, поскольку в исторических записках династии Мин упоминаются ожесточенные сражения между восточномонгольским Гуличи и лидерами ойратов. Таким образом, до сих пор неясно, был ли он ойратом или Чингисидом.

³¹ Аргутай (ум. 1434) — союзник Оруг Тэмур-хана, которому тот пожаловал титул чинсана. В 1408 г. Аргутай сверг с престола и умертвил Оруг Тэмур-хана, а затем вывел Восточную Монголию из-под ойратского владычества, назначив новым монгольским ханом Олдзей Тэмур-хана (Пуньяшири) (годы правления 1408–1412), сына Элбэг-хана.

³² Пуньяшири — другое имя Олдзей Тэмур-хана.

³³ Амугуланг (кит. 太平; пиньинь *tàipíng*). После смерти Махаму он правил всеми ойратскими племенами. В 1421 г. он повел армию на Хами. В 1424 г. сын Махаму атаковал и убил Тайпина.

в звание *цзинь-цзы гуан-лу да-фу*³⁴ и вана Сяньи. Начиная с 1-го года правления Юнлэ минский двор послал нескольких человек с императорскими указами ойратскому Махаму и другим лидерам. Отношения между двумя сторонами постепенно становились более тесными. В эпоху Тогон-тайши (ум. 1439) и Эсэн-тайши (1407–1454) ойраты имели более частые контакты с минской династией, и двор Мин присвоил более 400 ойратам официальные звания и титулы [Batubayar, 2017b, p. 155].

Политические и экономические отношения между ойратами и империей Мин также способствовали укреплению религиозных связей между двумя сторонами. Во времена Эсэна буддизм среди ойратов процветал, и религиозное взаимодействие между двумя сторонами было очень тесным. Например, запись в «Правдивых записях Мин Инцзуна»³⁵ от 9-го числа 12-го месяца 2-го года правления Чжэнтун (1437 г.) гласит:

«Приказ о назначении посланников ойратского Шуньнин-вана Тогона³⁶: Хамалашили³⁷ государственным наставником (кит. 国师; пиньинь *guóshī*) милосердия и просвещения, Дацанга — правым буддийским наставником, управляющим буддийским духовенством (кит. 僧录司; пиньинь *sēnglùsī*), а Далан Тэмур и прочих — управляющими, тысяцкими (кит. 千户; пиньинь *qiānhù*), *чжэньфу*³⁸ (кит. 镇抚; пиньинь *zhènfū*) и прочими чинами. Вначале Хамалашили неоднократно приходил отдать дань уважения,

³⁴ Цзинь-цзы гуан-лу да-фу (кит. 金紫光禄大夫; пиньинь *Jīn zǐguāng lù dàfū*), «Вельможа, имеющий сияющие заслуги, обладающий правом на ношение золотого кольца и пурпурного шнура» — один из сорока двух почетных титулов (кит. 散; пиньинь *sàn*) для гражданских чиновников, соответствовал первой степени первого ранга [Дмитриев, 2005, с. 90].

³⁵ Мин Инцзун — храмовое имя шестого и восьмого императора династии Мин, Чжу Цичжэня (1427–1464). Правил под девизом Чжэнтун (кит. 正統, *Zhèngtǒng*) «Законное Наследие» (1435–1449) и под девизом Тяньшунь (кит. 天順, *Tiānshùn*) «Небесная Благосклонность» (1457–1464).

³⁶ Шуньнин-ван Тогон (кит. 顺宁王脱欢; пиньинь *shùn níng wáng tuō huān*). «Шуньнин-ван» — титул, данный минской династией ойратскому Тогон-тайше в 1418 г.

³⁷ Хамалашили (кит. 哈马刺失力; пиньинь *Hā mǎ lá shī lì*). Возможно, это искаженное имя Камалашри.

³⁸ Официальный титул.

получал щедрые подарки и просил титул для облегчения передвижения. Об этом было извещено Министерство церемоний, и был отдан приказ. Также Хамалашиле была дарована монашеская одежда, а Далан Тэмуру и другим шапки и пояса» [Batubayar, 2017b, p. 155].

Кроме того, различные ойратские ламы просили титулы, печати, изображения Будд пяти семейств, колокольчики, цимбалы, барабаны, раковины и т. д.

Согласно архивам династии Цин, в свое время Убаши сдал династии Цин печать, которая была сделана из слоновой кости, обрамленной серебром, на боковой стороне которой были выгравированы две строки китайских иероглифов: «В 3-й день третьего месяца 22-го года правления Юнлэ [печать] была дана ламе Мичжа Шили». Юнлэ (кит. 永樂; пиньинь Yǒng lè, букв.: «Вечное счастье») — девиз правления третьего императора империи Мин Чжу Ди (кит. 朱棣; пиньинь Zhū Dì; 2 мая 1360–12 августа 1424), правившего с 17 июля 1402 г. до его смерти в 1424 г. Таким образом, данная печать была выдана в 1424 г. Это произошло через 15 лет после того, как минская династия сделала предводителя торгов Тайпина ваном Сяньи.

Таким образом, создается впечатление, что печать с легендой «Усердно практиковать» также была выдана династией Мин одному из лидеров тибетского буддизма [Batubayar, 2017b, p. 155].

Согласно имеющейся архивной информации, до того как династия Цин выпустила печать хана, печать главы лиги и печать дзасака, Убаши и Церен Намджал использовали эту печать «Цзинцзинь сюсин» для ведения своих собственных государственных дел. После 10-го месяца 1775 г. эта печать «Цзинцзинь сюсин» уже не использовалась, но с исключительного разрешения императора хранилась как родовая реликвия в руках хана Зоригту и его наследников. С тех пор неизвестно, какова была дальнейшая судьба этой печати [Batubayar, 2017b, p.156].

ПЕЧАТИ ИМПЕРИИ МИН, СХОЖИЕ С ПЕЧАТЬЮ НАМЕСТНИКА ЧАГДОРДЖАБА

Была ли данная печать единственной в своем роде?

Известно, что до наших дней сохранились четыре подобные минские печати с китайскими легендами:

1. Легенда на печати: 净修觉道 *Jìng xiū jué dào*, «Практиковать исключительно путь к просветлению». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,5 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана помощнику Дукханг Лучжу Цунми»; (вверху слева) «... день, ...месяц 13-го года правления Чжэнтунуа». Сейчас хранится во дворце Потала.

2. Легенда на печати: 妙缘清淨 *Miào yuán qīngjìng*, «Прекрасные условия чистоты и спокойствия». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 7,1 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана ламе Еще Сангпо»; (вверху слева) «... день третьего месяца 14-го года правления Юнлэ». Сейчас хранится во дворце Потала.

3. Легенда на печати: 圓修般若 *Yuán xiū bōrě*, «Всецело практиковать мудрость/праджню». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,4 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «... день ... месяца 2-го года правления Сюаньдэ»; (вверху слева) «Дана ламе Сан Лицзе Цанбо». Сейчас хранится в Норбулинке.

4. Легенда на печати: 如如自在 *Rú rú zìzài*, «Свободная от заблуждений таковость (санскр. *tathatā*)». Печать из слоновой кости, рукоять в виде колеса дхармы, высота 6,7 см, квадратная, длина стороны 4,3 см, надпись: (вверху справа) «Дана ламе Шэло Цанбо»; (вверху слева) «... день ... девятого месяца 2-го года правления Чжэнтунуа». Сейчас хранится в Норбулинке [Batubayar, 2017b, p. 155].

Таким образом, нам известно, что печать с китайской легендой, которая последовательно принадлежала Чагдорджабу, Дасангу, Дондук-Даши и Убаши, имела рукоять в виде колеса дхармы и была обрамлена серебром. Мы также знаем, что минское правительство выдало несколько таких печатей тибетским ламам. Сохранились ли другие образцы такой печати до наших дней?

В Национальном музее Индии в Дели хранится печать из слоновой кости с рукоятью в виде колеса дхармы с шестнадцатью спицами на лотосе, основание которой обрамлено серебром (рис. 3)³⁹. Верхняя часть колеса сточена.

Легенда на данной печати читается так: 闡揚正教 Chǎn chǎng zhèngjiào, «Разъяснить правильное учение». На верхней части печати написано: «Дана Цыма Лочжу Цзанбо» (кит. 賜刺麻羅竹藏卜; пиньинь cì cì má luó zhú zāng bo), «в ... день первого месяца 1-го года правления Хунси (кит. 洪熙元年正月日) (рис. 4).

Хунси (кит. 洪熙; пиньинь Hóngxī), «Великое сияние» — девиз правления четвертого императора Мин — Чжу Гаочи (кит. 朱高熾; пиньинь Zhū Gāochì; 16 августа 1378–29 мая 1425), правившего с 7 сентября 1424 г. по 29 мая 1425 г. Таким образом, данная печать была дана *Цыма Лочжу Цзанбо* в 1424 г. Возможно, что Цыма Лочжу Цзанбо — китайское написание тибетского имени *Чиме Лодро Сангпо* (тиб. 'chi med blo gros bzang po). Можно предположить, что печать Чагдорджаба с китайской легендой имела схожий вид.

В музеях по всему миру сохранились и другие печати из слоновой кости этого типа. Так, например, в музее Метрополитен в Нью-Йорке хранится подобная печать с рукоятью в виде колеса дхармы на лотосе, но без серебряного обрамления⁴⁰ (рис. 5). Легенда на печати следующая: 積修求律 Jī xiū qiú lǜ, «Постоянно практикую и стремись к дисциплине (винае)».

На верхней части печати написано: «Дана ламе Еши Цанбо» (кит. 賜刺麻也失藏卜; пиньинь cì lá má yě shī cáng bo), «в ... день третьего месяца 22-го года правления Юнлэ (кит. 永樂二十二年三月日). Данная печать была дана в 1424 г. ламе Еши Цанбо. Возможно, что Еши Цанбо — китайское написание тибетского имени *Еше Сангпо* (тиб. ye shes bzang po).

³⁹ URL: https://www.reddit.com/r/ArtefactPorn/comments/lwvnsl/seal_of_incarnate_lama_gifted_by_ming_emperor_to/ (дата обращения: 22.01.2024).

⁴⁰ URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/42014> (дата обращения: 22.01.2024).

Другая схожая печать хранится в Музее провинции Гань-су в Ланьчжоу (рис. 6)⁴¹. Легенда на печати следующая: 莊嚴妙相 Zhuāngyán miào xiāng, «Торжественный и чудесный внешний вид».

На верхней части печати написано: «Дана ламе Баньданы Линчжаню (кит. 賜刺麻班丹領占; пиньинь Cì lá má bān dān lǐng zhàn), «в ... день ... месяца 2-го года правления Сюаньдэ» (кит. 宣德二年月日; пиньинь Xuāndé èr nián yuè rì). Сюаньдэ (кит. 宣德; пиньинь Xuāndé, «Провозглашение добродетели») — девиз правления Чжу Чжаньцзи (кит. 朱瞻基, Zhū Zhānjī, 16 марта 1399–31 января 1435), пятого императора Мин, правившего с 27 июня 1425 г. по 31 января 1435 г. Таким образом, данная печать была дана Баньдань Линчжаню в 1427 г.

Другим примером печати, данной тибетскому ламе во времена империи Мин, является печать Чогьям Трунгпы (тиб. chos rgyam drung pa; 1939 / 1940–1987) (рис. 7).

В приложении к седьмому тому собрания сочинений Чогьям Трунгпы размещено изображение печати его предыдущих воплощений. Легенда на данной печати следующая: 淨修覺行 Jìng xiū jué xíng, «Чистая практика просветленных деяний».

Автор приложения Джон Рокуэл приводит ошибочное прочтение ее легенды: *chìng yu chueh wang*, что означает, как пишет автор, «чистый слуга, просвещенный правитель». Автор пишет, что значение первых двух символов неясно, но они могут быть игрой буквального значения слова «трунгпа» (тиб. drung pa), а именно «присутствующее лицо» [Rockwell, 2004, p. 249]. В данной легенде иероглиф 行 xíng им неверно прочитан как 王 wáng, а 覺 jué — как 儗 yǐ.

Д. Рокуэл сообщает, что это оттиск официальной печати воплощений Трунгпы, красиво вырезанной из слоновой кости с рукояткой в виде колеса дхармы. Она была дана китайским императором пятому Трунгпе, Тендзину Чогьялу (тиб. bstan 'dzin chos rgyal), где-то в XVII или XVIII в. [Rockwell, 2004, p. 249]. В самом деле, шестому воплощению Сурманг Трунгпа (тиб. zur mang

⁴¹ URL: <https://www.tuniu.com/trips/31108332> (дата обращения: 22.01.2024).

drung pa) Тендзину Чогьялу (1715–1761) в возрасте 21 года цинским императором Цяньлуном (г. пр. 1736–1796) были дарованы титул и печать, но маловероятно, что это данная печать, так как, судя по стилю иероглифов на печати и содержанию легенды, представленная здесь печать была выдана минской династией⁴². Скорее всего, пятое воплощение Друбгью Тенпа Намгьял (тиб. sgrub brgyud bstan pa rnam rgyal; 1633–1712) получило эту печать от шестнадцатого, и последнего, императора Мин — Чунчжэня (кит. 崇禎; Chóngzhēn; «возвышенное счастье») (6 февраля 1611–25 апреля 1644), правил с 1627 по 1644 г. Таким образом, можно утверждать, что подобные печати из слоновой кости с рукоятью в виде колеса дхармы выдавались минской династией вплоть до первой половины XVII в.

Помимо представленных выше печатей, существует несколько других, хранящихся в частных коллекциях. Кроме того, есть несколько печатей, которые, вероятно, являются подделками.

ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ НАМЕСТНИКА УБАШИ

После смерти отца, Дондук-Даши, 21 января 1761 г. в урочище Бугута севернее р. Кумы, в 200 верстах южнее Астрахани, его место занял Убаши [Батмаев, 1993, с. 346]. Кроме рассмотренной выше печати с китайской легендой, первоначально принадлежавшей Чагдорджабу, Убаши пользовался другой печатью.

Так, на письме наместника калмыцкого ханства Убаши генерал-майору Никите Григорьевичу Спицыну⁴³, полученном 4 сентября 1761 г., стоит эта вторая печать [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 1054]. Эта же печать стоит на письме Убаши от 19 числа месяца Овцы (4-го калмыцкого месяца) 1763 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 565], на письме Убаши от 17 числа месяца Овцы (4-го калмыцкого месяца) 1763 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 598], на письме Убаши от 20 августа 1766 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382.

⁴² URL: <https://library.bdrс.io/show/bdr: P9704> (дата обращения: 22.01.2024).

⁴³ Никита Григорьевич Спицын — подполковник, полковник, а к концу службы генерал-майор. Глава ведомства по калмыцким делам в период с июля 1743 г. по июль 1761 г.

Л. 33], на письме Убаши от 1 августа 1765 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 100], на письме Убаши от 1 августа 1765 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 102], на письме Убаши от 5 августа 1765 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 382. Л. 166], на письме Убаши от 1761 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 392. Л. 60], на письме Убаши от апреля 1768 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 401. Л. 11] и на письме Убаши от апреля 1768 г. [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 401. Л. 11].

В то же время Убаши продолжает использовать печать Чагдорджаба с китайской легендой. Так, на письме наместника ханства Убаши подполковнику Ивану Алексеевичу Кишенскому⁴⁴, полученном 1 апреля 1767 г., стоит печать Чагдорджаба [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 391. Л. 30].

Размер печати 2,5×2,5 см. Легенда на данной печати (рис. 8) помещена в квадратную рамку и представляет собой повторяющийся геометрический узор. В верхней части печати находятся три точки, указывающие на верхнюю часть печати. Традиционно три точки символизируют три драгоценности — Будду, дхарму и сангху. Дальнейшая судьба данной печати неизвестна.

Среди документов из Архива Кунделинга, хранящихся на портале CrossAsia, созданном Берлинской государственной библиотекой, под шифром 012 2–1/#/65/8/4 хранится документ, на котором стоит схожая печать (рис. 9)⁴⁵.

Легенда на данной печати также представляет собой повторяющийся геометрический узор, хотя и отличающийся от того, что на печати Убаши.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в данном исследовании установлено, что наместники калмыцкого ханства Чагдорджаб и Убаши использовали несколько печатей. У Чагдорджаба было две печати, первая из них с монограммой Калачакры была рассмотрена нами в другом исследовании, вторая, с китайской легендой «Цзинцзинь

⁴⁴ Иван Алексеевич Кишенский — полковник, находился при калмыцких делах в 1765–1771 гг.

⁴⁵ URL: <https://dtab.crossasia.org/766/seal> (дата обращения: 08.11.2021).

сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь jīngjìn xiūxíng) по линии наследников, была передана Убаши. Данная печать имеет китайское происхождение и была дана буддийскому ламе Мичжа Шили в 22-м году правления Юнлэ в 1424 г. Неизвестно, каким образом и откуда она попала к Чагдорджабу, однако из сохранившихся документов очевидно, что он начал использовать данную печать в 1710 г.; мы предполагаем, что она была привезена из Тибета с одним из посольств. Маловероятно, что она была получена предыдущими калмыцкими правителями от минской династии, так как эта печать не использовалась прежде на документах Аюки и самого Чагдорджаба, а также потому, что данная печать была дана буддийскому ламе и не является печатью для управления светскими делами. Кроме того, установлено, что существовало множество подобных печатей из слоновой кости, раздаваемых правительством Мин буддийским ламам.

Вторая печать Убаши, которой он начал пользоваться начиная с 1761 г., также, вероятно, имеет тибетское происхождение. Так как отец Убаши Дондук-Даши умер в том же году, когда Убаши начал пользоваться данной печатью, возможно предположить, что первоначально печать принадлежала Дондук-Даши, но после смерти перешла его сыну Убаши.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Бакунин В. М. *Описание калмыцких народов, особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года.* Элиста, 1995.
- Батмаев М. М. *Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт.* В 2 кн. Элиста, 1993.
- Батубаяр Б. *Печати торгутских ханов и нойонов // Мир «ясного письма».* Элиста, 2014. С. 81–83.
- Дмитриев С. В. Самый влиятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // *Общество и государство в Китае.* М., 2005. С. 66–104.
- История Хо-Өрлөкэ // *Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков* / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста, 2016. С. 29–35.

- Митиров А. Г. *Истоки*. Элиста, 2002.
- Митруев Б. Л. Три печати Аюки-хана // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 4.
- Митруев Б. Л. Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2023. № 1.
- Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б. Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 4.
- НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия, Элиста.
- Пальмов Н. Н. *Этюды по истории приволжских калмыков. XVII–XVIII вв.* Ч. I. Астрахань, 1926.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва.
- Родословная торгутских ханов и князей // *Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков* / сост., пер. со старописьям. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста, 2016. С. 95–125.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке*. Т. 1. М., 1978.
- Санчиров В. П. *Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков*. Элиста, 2016.
- Сусеева Д. А. *Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования*. Элиста, 2003.
- Сусеева Д. А. *Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.)*. Элиста, 2009.
- Ци ши и. О переходе тургутов в Россию и обратном удалении из России в Зюнгарию (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым) // *Собрание исторических, топографических и других сведений о Сибири и странах, с ней сопредельных*, изд. Г. Спасским / *Сибирский вестник*. 1820. Ч. XII. Кн. 10. С. 165–189; Ч. XII. Кн. 11. С. 214–235. Кн. 12. С. 254–269.
- Цюрюмов А. В. *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений*. Элиста, 2007.
- Batubayaer В. Торгууд хаад ноёдын хэрэглэж байсан нэгэн тамганы тухай [Об одной печати, которую использовали торгутские ханы] // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten*. 2017. No. 65 (1), P. 145–149.

- Batubayaer B. (巴图巴雅尔 巴.). 佛教与政治之间: 尔扈特汗“精进修行”汉字官印考 (Fójiào yǔ zhèngzhì zhī jiān: Ēr hù tè hàn “jīngjìn xiūxíng” hànzì guānyìn kǎo) [Между буддизмом и политикой: текстовое исследование китайской надписи «jīngjìn jìnxiū» на официальной печати тургутского хана] // *The Qing History Journal*. 2017. Май, No. 2. P. 153–156.
- Cammann S. The Panchen Lama's Visit to China in 1780: An Episode in Anglo-Tibetan Relations // *The Far Eastern Quarterly*. Nov., 1949. Vol. 9. No. 1. P. 3–19.
- CrossAsia. URL, <https://dtab.crossasia.org/> (дата обращения: 03.11.2023).
- dkon mchog 'jigs med dbang po. *rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. smad cha* [Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 2]. sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing, 2014.
- Dorji, Batubayar B., Lijei G. *Qīng dài tǔěrhùtè bù yǔ héshuòtè bù yìnzāng yánjiū* (= *Cīng ulusiyin üyeyin torγuud xoşuud-yin tamγa-yin sudulul* [Исследование печатей торгутов и хошутов периода династии Цин]. Urumqi, 2009.
- Haslund H. *Men and Gods in Mongolia (Zayagan)*. New York, 1935.
- Rockwell J. About the seals // *The Collected Works of Chogyam Trungpa. Volume seven. The Art of Calligraphy (Excerpts), Dharma Art, Visual Dharma (Excerpts), Selected Poems, Selected Writings*. Boston & London, 2004. P. 249–251.

Женщины в политике и власти современной Монголии

Аннотация. В статье представлен количественный и качественный анализ участия женщин в политике и государственном управлении в современной Монголии на основе официальной статистической информации, сведений, опубликованных на сайтах высших органов законодательной и исполнительной власти, представительных и исполнительно-распорядительных органов на местном уровне. В качестве документальных источников использованы новеллы в законодательстве Монголии, касающиеся выборов в Великий государственный хурал. В статье также рассматриваются гендерное измерение руководства парламентских комитетов, политических партий, представленных в парламенте, партийная принадлежность женщин-депутатов, участие женщин в выборах главы государства. Исследуется политика и особенности публичного дискурса гендерного равенства в современной Монголии, в том числе на основе анализа рекомендаций, представленных в январе 2024 г. Великому государственному хуралу по итогам самооценки в области прав человека и гендерных вопросов. Сделан вывод о том, что в современной Монголии созданы институциональные и законодательные основы для реализации идей гендерного равенства в политике и власти, однако в этих подсистемах женщины продолжают составлять меньшинство. Совершенствование системы квотирования, а именно прогрессивное изменение значений квот через поправки в законы, а также внедрение в Монголии международных методик оценки гендерного равноправия в политике и государственном управлении могут изменить текущую ситуацию.

Ключевые слова: Монголия, женщины в политике, гендерное равноправие, квоты, политические партии, женщины во власти

НАТСАК ОРГАНА ДОРЖУЕВНА, кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4, Республика Тыва, Российская Федерация.

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

O.D. Natsak

Women in modern politics and power of Mongolia

ABSTRACT. The article presents a quantitative and qualitative analysis of women's participation in politics and public administration in modern Mongolia based on official statistical information, information published on the websites of the highest legislative and executive authorities, representative and executive-administrative bodies at the local level. The author has used novelties in the legislation of Mongolia concerning the elections to the Great State Hural as documentary sources. The article also examines gender dimension of the leadership of parliamentary committees, political parties represented in parliament, party affiliation of women deputies, as well as participation of women in the presidential elections. The author has considered the policy and features of the public discourse of gender equality in modern Mongolia, including on the basis of analysis of the recommendations submitted to the Great State Hural in January 2024 based on the results of self-assessment in the field of human rights and gender issues. It is concluded that there are institutional and legislative frameworks being created to implement the ideas of gender equality in politics and government, but women continue to be a minority in these subsystems. The improvement of the quota system, namely the progressive change of quota values through amendments to laws, as well as the introduction in Mongolia of international methodologies for assessing gender equality in politics and public administration can change the current situation.

KEY WORDS: Mongolia, women in politics, gender equality, quotas, political parties, women in power

NATSAK ORGANA DORJUEVNA, Ph.D. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. 667000, Kyzyl, Kochetova Street, 4, Republic of Tyva, Russian Federation.

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 г. исполнилось 100 лет, как в Монголии была принята конституция, предоставившая равный гражданский статус и равные политические права мужчинам и женщинам. Новая политическая реальность, которая конструировалась в Монголии в 1920–1930-е годы, требовала массового обучения грамоте и политической социализации женщин. Формирование организационных структур по работе с женщинами шло под идейным и методическим руководством женотдела Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Рецепция норм советских законов, прежде всего в вопросах семьи, брака, опеки, создала необходимые правовые условия для эмансипации женщин. Для первого этапа этой работы помимо решения вопросов модернизации общества и внедрения новых социальных норм через законы и идеологическую работу важна была политическая практика включения женщин в партию, ревсомол, в выборные должности разных уровней [Натсак, 2023, с. 36].

Общая траектория развития женского вопроса в Монголии до 1991 г. формировалась под влиянием СССР, в орбите политического влияния которого находилась Монголия. Государственный патернализм в отношении женщин в политике и отсутствие реальной политической конкуренции в выборных процессах обеспечивали достаточно высокий уровень участия женщин в представительных органах, а также в партийных и общественных организациях.

Демократические реформы и структурная перестройка экономики Монголии в постсоциалистический период привели к разрушению государства всеобщего благосостояния и системы социального обеспечения, сосредоточению национальных богатств в руках узкой группы лиц и обнищанию основной части населения [Munkh-Erdene, 2012, p. 64–65]. Имущественное и доходное неравенство, бедность населения, возникшие в результате социально-экономических и политических изменений, стали серьезными вызовами и проблемами для Монголии [Knauff, 2012, p. 19]. В таких кризисных социально-экономических условиях пе-

реходного периода, а также в обстановке роста конкуренции за власть и доступ к ресурсам было закономерным снижение числа женщин в публичной политике и управлении. Для женщин на первый план вышли проблемы экономического выживания семьи, выполнение функций заботы, образование детей. Как полагает Б. Одгэрэл, в период упадка экономики выросло количество вопросов семейно-бытового характера, которые вынуждены были решать женщины [Одгэрэл, 2014, с.115]. Уровень участия женщин поднимается по мере стабилизации ситуации в экономике страны.

Проблематизация вопроса участия женщин в политике и во власти в современной Монголии связана с тем, что в настоящее время наблюдается парадоксальная ситуация. По «стажу» конституционного предоставления женщинам политических прав Монголия опережает многие страны Европы и Азии, за годы постсоциалистических демократических реформ в Монголии были созданы законодательные основы и институциональные механизмы гендерного равноправия, в том числе в политике, приняты антидискриминационные поправки в законы. Однако на высшем уровне принятия государственных и политических решений в Монголии женщин нет (президент, премьер-министр, спикер парламента), женщины мало представлены в высших должностях исполнительной власти, доли женщин в парламенте и Кабинете министров на текущем этапе указывают на то, что до гендерного паритета и эгалитаризма еще далеко.

Говоря о степени изученности рассматриваемых вопросов, следует отметить работы российских востоковедов В. А. Родионова, Л. В. Кураса, посвященные современному политическим, электоральным процессам, партийной системе Монголии [Родионов, 2017, с. 44–51; 2019, с. 273–279; Курас, 2014, с. 125–131]. Монгольские и зарубежные авторы исследовали трансформационные процессы в транзитивный период [Munkh-Erdene, 2012, р. 61–66; Knauft, 2012, р. 17–33]. История женского вопроса в государственной политике Монголии, в том числе участие женщин в общественно-политической жизни и государственном управлении в годы социализма и постсоциалистический период, была

исследована в монографии С. С. Цыпиловой [Цыпилова, 2015]. Участие женщин в современной представительной демократии в Монголии на примере Великого государственного хурала анализировалось в статьях У. Батцэрэн и Б. Одгэрэл [Батцэрэн, 2015, с. 275–289; Одгэрэл, 2014, с. 114–117]. Представленность женщин в высших должностях исполнительной власти, руководстве политических партий, в представительных органах на уровне аймаков, местных администрациях, партийная принадлежность депутатов Великого государственного хурала Монголии и министров женского пола в комплексе практически не исследовались. Вместе с тем достаточно сведений в статистических параметрах мы находим в монгольских тематических сборниках.

Целью статьи является анализ участия женщин в политике и власти в современной Монголии. Исходя из обозначенной цели были сформулированы следующие задачи: проанализировать количественные параметры положения женщин в законодательном органе власти — Великом государственном хурале Монголии, исследовать гендерный состав руководства парламента, комитетов, партийную принадлежность женщин из депутатского корпуса; изучить соотношение мужчин и женщин в Кабинете министров Монголии, в группе заместителей министров, отраслевой профиль министерств, возглавляемых лицами женского пола; исследовать представленность женщин на уровне руководителей местных хуралов гражданских представителей и администраций аймаков, а также историю участия женщин в выборах главы государства.

Объектом анализа стали высший законодательный орган, представительные органы власти на местном уровне, высший исполнительный орган власти, администрации аймаков, руководство парламентских политических партий Монголии. Предметом анализа является гендерный состав указанных органов власти, участие женщин в их руководстве. Были исследованы такие переменные факторов участия женщин в парламенте, как должностной статус, партийная принадлежность, в правительстве — статус, место получения образования, возраст.

При подготовке статьи были использованы методы политической социологии, а также биографический метод социологического анализа.

Эмпирической основой статьи явились официальные данные о составах Великого государственного хурала Монголии [Улсын Их Хурлын гишүүд...], правительства Монголии [Монгол улсын Засгийн газар...], администраций и представительных органов аймаков Монголии. Следует отдельно выделить данные официальной гендерной статистики Национального комитета статистики Монголии [Улс төрийн шийдвэр..., 2023; Иргэдийн төлөөлөгчдийн..., 2023; Төрийн улс төр, төрийн..., 2023]. Кроме того, использованы международные рейтинги и доклады «Женщины в политике» 2023 г. Межпарламентского союза [Women in Politics...], «Глобальный гендерный доклад» 2023 г. Всемирного экономического форума [Global Gender Report, 2023]. В качестве документальных источников были использованы закон о гендерном равенстве Монголии [Монгол улсын хууль «Жэндэрийн...»], закон о выборах в Великий государственный хурал Монголии [Монгол улсын хууль «Монгол Улсын Их Хурлын...»], закон о Правительстве Монголии [Монгол Улсын хууль «Монгол Улсын засгийн...»].

Основная гипотеза статьи заключается в том, что, несмотря на высокий образовательный уровень, экономическую активность, социальную и миграционную мобильность современных монгольских женщин, им сложнее выйти на равные статусные позиции с мужчинами в политике и власти по причине того, что патриархальные парадигмы и стереотипы относительно ролевых позиций мужчин и женщин еще сильны в политической культуре Монголии. Однако гендерная проблематика и неформальное категориальное неравенство по полу при назначении на руководящие посты в государственном управлении, публичной политике являются релевантными не столько для всего общества, сколько для элит, которыми в большей степени формируется соответствующий дискурс.

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

Согласно Глобальному индексу гендерного разрыва за 2023 г., Монголия по общему значению индекса занимает 80-е место из 146 стран, однако по субиндексу, касающемуся расширения политических прав и возможностей, находится на 121-м месте [Global Gender Report 2023, p. 18]. Компонентами данного субиндекса являются такие показатели, как соотношение мужчин и женщин в кабинетах министров, парламентах, продолжительность пребывания женщин в должностях премьер-министров, президентов. По сравнению со значениями других субиндексов по Монголии, связанных с возможностями женщин в экономике, образовании, здоровьем и выживаемостью, политический субиндекс имеет самое низкое значение. Например, по равному доступу к экономическим возможностям Монголия занимает 26-е место, к образованию — 63-е [Global Gender Report, 2023, p. 263]. По расширению политических прав и возможностей женщин в этом глобальном рейтинге Монголия сместилась со 111-го места, которое она занимала в 2022 г., на 121-е в 2023 г.

Рассмотрим гендерные аспекты базовых социально-демографических характеристик населения Монголии. В демографической структуре населения Монголии женщины количественно в незначительной степени преобладают над мужчинами — 50,96 и 49,04% соответственно¹, уровень мужской смертности существенно превышает аналогичный показатель среди женщин [Нас барсан хүний тоо...]. По количеству лиц, окончивших вузы, женщины также опережают мужчин, аналогичная ситуация наблюдается и среди студентов вузов — на начало 2023/24 учебного года лица женского пола составляли 60,96% всех студентов организаций высшего образования². Доля жен-

¹ Проценты рассчитаны автором на основе официальных данных о количестве населения по полу на начало 2024 г. по: Монгол улсын хүн амын нас...

² Проценты рассчитаны автором на основе официальных данных о количестве студентов вузов по: Монгол улсын нийгэм..., 2024, х. 40.

щин среди безработного населения Монголии ниже, чем доля незанятых мужчин. По данным 2022 г., 59,55% безработных составляли мужчины [Ажилгүй хүн...]. Однако среди занятого населения лидируют мужчины. Монгольские женщины в социально-профессиональной структуре населения занимают значимое место. К примеру, к преимуществам человеческого потенциала Монголии относят высокий уровень грамотности населения и участие женщин в большинстве аспектов жизни социума [Adleton, 2012, p. 38].

В общественном дискурсе в Монголии активно обсуждаются вопросы о гендерном равенстве в политике, необходимости увеличения числа женщин в парламенте, данные вопросы присутствуют и во внутренней политической повестке [Жендерийн эрх тэгш...; Батсайхан Х. Эмэгтэй удирдагчдын эрэлд...; Болормаа Х. Улс төр дэх...; Гэрэлт-Од Э., Бямбажав Д. УИХ дахь эмэгтэйчүүдийн...]. Кроме того, позиционирование во внешней политике Монголии как государства, не только чувствительного к гендерной проблематике, но и как страны, способной стать одним из международных центров дискуссий о ценностях и политике гендерного равенства, наталкивает некоторых экспертов оценивать эти действия как желание Монголии показать свою причастность к идеологическим трендам, свойственным странам Запада [Кушхов Б. Феминистская дипломатия...], а также как «механизм влияния США на Монголию через поддержку прозападных женщин-политиков в высшие эшелоны монгольской власти под предлогом эмансипации и расширения участия женщин в общественно-политической жизни страны» [Данзанов, 2023]. Однако ситуация не столь однозначна. С одной стороны, нельзя отрицать ориентации политической элиты Монголии на идеи и ценности западных демократий, с другой стороны, если рассматривать политическую реальность и персональное наполнение государственно-управленческой пирамиды в стране в терминах пола, то действительно женщин мало, несоразмерно их доле в демографической структуре населения.

Влияние международных организаций на вопросы гендерного равенства в Монголии прослеживается по тому, как мно-

гие правовые, исследовательские, политические инициативы реализуются при их участии и методическом сопровождении. Например, при участии специалиста по вопросам гендерного равноправия из Канадского института государственного управления был разработан и опубликован справочник для органов власти Монголии «Об обеспечении гендерного равенства на государственной службе в Монголии» [Монгол улсын төрийн албан..., 2020].

22–23 ноября 2023 г. Великим государственным хуралом Монголии при методическом участии Межпарламентского союза была проведена самооценка состояния дел в области прав человека и гендерных вопросов, ее итоги стали основой для разработки рекомендаций. Рекомендации были обсуждены в парламенте страны 16 января 2024 г. [ХЭДХ: ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...]. В частности, было обнародовано, по нашим расчетам, всего 75 рекомендаций: 18 из них направлены на увеличение доли женщин в парламенте, 5 — на повышение доли женщин в руководстве парламента, 21 — на совершенствование правовой политики и законодательства в области гендерного равенства, 15 — на распространение гендерных идей, 16 — на политику парламента, учитывающую гендерные аспекты, и на меры по улучшению культурной среды [ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...]. Из этих рекомендаций отметим лишь те, которые касаются потенциально-го изменения показателей, рассматриваемых в данной статье:

- дополнительное обеспечение соотношения полов 1/1 путем применения горизонтальных квот для выдвижения равного числа женщин и мужчин в избирательных округах или путем полного перехода к пропорциональной системе;
- установление гендерных квот на уровне не ниже 40% при отборе руководящего состава руководства и комитетов парламента;
- обеспечение реального соблюдения квоты более 40% женщин в центральных и местных руководящих органах партии и назначение женщин на ключевые руководящие должности в преддверии выборов 2024 г.;

- обеспечение гендерного баланса для членов хуралов гражданских представителей всех уровней путем увеличения гендерной квоты кандидатов на выборах до 50% [ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...].

Следует отметить, что политический смысл указанных рекомендаций заключается в публичном признании существования социального неравенства по признаку пола в сфере политики и власти. Такие инициативы, как борьба с гендерными стереотипами, включение гендерной повестки в предвыборные программы политических партий, проведение просветительских мероприятий со стороны Центральной избирательной комиссии для избирателей с учетом гендерных факторов, рассмотрение вопроса о расходах на эту сферу, внедрение гендерного контента в средства массовой информации и мероприятия по информированию общественности через деятелей культуры, искусства, журналистов и писателей [ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...], указывают на конструирование соответствующего дискурсного поля, формирование новых каналов коммуникации, привлечение для продвижения ценностей гендерного равноправия и влияния на общественное сознание представителей «символической элиты» страны.

Отдельно нужно отметить рекомендации, которые касаются доступа к партийным финансам женщин, которые участвуют в выборном процессе. Было, в частности, предложено, чтобы политические партии оказывали конкретную финансовую поддержку кандидатам-женщинам.

В инициативах о создании справедливой системы в политической партии, при которой женщины могли бы на равных конкурировать с мужчинами благодаря своим знаниям и опыту, а не финансовым возможностям; необходимости отказа от избирательной системы, при которой избираются и назначаются в основном состоятельные люди, узаконивании более высоких этических критериев и обеспечении гендерного представительства после 2028 г. [ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...] мы усматриваем

стремление к преодолению асимметричного обладания финансовыми ресурсами и доступу к ним со стороны мужчин и женщин.

Предложения касались также необходимости стимулирования равного распределения объема домашнего неоплачиваемого труда между женщинами и мужчинами, что является, по нашему мнению, попыткой изменить устоявшийся в монгольском обществе гендерный уклад и распределение ролей между мужчиной и женщиной в семье. Была озвучена идея о том, что экономика домохозяйств должна учитывать домашний труд женщин, и система национальных счетов должна быть скорректирована.

Из законодательных инициатив нужно отметить предложение о внесении изменений в Закон о надзоре над парламентом для включения механизмов надзора за исполнением законодательства о гендерном равенстве [ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн...].

Главным политическим итогом этих обсуждений является увязка политической цели № 5 ЦУР ООН с долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной политикой развития Монголии. Рассмотрим современное состояние данного вопроса.

В 2011 г. был принят закон Монголии «О гендерном равенстве» [Монгол улсын хууль «Жэндэрийн...». Согласно п. 4.1.2. данного закона, «гендерное равенство» означает равноправное участие в политических, правовых, экономических, социальных, культурных и семейных отношениях, получение равной выгоды от экономического, социального и культурного развития и равный вклад, свободу от дискриминации по признаку пола [Монгол улсын хууль «Жэндэрийн...». Закон был направлен на обеспечение сбалансированного представительства мужчин и женщин на политических и руководящих должностях, вводил институциональные механизмы поддержки — квотирование. В частности, в статье 8-й данного закона указывается, что финансовая поддержка кампании политической партии для всех кандидатов на выборах, мужчин и женщин, должна быть одинаковой, а представительство каждого пола в составе центрального и местного органа политической партии должно составлять не менее 40% [Монгол улсын хууль «Жэндэрийн...». Причем если ранее допустимый минимум составлял 25%, то в июле 2023 г. были внесе-

ны изменения, согласно которым вместо 25% закон установил планку не ниже 40%, и эта норма вступит в силу с 1 июля 2024 г. Политические партии в Монголии обязаны ежегодно представлять Национальному комитету отчет о выполнении вышеуказанных положений закона. Если ранее партии обязаны были отчитываться раз в два года, то эта норма была изменена поправкой от 7 июля 2023 г.

Государственную политику в области гендерного равноправия определяет Великий государственный хурал Монголии, Правительство Монголии представляет отчет каждые 2 года о реализации и эффективности мероприятий по обеспечению гендерного равенства. Инструментом отслеживания изменений в области гендерного равноправия являются доклады не только Правительства Монголии, но и таких структур, как Национальная комиссия по правам человека Монголии — доклад о рассмотрении жалоб на дискриминацию по признаку пола; Совет по государственной службе — о гендерной дискриминации и сексуальных домогательствах и об итогах мер, принятых для их предотвращения, а также государственный доклад об осуществлении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Монгол улсын хууль «Жэндэрийн...»]. В организационную систему по данным вопросам встроен и Национальный комитет по гендерным вопросам, который отслеживает исполнение норм вышеуказанного закона, в том числе заслушивает отраслевые доклады об оценке состояния гендерного равноправия [УУХУЯ «Жэндэрийн...»]. В закон «О Правительстве Монголии» в соответствии с законом от 02.02.2011 г. «О гендерном равенстве» были внесены изменения, а именно — пункт 3 статьи 14-й 2-го раздела гласит, что правительство работает с неправительственными и международными организациями по вопросам защиты прав и свобод человека и гендерного равенства [Монгол Улсын хууль «Монгол Улсын засгийн...»].

16 июня 2023 г. в закон «О выборах в Великий государственный хурал Монголии» были внесены серьезные изменения, касающиеся количества депутатов избирательной системы. Так, их число увеличивается с 76 до 126, а выборы будут проводиться по

смешанной избирательной системе: 78 членов Великого государственного хурала будут избираться по мажоритарным округам, 48 членов — по пропорциональному принципу [Монгол улсын хууль «Монгол Улсын Их Хурлын...»]. Важным для рассматриваемой темы изменением, внесенным в данный закон 16 июня 2023 г. и вступающим в силу с 1 января 2024 г., является то, что среди кандидатов от партий и коалиций на всеобщих выборах 2024 г. представителей того или иного пола не должно быть менее 30%, а на всеобщих выборах 2028 г. — не менее 40% [Монгол улсын хууль «Монгол Улсын Их Хурлын...»]. Данная поправка означает, что женщин-кандидатов должно быть не менее 30% в списке кандидатов партий и коалиций в ходе выборов 2024 г. и не менее 40% в 2028 г. В списках кандидатов от партий и коалиций соотношение мужчин и женщин должно быть 1:1. Эта новелла, изложенная в пункте 6 статьи 30-й рассматриваемого закона, также была внесена 16 июня 2023 г. и вступает в силу с 1 января 2024 г. [Монгол улсын хууль «Монгол Улсын Их Хурлын...»].

В современном государственно-политическом истеблишменте Монголии женщины составляют менее 30%, их доля показывает тенденцию к медленному росту, что прослеживается по статистике лиц, принимающих решения на государственном и местном уровнях (президент, спикер парламента, его заместители, премьер-министр, заместители председателя правительства, глава администрации президента, министры, заместители министров, губернаторы, руководители хуралов гражданских представителей аймаков и др.). Вместе с тем гендерный разрыв в этой группе является существенным (рис. 1).

Женщины в законодательной власти

В первые два десятилетия демократических и социально-экономических реформ в Монголии в национальном парламенте страны — Великом государственном хурале, который является высшим государственным органом Монголии, формирующем правительство страны, женщины были представлены в минимальном количестве, что не соответствовало ни демографиче-

ской, ни социальной структуре монгольского общества. Заметный рост намечился лишь после принятия законодательства о гендерном равноправии (рис. 2).

Доля женщин в Великом государственном хурале Монголии выросла с 3,9% в 1992 г. до 17,1% в 2016 г. и сохраняется в текущем составе парламента (рис. 3).

Закрепление квоты для женщин-кандидатов на уровне не ниже 30%, а также регулирование соотношения полов в избирательных списках партий и коалиций, безусловно, создаст новые возможности для женщин в монгольской политике. Политическая практика многих стран, которые внедрили механизмы законодательных квот или комбинацию законодательных и добровольных партийных квот, показывает, что они имеют больший рост представительства женщин по сравнению со странами, не принявшими такие инструменты [Women in Parliaments, 2022...].

Сегодня из 19 действующих министров правительства 14 являются одновременно членами Великого государственного хурала Монголии, из трех женщин-министров — две члены парламента. Количественное увеличение депутатов Великого государственного хурала с учетом вышеуказанных поправок повышает шансы женщин войти в политику и власть.

Монголия относится к тем странам, в которых за последние 50 лет парламентом не руководили женщины. В 2022 г. в мире было лишь 62 женщины-спикера национальных парламентов [Women in Parliaments, 2022...]. Анализ гендерной принадлежности руководства и депутатского состава Великого государственного хурала Монголии 8-го созыва (2020–2024 гг.) показал, что в настоящее время самой высокой позицией, занимаемой женщиной-политиком в парламенте Монголии, является должность заместителя председателя Великого государственного хурала (Салдангийн Одонтуяа) [Монгол Улсын Их Хурлын дэд дарга...]. Из 11 профильных комитетов 2 возглавляются женщинами, что составляет 18,18% (Комитет по социальной политике; Комитет по образованию, культуре, науке и спорту) [Монгол Улсын Их Хурлын гишүүд...]. В мире 25,7% председателей парламентских комитетов являются женщинами [Women in Parliaments, 2022...].

В депутатском корпусе в целом женщины в меньшинстве — 13 из 76 депутатов (17,1%) [Монгол Улсын Их Хурлын Байнгын...].

По партийной принадлежности 11, или 84,62%, женщин-депутатов относятся к Монгольской народной партии (МНП) [Монгол ардын нам...], 2, или 15,38%, — к Демократической партии [Ардчилсан нам...]. Нет женщин-депутатов, представляющих партию ХҮН (Трудовая национальная партия), также женщины не представлены среди самовыдвиженцев в коалициях.

Кроме того, среди парламентских партий современной Монголии нет лидеров-женщин, руководство всеми тремя парламентскими политическими партиями традиционно принадлежит мужчинам: Монгольская народная партия — Л. Оюун-Эрдэнэ; Демократическая партия — Л. Гантөмөр [Ардчилсан нам гишүүд...]; Трудовая национальная партия — П. Ганзориг. Женщины представлены на уровне заместителей председателей политических партий: в Демократической партии из 16 заместителей руководителя 2 являются женщинами [Ардчилсан нам гишүүд...], в Монгольской народной партии 2 секретаря партии, а также 8 из 25 членов руководящего Совета являются женщинами [Удирдах зөвлөл...]. В этом вопросе отличается Трудовая национальная партия, самая «молодая» партия, зарегистрированная в 2011 г., в руководящем Совете которой наблюдается самая большая доля женщин среди аналогичных структур других партий — 8 из 17, что составляет 47,06% [Намын удирдлага...]. Следует отметить, что только в Демократической партии есть гендерно-ориентированная структура с соответствующей повесткой, которая называется Союз женщин-демократок.

Женщины в исполнительных органах власти

В странах мира на современном этапе женщины больше представлены в национальных парламентах, чем в национальных правительствах. Существует также гендерная специфика в профиле женщин-министров — наибольшее их количество работает по вопросам женщин, гендерного равноправия, семьи и детей, а также в других направлениях социальной сферы. Так, по

данным отчета ООН «Женщины в политике» за 2023 г., женщины составляют 84% министров по вопросам женщин и гендерного равноправия; 68% — министров по делам семьи и детей; 49% — министров по вопросам социальной инклюзии и социального развития; 45% — министров социальной защиты и социальной безопасности [Women in Politics, 2023...].

Членство в Кабинете министров, выработка отраслевой политики с учетом интересов государства и нации и ее реализация — такой статус и ответственность несут министры. Женщин, занимающих должности министров в правительстве Монголии, мало, их доля в настоящее время составляет 18,7% (3 из 16). В Кабинете министров Монголии женщины помимо министерств социальной сферы — труда и социальной защиты; культуры — возглавляют также Министерство иностранных дел [Монгол улсын Засгийн газар...]. Самый высокий показатель доли членов правительства женского пола был достигнут в 2020–2021 гг., он равнялся 23,5% (4 из 17) [Төрийн улс төр..., 2023, х. 18].

Особенностью административной организации исполнительной власти Монголии на современном этапе является то, что министры имеют не более одного заместителя. В ходе анализа текущего состава руководителей органов исполнительной власти можно сделать следующие выводы.

Изучение персонального состава заместителей министров показало, что на этом уровне руководства органов исполнительной власти женщин также три: в Министерстве финансов [Дэд сайд // Сангийн яам...] и Министерстве горнодобывающей промышленности [Дэд сайд // Уул уурхай...], Министерстве юстиции и внутренних дел [Хууль зүй, дотоод хэргийн Дэд сайдаар...]. Максимальное число руководителей женского пола в статусе заместителей министров в Монголии наблюдалось в 2016 г. — 5, снижение до минимума произошло в 2020 г. — до 1. Из 16 министерств в 10 (62,5%) руководство (министры и их заместители) является полностью мужским. Таким образом, до ключевых отметок женской представленности в руководстве министерств на уровне 30% или 50% пока далеко.

Принцип гендерного баланса учитывается и в том, что если министром является женщина, то заместителем министра выступает мужчина, такая ситуация характерна для министерств иностранных дел, труда и социальной защиты, культуры Монголии.

Биографический анализ женщин, имеющих статус министра и заместителя министра, выявил их относительно молодой возраст, знание иностранных языков, наличие зарубежного образования: все прошли обучение в американских и европейских университетах после окончания университета в Монголии либо полные циклы бакалавриата и магистратуры в зарубежных учебных заведениях. Средний возраст заместителей министров женского пола — 41,3 лет, министров — 45 лет.

ЖЕНЩИНЫ В МЕСТНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ

На уровне губернаторов до недавнего времени не было женщин. В настоящее время из 21 аймака только один — Кобдоский — аймак Монголии возглавляется женщиной [Администрацией Ховдского аймака...]. При этом в статусе заместителей губернаторов женщины присутствуют. С 2019 г. наблюдается тенденция роста их числа и доли в этой категории руководителей. Вместе с тем женщины остаются в заметном меньшинстве. В 2016 г. из 35 заместителей губернаторов по стране и заместителей мэра столицы только 6 были женщинами (17,14%), в 2021 г. — 8 из 42 (19,05%) [Төрийн улс төр..., 2023, х. 18].

Из 21 руководителя хуралов гражданских представителей аймаков (далее — ХГП) [Архангай аймгийн...; Баян-Өлгий аймгийн...; Баян-Хонгор аймгийн...; Булган аймгийн...; Говь-Алтай аймгийн...; Говьсүмбэр аймгийн...; Дархан-уул аймгийн...; Дорноговь аймгийн...; Дорнод аймгийн...; Дундговь аймгийн...; Завхан аймгийн...; Орхон аймгийн...; Өвөрхангай аймгийн...; Өмнөговь аймгийн...; Сухбаатар аймгийн...; Сэлэнгэ аймгийн...; Төв аймгийн...; Увс аймгийн...; Ховд аймгийн...; Хөвсгөл аймгийн...; Хэнтий аймгийн...] в Монголии только две женщины-председатели Селенгинского [Хуралом гражданских представителей Сэлэнгинского аймака...] и Хэнтэйского [Хуралом

гражданских представителей Хэнтийского аймака...] ХГП, что составляет 9,5% от общего числа руководителей представительных органов на уровне аймаков.

Среди всех членов ХГП аймаков и столицы Монголии женщины составляют 16,1%, минимальная доля в Убсунурском аймаке — 9,8%, максимальная — в Центральном аймаке — 24%, в столице Монголии — 17,8% [Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал..., 2022, х. 13].

На примере составов представительных органов Монголии можно увидеть закономерность: чем ниже административный уровень, тем выше уровень представленности женщин, чем выше — тем меньше доля женщин. В сомонных и окружных хуралах женщины занимают уже 28,3% мандатов, максимальная доля женщин на этом уровне достигнута в хуралах аймака Дархан-Уул [Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал..., 2022, х. 13].

В целом в Монголии 339 хуралов гражданских представителей аймачного, сумонного и окружного уровней, 290 из них возглавляются мужчинами [Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын...] — это 85,5%. Общее количество членов ХГП всех уровней в 2022 г. составляло 7307 чел., 71,4% из которых мужчины [Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын ...].

Рассмотрим участие женщин в руководстве столичным городом Монголии, в котором производится 62,86% ВВП страны³ и проживает 47,39% населения⁴. За всю историю Улаанбаатара городом руководили 35 градоначальников, среди которых не было ни одной женщины [Хотын дарга нар...].

В представительной власти столицы Монголии доля женщин составляет чуть выше 17,78%, из 45 депутатов — 8 женщин [Төлөөлөгчид // Нийслэлийн иргэдийн...]. Этот показатель доли женщин превышает аналогичные показатели в законодательном органе государства. Как указывалось, в Великом государственном хурале значение этого показателя равняется 17,1%, в представительных органах на уровне аймаков по стране — 16,1%, но ниже, чем в отдельных аймаках. Председателем хурала гражданских

³ Данные на 2022 г. по: Дотоодын нийт бүтэгдэхүүн...

⁴ Данные на 2022 г. по: Монгол улсад оршин ...

представителей г. Улан-Батора является мужчина. В настоящее время из 9 муниципальных округов г. Улан-Батора единственный Сухэ-Баторский округ возглавляется женщиной⁵.

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ВЫБОРАХ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Участие женщин в выборах главы государства или высшего должностного лица в регионе является важным маркером равных политических возможностей мужчин и женщин, а результаты выборов — показателем ментально-психологической готовности общества к восприятию женщины в качестве государственного лидера.

В Монголии выборы президента с 1993 г. состоялись 8 раз, и всего 23 человека выдвигалось кандидатами на пост главы монгольского государства [Улс төрийн шийдвэр..., 2023, х. 15]. В истории выборов был единственный прецедент, когда в выборах главы государства в 2013 г. участвовала женщина — Нацагийн Удвал — член Монгольской народно-революционной партии, получившая 6,6% голосов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование показало, что в высшем законодательном органе Монголии, а также в представительных органах на уровне аймаков доля женщин не достигает 20%. Женщин меньшинство также среди руководителей парламентских комитетов. Члены Великого государственного хурала Монголии женского пола представляют в основном МНП. В парламентских партиях нет женщин-лидеров, гендерная повестка обозначена на данном этапе только в Демократической партии.

Чем выше ступень в вертикали исполнительной власти, тем меньше женщин либо они отсутствуют. Эта ситуация характерна для Монголии: премьеры и вице-премьеры в Монголии исклю-

⁵ Сухе-Баторский округ г. Улан-Батора возглавляет Х. Болормаа — по: Нийслэлийн Сүхбаатар дүүрэг...

чительно мужчины; среди министров — женщин меньшинство. С точки зрения профильного направления женщины — члены кабинетов министров в мире сосредоточены в основном в гуманитарных, социальных областях. В Монголии эта исторически сложившаяся тенденция также сохраняется, однако женщине впервые удалось выйти на лидерские позиции во внешнеполитическом ведомстве — МИД, в мире среди всех министров иностранных дел женщин 25%. Биографический анализ показал, что в карьерных траекториях министров, заместителей министров женского пола общим является получение профессионального образования в зарубежных вузах, знание иностранных языков.

Низкий уровень представленности женщин наблюдается в представительных органах аймаков, их доля также ниже 20%, включая столицу Монголии. В сомонных и окружных хуралах женщин больше, им принадлежит 28,3% мандатов. В целом в ХГП на всех уровнях женщины составляют 28,6%, среди них руководителей — 14,5%.

Появление женщин в статусе губернаторов наблюдается лишь в последние годы: сейчас их всего 2 из 21 руководителя аймаков.

В настоящее время Монголия относится к числу 67 стран мира, в которых женщины за последние 50 лет не занимали пост главы государства [Global Gender Report 2023, p. 14], а в постсоциалистической истории Монголии был лишь один прецедент участия женщины в выборах главы государства.

В статье показано, что в современной Монголии создана вся необходимая «инфраструктура» для реализации повестки гендерного равенства во внутренней политике: организованы общественные и политические дискуссии; принято соответствующее законодательство; проводятся исследования; выстроены механизмы статистического наблюдения; зарегистрированы неправительственные организации; принципы и ценности равенства полов в экономике и политике интегрируются в программы развития Монголии.

На примере последних изменений, внесенных в закон «О выборах в Великий государственный хурал Монголии», и рекомендаций, выработанных в результате самооценки парламента с точ-

ки зрения гендерного равенства, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в Монголии меняются институциональные характеристики избирательной системы для обеспечения более масштабного участия женщин в публичной политике и государственном управлении и соотношение мужчин и женщин в партийном, политическом и государственном управлении может измениться. В силу сохраняющейся патриархальности взглядов на роль женщины в семье и обществе у большинства населения Монголии быстрых изменений не стоит ожидать.

Как мы полагаем, для получения эмоционального отклика и поддержки со стороны населения в продвижении политического лидерства женщин в рекомендации по итогам самооценки в области гендерного равноправия были включены предложения об усилении медийности темы и привлечении журналистов, творческой интеллигенции. Эти факты указывают на целенаправленное формирование политической элитой публичного дискурса о дефиците гендерного равенства в политике и управлении.

Исходя из анализа содержания инициатив и рекомендаций, представленных по итогам самооценки парламента, системными проблемами, препятствующими гендерному равноправию, являются дефицит финансовых ресурсов у женщин; недостаток финансирования избирательных кампаний женщин-кандидатов политическими партиями; наличие дискриминации по полу и неиспользование профессиональных навыков и опыта женщин при выдвижениях и назначениях; гендерные стереотипы в общественном сознании; большая нагрузка женщин в сфере неоплачиваемого домашнего труда, а также ухода за детьми, членами семьи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Администрацией Ховдского аймака руководит Э. Болормаа. URL: <https://khovd.gov.mn/members/7a481521-4501-4eea-ac44-3e6deaec8597> (дата обращения: 11.01.2024).

Ажилгүй хүн, шалтгаанаар, бүс, аймаг, нислэлээр, хүйс, насны бүлгээр, улирал, жилээр. Үндэсний статистикийн хороо. URL:

- https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573055/table-view/DT_NSO_0400_036V0 (дата обращения: 26.01.2024).
- Ардчилсан нам. URL: <https://democraticparty.mn/page/22> (дата обращения: 20.01.2024).
- Ардчилсан нам // Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn/cv/?partyId=22> (дата обращения: 15.01.2024).
- Ардчилсан нам гишүүд // Ардчилсан нам. URL: <https://democraticparty.mn/page/22> (дата обращения: 20.01.2024).
- Архангай аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://arkhangai.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Байгаль орчин, аялал, жуулчлалын яам. URL: <https://met.gov.mn/mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Барилга, хот байгуулалтын яам. URL: <https://mcud.gov.mn/home> (дата обращения: 25.01.2024).
- Батлан хамгаалах яам. URL: <https://mod.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Батсайхан Х. Эмэгтэй удирдагчдын эрэлд: 2024 оны сонгуульд нэг намаас багадаа 47 эмэгтэй нэр дэвшинэ. Зув. URL: <https://zuv.mn/xu9/> (дата обращения: 15.01.2024).
- Батцэрэн У. Участие женщин в работе Великого государственного хурала Монголии и некоторые вопросы формирования политического имиджа // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2015. № 1 (17).
- Баян-Өлгий аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://bayan-olgi.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Баян-Хонгор аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://bhr.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Боловсрол, шинжлэх ухааны яам. URL: <https://www.meds.gov.mn/home> (дата обращения: 25.01.2024).
- Болормаа Х. Улс төр дэх эмэгтэйчүүдийн оролцоог 35 хувьд хүргэх хэрэгтэй. — URL: <https://sonin.mn/news/peconomy/136571> (дата обращения: 15.01.2024).
- Булган аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://bulgan.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Гадаад харилцааны яам. URL: <https://mfa.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).

Говь-Алтай аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://govialtai.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Говьсүмбэр аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://govisumber.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Гэрэлт-Од Э., Бямбажав Д. УИХ дахь эмэгтэйчүүдийн төлөөллийг нэмэгдүүлэх боломж / Ikon. URL: <https://ikon.mn/opinion/1v0l> (дата обращения: 15.01.2024).

Данзанов Б. *Гендерное равенство: фальш-вывеска // Новое восточное обозрение*. 07.09.2023. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/09/07/gendernoe-ravenstvo-falsh-vyveska-amerikanizaczii-mongolii> (дата обращения: 25.01.2024).

Дархан-уул аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://darkhan-uul.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Дорноговь аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://dornogovi.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Дорнод аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://dornod.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Дотоодын нийт бүтэгдэхүүн, бүс, аймаг, нийслэлээр. Үндэсний статистикийн хороо. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573052/table-view/DT_NSO_0500_007V1 (дата обращения: 27.01.2024).

Дундговь аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://dundgovi.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Дэд сайд // Сангийн яам. URL: <https://mof.gov.mn/> (дата обращения: 12.01.2024).

Дэд сайд // Уул уурхай, хүнд үйлдвэрийн яам. URL: <https://mmhi.gov.mn/team/болдын-уянга/> (дата обращения: 12.01.2024).

Жендерийн эрх тэгш байдлыг хангах талаарх хууль тогтоомжийн хэрэгжилтийг эрчимжүүлэх шаардлагатай. 24.11.2023. 24 цаг. URL: <https://www.24tsag.mn/a/222636> (дата обращения: 15.01.2024).

Завхан аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://zavkhan.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

Зам, тээврийн хөгжлийн яам. URL: <https://mrt.d.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).

Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал дахь эмэгтэйчүүд. Улаанбаатар, 2023.

Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал дахь эмэгтэй төлөөлөгчдийн эзлэх хувь // Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал дахь эмэгтэйчүүд. Улаанбаатар, 2022. Х. 13.

Иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын төлөөлөгчид, хүйс, насны бүлэг, сум дүүргээр. Үндэсний статистикийн хороо. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573065/table-view/DT_NSO_0100_001D2 (дата обращения: 26.01.2024).

Курас Л. В. Монголия в начале XXI века: гримасы демократии // *Гуманитарный вектор*. 2014. № 4 (40).

Кушхов Б. Феминистская дипломатия Монголии: «эмансипация эмансипации» во внешней политике страны // *Новое восточное обозрение*. 06.12.2023. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/12/06/feministskaya-diplomatiya-mongolii-emansipacziya-emansipaczii-vo-vneshnej-politike-strany> (дата обращения: 25.01.2024).

Монгол ардын нам // Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn/cv/?partyId=122> (дата обращения: 15.01.2024).

Монгол ардын нам. URL: <https://nam.mn> (дата обращения: 20.01.2024).

Монгол улсад оршин суугаа хүн амын тоо, баг/хороо, хот/хөдөөгөөр. Үндэсний статистикийн хороо. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573051/table-view/DT_NSO_0300_004V5 (дата обращения: 27.01.2024).

Монгол улсын засгийн газар. URL: <https://mongolia.gov.mn> (дата обращения: 20.01.2024).

Монгол улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn> (дата обращения: 20.01.2024).

Монгол Улсын Их Хурлын Байнгын хорооны дарга // *Монгол Улсын Их Хурал*. URL: <https://www.parliament.mn/cv/?appointmentId=105> (дата обращения: 20.02.2024).

Монгол Улсын Их Хурлын гишүүд // *Монгол улсын Их Хурал*. URL: <https://www.parliament.mn/cv/?appointmentId=86> (дата обращения: 16.01.2024).

Монгол Улсын Их Хурлын дэд дарга // *Монгол Улсын Их Хурал* [сайт]. URL: <https://www.parliament.mn/cv/?appointmentId=102> (дата обращения: 19.01.2024).

Монгол улсын нийгэм, эдийн засгийн байдал, 2023 оны урьдчилсан гүйцэтгэл. Улаанбаатар, 2024.

Монгол улсын төрийн албан дахь жэндлэрийн эрх тэгш байдлыг хангах тогтолцоо. Төрийн захиргааны байгууллагуудад зориулсан гарын авлага. Улаанбаатар, 2020.

Монгол улсын хууль «Жэндэрийн эрх тэгш байдлыг хангах тухай». 2011 оны 2 дугаар сарын 2-ны өдөр Улаанбаатар хот. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/253> (дата обращения: 15.01.2024).

Монгол Улсын хууль «Монгол Улсын засгийн газрын тухай». 1993 оны 5 дугаар сарын 06-ны өдөр. Улаанбаатар хот. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/344> (дата обращения: 15.01.2024).

Монгол улсын хууль «Монгол Улсын Их Хурлын сонгуулийн тухай». 2019 оны 12 сарын 20 өдөр. Төрийн ордон, Улаанбаатар хот. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/14869> (дата обращения: 20.01.2024).

Монгол улсын хүн амын нас, хүйс, баг/хороогоор. Үндэсний статистикийн хороо. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573051/table-view/DT_NSO_0300_068V2 (дата обращения: 26.01.2024).

Намын удирдлага // *ХҮН нам*. URL: <https://hunnam.mn/leaders> (дата обращения: 25.01.2024).

Нас барсан хүний тоо, хүйс, насны бүлгээр. Үндэсний статистикийн хороо. URL: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573065/table-view/DT_NSO_0300_016V1 (дата обращения: 26.01.2024).

Натсак О.Д. Женский вопрос в Туве и Монголии в 1920–1930-е гг. // *Азиатские исследования: история и современность*. 2022. № 4 (4).

Нийслэлийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал [Хурал гражданских представителей столицы]. URL: <https://khural.ulaanbaatar.mn> (дата обращения: 20.01.2024).

Нийслэлийн Сүхбаатар дүүрэг. URL: <https://sbd.gov.mn/p/16582073377382> (дата обращения: 23.04.2024).

Одгэрэл Б. Участие женщин Монголии в процессе принятия политических решений на государственном уровне // *Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия*. 2014. № 6–1.

Орхон аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://itkh.orkhon.gov.mn> (дата обращения: 21.12.2023).

- Өвөрхангай аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://uvur-khangai.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Өмнөговь аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://omnogovi.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Родионов В. А. Партийная система современной Монголии // *Ойкумена*. 2017. № 2.
- Родионов В. А. Политический процесс в Монголии сквозь призму электоральных циклов // *Власть*. 2019. № 1.
- Сангийн яам. URL: <https://mof.gov.mn> (дата обращения: 12.01.2024).
- Соёлын яам. URL: <https://mos.gov.mn> (дата обращения: 12.01.2024).
- Сухбаатар аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://sukhbaatar.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Сэлэнгэ аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://selenge.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Төв аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://tov.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Төлөөлөгчид // *Нийслэлийн иргэдийн төлөөлөгчдийн Хурал*. URL: <https://khural.ulaanbaatar.mn/representative> (дата обращения: 15.01.2024).
- Төрийн улс төр, төрийн захиргааны удирдах албан тушаал дахь эмэгтэйчүүд [Женщины в руководящих должностях в государственной политике и управлении]*. Улаанбаатар, 2023.
- Увс аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://uvs.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Удирдах зөвлөл // *Монгол ардын нам* [сайт]. URL: <https://nam.mn/удирдах-зөвлөл> (дата обращения: 20.01.2024).
- Улс төрийн шийдвэр гаргах түвшин дэх эмэгтэйчүүд [Участие женщин в принятии политических решений]*. Улаанбаатар, 2023.
- Улсын Их Хурлын гишүүд // *Монгол Улсын Их Хурал* [сайт]. URL: <https://www.parliament.mn/> (дата обращения: 11.01.2024).
- Уул уурхай, хүнд үйлдвэрийн яам [*Министерство горнорудной и тяжелой промышленности*]. URL: <https://mmhi.gov.mn> (дата обращения: 12.01.2024).
- УУХҮЯ “Жендэрийн эрх тэгш байдлыг хангах тухай хууль”, Үндэсний хөтөлбөрийг хэрэгжүүлэх ажилд манлайллаа. Монгол улсын засгийн

- газар. URL: <https://mongolia.gov.mn/news/view/21661> (дата обращения: 13.01.2024).
- Үндэсний статистикийн хороо. URL: <https://nso.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Ховд аймаг. URL: <https://khovd.gov.mn> (дата обращения: 11.01.2024).
- Ховд аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://khovd.gov.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Хотын дарга нар // Улаанбаатар [сайт]. URL: <https://ulaanbaatar.mn/about/#MAP> (дата обращения: 15.01.2024).
- Хөвсгөл аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://khovsgol.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Хөдөлмөр, нийгмийн хамгаалын яам. URL: <https://www.mlsp.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Хуралом гражданских представителей Сэлэнгинского аймака руководит Б. Нарантуя [Сэлэнгэ аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал]. URL: <http://selenge.khural.mn> (дата обращения: 11.01.2024).
- Хуралом гражданских представителей Хэнтийского аймака руководит Гантөмөр Хэрлэнчулуун [Хэнтий аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал]. URL: <https://khentii.khural.mn/cv> (дата обращения: 11.01.2024).
- Хууль зүй, дотоод хэргийн Дэд сайдаар томилогдсон Б. Солонгоо нь ажлаа хүлээн авлаа. 20.10.2021. URL: <https://www.assa.mn/a/62366> (дата обращения: 29.01.2024).
- Хууль зүй, дотоод хэргийн яам. URL: <https://mojha.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- ХҮН нам. URL: <https://hunnam.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Хүнс, хөдөө аж ахуй, хөнгөн үйлдвэрийн яам. URL: <https://www.mofa.gov.mn/exp> (дата обращения: 25.01.2024).
- ХЭДХ: Хүний эрх жэндэрийн асуудлаарх парламентын өөрийн үнэлгээний санал, зөвлөмжийг хэлэлцэв. Монгол улсын Их Хурал. — <https://www.parliament.mn/nn/51768/> (дата обращения 25.01.2024).
- Хэнтий аймгийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурал. URL: <https://khentii.khural.mn> (дата обращения: 21.12.2023).
- Цахим хөгжил, харилцаа холбооны яам. URL: <https://mddc.gov.mn/mn> (дата обращения: 25.01.2024).

- Цыпилова С. С. *Женский вопрос в государственной политике Монголии (1924–2000-е гг.)*. Улан-Удэ, 2015.
- Эдийн засаг, хөгжлийн яам. URL: <https://med.gov.mn/> (дата обращения: 25.01.2024).
- Эрүүл мэндийн яам. URL: <https://moh.gov.mn/home> (дата обращения: 25.01.2024).
- Эрчим хүчний яам. URL: <https://www.energy.gov.mn> (дата обращения: 25.01.2024).
- Addleton J. S. The Challenges Never End: Managing Economic, Political, and Environmental Concerns During a Period of Rapid Change // *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar, 2012. P. 37–41.
- Global Gender Report 2023. Insight Report*. Geneva: World Economic Forum.
- Knauft B. M. Mongolians Before, During, and After Socialism: Analytic Overview and Policy Implications // *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar, 2012. P. 17–33.
- Munkh-Erdene L. Mongolia's Post-Socialist Transition: A Great Neoliberal Transformation // *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar, 2012. P. 61–66.
- Women in Parliaments 2022. The year in review. Inter-Parliament Union. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2023-03/women-in-parliament-2022> (дата обращения: 22.01.2024).
- Women in Politics 2023. Inter-Parliamentary Union. UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2023-03/Women-in-politics-2023-en.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
- Women in Politics: 2023. UN Women. Inter-Parliamentary Union // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2023-03/Women-in-politics-2023-en.pdf> (дата обращения: 20.01. 2024).

Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн: преемственность как символ духовного единства монголов

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые особенности духовной линии преемственности, которая наследуется в монгольской традиции как Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн (от Первого до Десятого). Прослеживаются главные факторы, культивирующие статус Богдо-гэгэна, служащие для него опорными в монгольском социуме. Несомненна огромная роль Первого монгольского Богдо-гэгэна Гомбодоржийн Дзанабазара, в гениальной разносторонней личности которого сошлись самые важные для мировоззрения буддистов-кочевников понятия сакрализации власти в лице потомка династии Чингисхана: на основе генетического и культурного кодов монгольского этноса.

Ключевые слова: Монголия, Тибет, линия перевоплощений, Гелуг, хутухта, культовые изображения, Дзанабазар, традиции кочевников

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел сравнительного культуроведения, Институт востоковедения РАН. 103753, Москва, ул. Рождественка, 12, Российская Федерация.

E-mail: s.syrtypova@ivran.ru

ORCID: 0000-0002-7239-4454

S.-Kh. D. Syrtypova

The lineage of Bogdo Gegen Jebtsundamba Khutuktu as a spiritual unity symbol of the Mongols

ABSTRACT: The article analyzes key points of the spiritual lineage of succession, which inherits the Mongolian tradition as the Bogdo Gegen Jebtsundamba Khutuktu (from the First to the Tenth). The main factors cultivating the status of Bogdo Gegen and serving as its support in Mongolian society are traced. There is no doubt regarding the huge role of the First Mongolian Bogdo Gegen Gombodorjiin Zanabazar, his brilliant, versatile personality joined the most important for the Buddhist nomads worldview concepts, a sacral power of the Genghis Khan's descendant, which were based on genetic and cultural code of the Mongolian ethnos.

KEY WORDS: Mongolia, Tibet, lineage of reincarnations, Gelug, Khutuktu, cult images, Zanabazar, nomadic traditions

SYRTPOVA SURUN-KHANDA DASHINIMAEVNA, D. Sc. (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103753, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12, Russian Federation.

E-mail: s.syrtypova@ivran.ru

ORCID: 0000-0002-7239-4454

В феномене первого монгольского Богдо-гэгэна Г. Дзанабазара (1635–1723) сошлись две линии преемственности, основополагающие для монгольских кочевников и чрезвычайно важные для буддистов Ваджраяны. Во-первых, это родословная, или генетическая наследственность: Дзанабазар был прямым потомком Чингисхана (1162–1227), великого завоевателя мира, в 21-м колене по мужской линии. Во-вторых, Дзанабазар был признан иерархами тибетской школы Гелуг воплощением выдающегося тибетского ученого Джебзун Таранатхи (1575–1634), который был главой очень сильной на тот период школы Джонанг, конкурировавшей с Гелуг. Эти два обстоятельства создают основание

для того, чтобы преемственность Джебцундамба-хутухты Богдо-гэгэна служила фактором духовного единения всех монголов. Значимость вопроса возросла после того, как Далай-лама XIV официально объявил о новом воплощении — Богдо-гэгэне Х, а 8 марта 2023 г. была опубликована фотография восьмилетнего монгольского мальчика во время церемонии в Дхарамсале¹.

Надо ли говорить, что генетическая наследственность для кочевника-скотовода — вопрос передачи не только имущественного права на владение территориями и материальными ресурсами. Скотоводы в условиях сурового, резко континентального, аридного климата Центральной Азии за несколько тысячелетий своей истории вывели породы пастбищных овец, лошадей, коров, коз и верблюдов, выносливых, умеющих добывать себе корм, не требующих специального ухода и интуитивно привязанных к родному стойбищу. Именно постоянное наблюдение за животными, их отбор, совершаемый каждый сезон, стали условием выживания человека и в зимнюю стужу, и в летний зной². Принцип селекции использовался монголами и при создании семьи, в вопросах продолжения рода. Близкородственные браки, сравнительно широко распространенные в западной, европейской практике, у кочевников исключались на уровне табуирования браков с родственниками до седьмого колена из практических соображений: потомство должно быть здоровым, крепким и стойким, чтобы противостоять испытаниям природы и кочевого быта. Именно для этого были приняты записи родословного древа, а дети с малых лет должны были знать наизусть имена предков, по меньшей мере, до седьмого колена. Эта монгольская традиция позволяет нам восстановить всех предков Богдо-гэгэна I Гомбодоржийн Дза-

¹ В этот день состоялась церемония посвящения тантрического божества Чакрасамвары в Дхарамсале — городе в штате Химачал-Прадеш Индии, где находится резиденция Далай-ламы XIV. URL: <http://savetibet.ru/2023/03/10/bogd-gegen-of-mongolia.html> (дата обращения: 20.12.2023).

² Данная проблематика впервые была подробно представлена монгольским ученым О. Шагдарсүрэн в его диссертационной работе в конце 70-х годов XX в., изданной в виде монографии в 2005 г. в Улан-Баторе, в русском переводе в 2011 г. [Шагдарсүрэн, 2011].

набазара вплоть до самого Чингисхана (в частности, см. архивные документы: [Шинээр олдсон..., 2011] (рис. 1).

Итак, Ундур-гэгэн Дзанабазар был потомком младшего сына великого хана Толуя (1193–1232), который, согласно монгольской традиции, наследовал территории Великой Монгольской империи (монг. Их Монгол Улс). Среди предков Богдо-гэгэна I были также: сын Толуя Хубилай-хан (1215–1294), основатель империи Юань (1271–1368), Тогон-Тэмур (1320–1370), последний из императоров Юань, а также прославленный в монгольских преданиях Бату-Мунхэ Даян-хан (1464–1543)³. Исторически важно, что Дзанабазар приходится правнуком Абатай-хану (1553–1586), который возродил буддийскую традицию в Орхонской долине после ее долгого забвения. В год Огненной Собаки 10-го рабджуна (1586 г.) он воздвигает буддийский монастырь Эрдэнэ-дзу. Место строительства было испрошено у Далай-ламы, который назвал благоприятным местоположение некоего древнего города и восстановление там старого буддийского храма. Эрдэнэ-дзу был построен в пределах Каракорума (Хар-хорина) или Джане, бывшей столицы Монголии при Угэдэй-хане (1186–1241), не вдалеке от местоположения Хар-балгасуна, еще более древнего центра Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Абатай-хан был также родоначальником правителей Центральной Монголии, его сын Эрэхэй Уйзэн-нойон стал первым Тушэту-ханом, правителем Халхи (рис. 1). Следующим правителем был отец Дзанабазара Тушэту-хан Гомбодорж. Обязанности светского правления Халха-Монголии перешли к Богдо-гэгэну после кончины его старшего брата Чимитдоржа в 1698 г.

Не менее значима вторая составляющая феномена Ундур-гэгэна Дзанабазара, которая выводит его на международный уровень, — наследование духовной буддийской преемственности, в которой есть представители разных регионов Индии, Тибета,

³ Его историческая эпоха была освещена в известном художественном фильме в 4 частях «Мандухай-сэцэн хатун». Мандухай взрослой женщиной официально вышла замуж за 8-летнего наследника великоханского престола для сохранения этой преемственности. Однако Дзанабазар был потомком Даян-хана не от ханши Жимсгэнэ, его третьей, младшей, жены.

Шри-Ланки, Бутана и Монголии на более чем 2500-летнем временном промежутке. Вопрос связан с перевоплощением просветленного сознания (тиб. *sprul sku*, монг. *qubilγan*), восходящего к историческому времени принца Гаутамы из рода Шакьев (V в. до н. э.). Официальное признание самыми авторитетными учеными Гелуг Панчен-ламой IV Чойкьи Гьялценом (1570–1662) и Далай-ламой V Нгаванг Гьяцо (1617–1682) монгольского юноши Г. Дзанабазара воплощением Гунга Нингбо Джецун Таранатхи означало признание его воплощением Сувишудха Мати, непосредственного ученика Будды Шакьямуни, а также еще целым рядом известных адептов. Так, Богдо-гэгэн I считается 16-м (по другой версии 15-м) физическим проявлением просветленного сознания. Далай-лама V в своем дневнике будет называть Дзанабазара не иначе как тулку Жамьян цорже-ламы (тиб. *jam dbyangs chos rje bkra shis dpal ldan*; монг. Жамьян цорж Дашбалдан 1379–1449), который был основателем крупнейшего монастыря-университета Дрепунг с 1416 г. в Тибете⁴, где и поныне обучаются представители школы Гелуг.

Письменные источники, связанные с биографией Дзанабазара, дают некую вариативность списков его предыдущих воплощений. Например, «Джатака Джебцзун-Дамба-ламы», написанная квадратным письмом Дзанабазара, содержит 15 имен, включая Таранатху [Бямбаа, 2005]. Джатаки — это рассказы о разных жизнях, или воплощениях просветленного существа в разные исторические периоды. Есть книга на монгольском языке, которую в обиходе называют «Молитва звеньям перерождений» (монг. *töröl üye-yin jarbiral*). Для ее создания, очевидно, использовались тибетские тексты джатак Тарантхи «Джатака мала сугитикатха». То есть начало истории Дзанабазара восходит к временам Будды Шакьямуни, когда среди его первых учеников был монах, монголы называют его Маш тийн аригун оюунту (санскр.

⁴ Автобиографический текст-хроника Великого Пятого, как принято называть Далай-ламу V, записывался им как дневник, в хронологическом порядке отражавший все текущие события в Потале и Тибете [The Illusive Play..., 2014].

Suviśuddhamati; тиб. Shin tu blo gros rgyal mtshan, Лодой Ганден Намдак; монг. Maši tein arigūn oyo-tu).

Линии перерождений посвящены не только тексты, но и изображения, рисованные на полотне, бумаге, тисненные на глине, металле, ткани, скульптурные в глине, металле, папье-маше и т. д. Например, на монгольской тангка XVII в., авторство которой, на мой взгляд, должно быть отнесено самому Дзанабазару. Он изображен в верхнем левом углу, сидит на коврике и белом облаке, в монашеском одеянии (тричивара). Плечи и голова прикрыты концом накидки. Справа от него видна корзина-питака с крышкой — символ собрания текстов буддийского канона (Трипитака). Вокруг головы нимб бледно-зеленого цвета с золотыми кругами (подробное описание тангка см.: [Сыртыпова, 2022, с. 163–173]).

Согласно источнику «Джатака мала сугитикатха» (тиб. skyes pa'i rabs kyī phreng ba legs brjod pa'i gdam; монг. töröl üye-yin jarbiral), Дзанабазар стал 16-м воплощением одного из непосредственных учеников Будды Шакьямуни. В названном трактате представлена вся линия преемственности:

1. Сувишудха Мати — Лодой Ганден Намдак (санскр. Suviśuddhamati, монг.: Maši tein ariḡūn oyo-tu;). О нем нам мало известно.

2. Пандита Барбаи цово (тиб. 'Bar ba'i gtsog pa, монг. Бадрангуйн эрхэн). В «Джатаке» квадратного письма Дзанабазара на монгольском языке сообщается, что Барабаи-цово жил в Индии во времена Нагарджуны (около II в. до н. э.) [Бямбаа, 2005, с. 74]. На тангка он изображен с бородой и усами, большими круглыми глазами, в монашеской красной одежде, сидит в свободной позе на красно-желтом коврике, держит в левой руке книгу бодхи. За спиной видна корзина-питака. У головы нимб красного цвета.

3. Махасиддха Кришначарья (санскр. Mahāsiddha Kṛṣṇācārya; монг. ye-ke ši-di-tü Ka-la-sa-ra-ya; тиб. grub chen Nag po spyod pa) значится в монгольских списках третьим воплощением, а в тибетском тексте — вторым. В монгольской джатаке сообщается, что он воплотился одним из 84 махасиддхов Индии, достиг мастерства в разных видах сиддхи и прославился под именем Кришначарья [Бямбаа, 2005, с. 74]. На тангка изображен в позе тан-

трического танца, в красной набедренной повязке, с длинными черными волосами, часть которых убрана на затылке в пучок косяной заколкой, держит в руках дамару и трезубец, над головой зонтики в пять этажей и гьялцены.

4. Махаратна (санскр. mahāratna; тиб. Ratna chen po; монг. ye-ke Rat-na). Монгольская джатака говорит, что в данном воплощении Их-Ратна родился в знатной царской семье и много помогал живым существам [Бямбаа, 2005, с. 74]. В монгольской джатаке сообщается, что мать отнесла его в младенческом возрасте на благословение Атише, который в то время прибыл в Тибет, и Атиша признал его воплощением индийского ученого Калачарьи (Кришначарьи). В дальнейшем он перевел на тибетский язык очень много текстов, вошедших в состав буддийского канона Кангьюра и Тенгьюра. Стал известен как пандита Куннаре Дхармабхадра [Бямбаа, 2005, с. 74; rong zom, л. 2a-2r].

5. Дхармабхадра (санскр. Dharmabhadra; монг. Dar-ma-ba-da-ra; тиб. Rong zom chos bzang) — пятое воплощение, согласно монгольскому списку, и ему посвящен четвертый раздел в тибетском собрании «Восхвалений...». Родился он в местности Ронг (Бутане) во времена Атиши (982–1054).

6. Дхармаванчуг (тиб. Dar ma dbang phyugs, 1079–1153). Монгольская джатака говорит, что Дхармаванчуг был шестым воплощением, стал последователем выдающегося тибетского ламы Гампопы. Обладал всевозможными сиддхи. Например, согласно легенде, однажды он сложил свой деревянный посох словно тонкую травинку для того, чтобы не пугать собак, которые сильно лаяли из-за этого. На тангка он сидит на коврике, в красном монашеском одеянии, над головой красный нимб в золотом кольце. Большие глаза, высокий нос, черные коротко стриженные волосы.

7. Осербал (тиб. 'Od zer dpal, монг.: Ge-rel-cog-tu, XII–XIII вв.) — седьмое воплощение, был учеником сакьяского мастера Дагва-Гьялцена (1147–1216). Монгольская джатака говорит, что Авадхути, будучи преисполнен знаний, оставался очень скромным, ушел в горы для уединенной практики. Когда сакьяский Дагважалцан сказал, что ему пора стать наставником, он ответил, что еще не готов, ему нужно еще поучиться перед тем, как учить дру-

гих. Вскоре он ушел в нирвану, и когда сняли его капалу, обнаружили внутри черепа четкий рисунок мандалы Чакрасамвары, словно он был выгравирован. Поэтому он известен как блистательный мастер Авадхути. На тангка изображен с длинными волосами, часть которых убрана в высокий узел, скрепленный костяной заколкой, и часть спущена локонами на спине.

8. Луу дагуту (тиб. 'Brug sgra rgyal mtshan; монг. Lō da-go-to do-ja) — восьмое воплощение, известен под именем Драконогласого. Монгольская джатака рассказывает его историю. Родился он в Тибете, в местечке Жанг, плодотворно занимался практикой Ямантаки. Однажды решил посетить Лхасу, чтобы поклониться в храме Большого Будды. Когда он уже собирался вернуться домой, одна из статуй храма заговорила с ним и сказала, что ему надлежит отправиться в местность Нял. Прибыв туда, остановился в доме на окраине, где жила некая женщина. Стал варить себе чай, увидел в углублении лист растения, достал и проткнул иглой. Тут прибежала хозяйка с кровоточащим лицом и стала причитывать, что ее вины нет, напрасно он ее убивает. Лама вновь проткнул иглой лист, кровь с ее лица лилась потоками, хотя у нее не было ран, и спросил: если она не виновна, то кто? Женщина отвечала, что исполняет повеления хозяина, который пребывает на западной стороне, и приходит он, когда солнце клонится к закату. Лама стал ждать, созерцая Ямантаку. В сумерках пришел чело-век и стал приближаться к ламе, лама взмахнул мечом, рассек его на части, стащил кожу целиком и сделал из нее мешок-тулум. Не прошло и года, как та женщина умерла. С тех пор люди той местности стали жить в благоденствии и радости, а он известен как Самбуце Жанг — Драконогласый стяг. На тангка сидит молодой красивый мужчина на белой шкуре мифического чудища. У него широкополая шляпа знатного ламы, красивые шелковые одежды и длинные волосы, локонами спущенные по плечам.

9. Ньечен Гьялло (тиб. Sang rgyas ras chen, монг. Bor-gaṇ ye-ke buṣ-tü) — девятое воплощение, родился в Тибете, реализовал ясное понимание шуньяты, обрел всевозможные сиддхи. О нем говорили, что в жару мог носить шубу и теплые одежды, а в лютую стужу легкую рубашку, при этом испускал жар от тела. Просла-

вился как Царь ньенов, великое божество. На монгольской тангка изображен человек в ламской красно-оранжевой одежде, на голове высокий головной убор, руки на уровне сердца в жесте поворота учения.

10. Сангабадра (монг.: Saṅ-gā-ba-dar). Джатака сообщает, что в этом воплощении он был рожден в Тибете, принес неисчислимую помощь живым существам, глубоко постиг учение Будды, стал истинным украшением своего народа, распространяя знание. Известен под именем Сангха Бхадра. На тангка изображен человек в красно-оранжевых одеяниях, сидящий на коврике, длинные волосы его свободно спущены на тибетский манер, в руках он держит длинную дощечку, или книгу бодхи, и палочку для письма, пишет, склонив голову.

11. Жамьян-цорж (тиб. 'Jam dbyangs chos rje, 1379–1449) — одиннадцатое воплощение, знаменитый тибетский ученый, которого монголы называют Жамьян-цорж. В этом воплощении он родился в Тибете, постиг невероятное количество сутр, знал их наизусть, передавал учение множеству слушателей, так что они постигали его глубоко и достигали реализаций. Имя ему было дано за глубину его знаний самим Богдо Цонкапой, собственное имя его Дашибалдан (тиб. bkra shes dpal ldan). Он основал монастырь Дрепунг, такой вот был удивительный ученый. На тангка изображен в ламском одеянии, островерхой шапке гелугпа. Детали, к сожалению, невозможно различить из-за шелушения краски.

12. Чойки Нинжед (тиб. Chos kyī nyin byed, монг. Coi-gyī nīn-byed;) — двенадцатое воплощение. Монгольская джатака говорит, что в этот раз он возродился в Сингалии (Шри-Ланка), превосходно овладел пятью великими науками и стал пандитой. Дал клятву бодхисаттве Авалокитешваре помогать живым существам, поэтому очень много проповедовал и помогал живым существам в Китае, где и умер. Прославился как ученый. На монгольской тангка он изображен слева, вторым снизу. Это человек в монашеской юбке-антарвасаке, с обнаженными плечами, накидка слегка прикрывает лишь левое плечо, он сидит на коврике, в правой руке держит длинную книгу бодхи, левая в жесте дарования за-

щиты и бесстрашия (абхая мудра). Рядом с ним стоит большая зеленая корзина-питака, символ канонического собрания буддийских текстов (Трипитака).

13. Гунга Долчог (тиб. *Kun dga' grol mchog*, монг. *Gün-ge-sgrol-ṣog*, 1507–1566) — тринадцатый в списке. Согласно монгольской джатаке, он родился на окраине Тибета, в местности Гири. В настоящее время это королевство Мустанг на границе Непала и Тибета. Обучался он в Центральном Тибете, достиг очень больших результатов и реализовал всяческие сиддхи. Он получил прямую передачу Шести учений дакини Нигумы в своих видениях и стал продолжателем ее традиции. Относился к школе Джонанг и был 24-м настоятелем монастыря Джонанг в течение 20 последних лет своей жизни [*Kun dga' grol mchog*, 1982]. На тангка изображен на правой стороне сидящим на желтом коврик в красно-оранжевом ламском одеянии, в левой руке держит сосуд-бумбу. Голова прикрыта концом монашеской накидки.

14. Гажидсажон или Рамагопала (монг. *Ga'a-byed-sa-sgyong*; тиб. *Dga' byed sa skyong*) или Рамагопала (санскр. *rāmagopāla*; тиб. *Dga' byed sa skyong*, 1567–1574) — четырнадцатое воплощение. Он изображен в нижнем левом углу тангка, одет в светское платье, у него желтый халат, белая с золотым узором накидка, красные сапожки, сидит в свободной, отдыхающей позе (раджасана). О царском статусе свидетельствует золотая корона на голове. По свидетельству Д. Тэмпелмэна, Рамагопала был одним из последних буддийских сиддхов Индии, его имя содержится в жизнеописании Таранатхи как о его предыдущем воплощении [Templeman, 1992, p. 33–56]. В монгольской джатаке Джебцзун-Дамба-ламы, написанной квадратным письмом Дзанабазара, говорится, что Гажидсажон был из рода известных раджей (монг. хаан) и за 8 лет жизни совершил столько праведных дел, на сколько другим потребовалось бы 100 лет, и потому рано ушел в нирвану [Бямбаа, 2005, с. 75].

15. Таранатха (тиб. *Kun dga' snying po bkra shis rgyal mtshan*, монг. *Gün-ga's ŋiŋ-bo-gra-ṣes-rgyal-čan*, 1575–1634) — пятнадцатое воплощение, изображен в нижнем правом углу. Он сидит в свободной позе на шкуре белого леопарда, удерживает рукой

стебель лотоса, распутившийся бутон цветка расположен над его левым плечом, на нем лежит книга бодхи. Одет как монах, плечи и пояс прикрыты желтой накидкой, босые ступни видны из-под юбки, на голове островерхая красная шапка традиции Джонанг. Монгольская джатака сообщает, что Джебзун Гунга Нинбо Таши Гьялцен Долви Гомбо Таранатха родился в Тибете, в местности Бранпу, его прапрадеда звали Сэнгэ-Балдан, прадеда Жамьян-Лодой, деда Цултэм-Намгьял. Он был четвертым, самым младшим, сыном в семье, мать звали Намьял-Пунцог, отца — Дорж-Бууга. Отцу было 49, а матери 19 лет, когда родился Джебзундамба, был 8-й день последнего летнего месяца в год свиньи, стихии дерева. Отец в момент его рождения произнес благословение, чтобы он стал великим ученым и ясно помнил свои предыдущие воплощения. Принял пострижение в возрасте 8 лет и постепенно стал одним из самых знаменитых учителей Тибета. В возрасте 49 лет (в 1615 г.) он основал монастырь Дагдан. Скончался в возрасте 61 года в 1634 г. [Бямбаа, 2005, с. 75–76].

16. И наконец, в 1635 г. (год Дерева-Свиньи, 11-го рабджуна), 25-го дня 9-го лунного месяца в семье халхаского Тушэту-хана Гомбодоржа и его жены Ханджамц в местности Усун-зуйл Тушэтуханского аймака родился сын, которого нарекли Дзанабазаром (санскр. *jñāna vajra*, старомонг. *janabašar*), а его дядя Шолой-махасамади Гэгэн-Сэцэн-хан (1577–1652), пораженный необычными данными ребенка, даровал ему свой титул Гэгэн, что значит Просветленный [Зая-пандита, с. 8; Зава Дамдин, с. 182].

Традиция перевоплощений Джебзундамба-хутухты в тибето-монгольском буддизме сохраняется с XVII в. по настоящее время — в XXI в. Есть еще один тип культовых изображений в буддизме Монголии, в котором совмещены предшественники и преемники духовной линии Дзанабазара. К уже перечисленным образам добавляются иконки остальных воплощений Богдо-гэгэна. Такие изображения чаще всего встречаются в рельефном исполнении по металлу (рис. 3) или папье-маше (рис. 4).

Верхняя часть барельефа посвящена предыдущим воплощениям Дзанабазара. Нижний ряд составляют семь последующих воплощений — от Джебзундамба-хутухты Второго (монг. Лувсан-

дамбийдонмэ, 1724–1757) до Восьмого (тиб. ngag dbang blo bzang chos kyi nyi ma bstan 'dzin dbang phyug, 1869–1924). Монголами по происхождению были сам Дзанабазар (1635–1723) и Богдо-гэгэн II Лобсан Дамби Донме, остальные были тибетцами.

Первому Богдо, Ундур-гэгэну Дзанабазару принадлежит заслуга создания собственно монгольской культовой буддийской системы: 1) формирование актуального буддийского пантеона, определение ключевых для монголов культов (Ваджрадхары, Ваджрасаттвы, Будд пяти семейств, Майтрейи, Амитаюса, 21 Тары и т. д.); 2) формирование ритуальной системы с собственными акцентами, методикой, структурой исполнения; 3) создание образовательной системы — буддийских университетов по типу тибетских монастырей и индийских вихар с философской школой; 4) создание собственного художественного стиля буддийского искусства в архитектуре, живописи, скульптуре и т. д.

Портреты Ундур-гэгэна Дзанабазара изготавливаются как культовые образы в пяти иконографических типах: 1) нирманакайя Будды Ваджрадхары, в ламском одеянии с ваджром и колокольчиком (рис. 4); 2) в одеянии Богдо-гэгэна с чашей, наполненной белой пищей и с четками; 3) с ножом, отрезающим кусок баранины (рис. 5); 4) с вазой нектара долголетия; 5) проповедующим учение, держа книгу в левой руке. Такие экземпляры часто можно видеть на храмовых и семейных алтарях, во многих музеях и частных собраниях.

Тиражированные образы разных воплощений Богдо-гэгэна встречаются как в групповом, совместном, их собрании, так и в серийных вариантах отдельных портретов в самых разных технологических способах и в разных типах материалов. Это могут быть рисованные тангка, вышитые тангка, аппликации, скульптурные фигурки из глины, металла, папье-маше, фарфора, современных материалов. Много образов Богдо-гэгэна разных воплощений можно обнаружить как в храмах, так в частных коллекциях (рис. 4, 5, 7, 9). На выставке, состоявшейся в конце сентября 2023 г. в монастыре Гандантэгченлин, были представлены работы современного монгольского ма-

стера по фарфору Х. Хадхуу, известного в народе как Шаазан Хадаа (рис. 6, 8).

Культ Богдо-гэгэна выражается также в издании собраний сочинений — сумбумов (тиб. *gsung 'bum*, монг. сумбум) в виде специальных серий на тибетском языке, переводов на монгольский как в старописьменной графике, так и в современной кириллице. Так, известный ученый Р. Бямбаа предпринял переиздание рукописных собраний сочинений всех воплощений Богдо-гэгэна в несброшюрованном, традиционном формате бодхи. Сумбум Дзанабазара издан в формате запазушной книги (монг. *өвөр ном*) на современной бумаге с размером листа 28×9 см, содержит 115 л., сопровождается введением от издателя и списком произведений автора на 8 л. (рис. 10). Г. Мягмарсурэн, директор Института буддийских исследований в монастыре Зуун-хурээ, издал переводы на современный монгольский язык этих же собраний сочинений с факсимильными текстами на тибетском языке (рис. 11).

Об обнаружении 10-го воплощения Богдо-гэгэна было публично объявлено Далай-ламой XIV в марте 2023 г. Юный Богдо-гэгэн Х — сын талантливого математика А. Алтаннара и его жены Н. Мунхнасан, один из братьев-двойняшек: А. Агуйдай и А. Ачилтай. Они оба учатся в светской школе в Улан-Баторе, дополнительно Богдо-гэгэна обучают ламы из монастыря Гандантэгченлин (рис. 12а-б).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранение преемственности воплощений Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты в качестве духовного лидера монголы связывают с сохранением национальной, государственной, религиозной, культурной идентичности и политической состоятельности Монголии как суверенного государства. Учитывая основополагающий вклад в историю Монголии и тибето-монгольского буддизма Богдо-гэгэна I, создавшего образовательную и институциональную систему культового управления преемственности воплощений Джебцзундамба-хутухты, статус и личность каждого последующего воплощения обретает высшую духовную цен-

ность и глубокое символическое значение для всех монголов, и судя по всеобщему трепетному вниманию, это положение сохраняется и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бямбаа Р. *Zanabazaryn Dөрvөлjin Üzeg* [Квадратная письменность Дзанабазара]. Ulaanbaatar, 2005.

Джатака мала сугитикатха. paN+Di ta 'bar ba'i gtso bo'i rtogs pa brjod pa'i yal 'dab sogс (санскр. dza ta ka ma'a la su gi'i ti ka tha; тиб. skyes pa'i rabs kyi phreng ba legs brjod pa'i gtam) // xyl. 366 ff. Национальная библиотека Монголии, Улан-Батор // *Internet Archive Python library 1.8.5. Scanned at the National Library of Mongolia in collaboration with Asian. Classics Input Project and with generous support from Khyentse Foundation. Electronic reproduction.* Cambridge, Mass.: Buddhist Digital Resource Center.

Жиронкина Ю., Кузьмин С., Оюунчимэг Ж. Богдо-гэгэн Х посетил учения Его Святейшества Далай-ламы в Дхарамсале. URL: <http://savetibet.ru/2023/03/10/bogd-gegen-of-mongolia.html> (дата обращения: 30.01.2024).

Зава Дамдин Лувсандаян. *Их Монгол оронд бурханы шашин дэлгэрсэн туух* [История распространения буддизма в Монгольской империи]. Улаанбаатар, 2014.

Зая бандит Лувсанпринлэй. *Живзундамба Лувсанчойжижалцан-богийн ердийн товч намтар* [Краткая биография Джебзундамба Лувсанчойжижалцанпо]. Улаанбаатар, 1995.

Өндөр Гэгээний сумбум [Собрание сочинений Ундур-гэгэна Дзанабазара / пер. с тибетского Г. Мягмарсурэна] (орчуулсан Г. Мягмарсурэн). Улаанбаатар, 2018.

Сыртыпова С.-Х. Д. *Код Дзанабазара (1635–1723): монгольский стиль и кочевническая эстетика в буддийском искусстве Ваджраяны.* М., 2022.

Шагдарсурэн О. *Биология пастбищных животных и особенности кочевого скотоводства Монголии* /пер. с монгол. яз. Сыртыповой С. Д.) // Труды СРМКБЭ РАН и АНМ. М., 2011. Т. 58.

Шинээр олдсон Халхын дөрвөн аймгийн ноёдын хүрдэн зураг. Түүхийн дурсгалт бичиг [Вновь обнаруженные кругообразные изображения родовых древ ноенов четырех аймаков Халхи. Исторические мемуары]. Боть VIII (Эмх. С. Чулуун, Н. Хатанбаатар). Улаанбаатар, 2011.

The Illusive Play: The Autobiography of the Fifth Dalai-Lama /translated from Tibetan by Samteng G. Karmay). Chicago, 2014.

Особенности внешней политики Монголии

Аннотация. В статье анализируются этапы развития современной концепции внешней политики Монголии, формирования ее правовой основы и изучаются особенности внешней политики Монголии. На основании анализов основных правовых документов внешней политики Монголии описываются ее отношения с традиционными соседями, политика «третьего соседа» и другие основные направления.

Ключевые слова: внешняя политика Монголии, виды партнерства, сбалансированные отношения, многовекторная политика, многостороннее сотрудничество, безъядерный статус

Унубилэгт Дэлгэрцэцэг, аспирант Дипломатической академии МИД России, советник-посланник Посольства Монголии в Российской Федерации.

E-mail: bolgoogch@hotmail.com

ORCID: 0009-0002-5420-2428

D. Unubilegt

Features of the foreign policy of Mongolia

ABSTRACT. The article analyzes stages of development of the modern concept of Mongolian foreign policy, the formation of its legal basis. The article also studies features of Mongolian foreign policy. Based on the analysis of the main legal documents of Mongolian foreign policy, Mongolia's relations with traditional neighbors, the policy of the «third neighbor» and other main directions are described.

KEY WORDS: foreign policy of Mongolia, types of partnership, balanced relations, multi-vector policy, multilateral cooperation, non-nuclear status

UNUBILEGT DELGERTSETSEG, Postgraduate Student at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Minister-Counselor of the Embassy of Mongolia in the Russian Federation. E-mail: bolgoogch@hotmail.com
ORCID ID: 0009-0002-5420-2428

В нынешнем столетии значение партнерских отношений для народов мира продолжает возрастать. Текущие события на международной арене показывают, что внешняя политика одной страны влияет на региональные и, возможно, на глобальные обстоятельства и процессы, в связи с чем во всех сферах международных отношений и сотрудничества все больше растет значимость взаимосвязи между странами и требуется тщательная координация внешней политики. Соответственно, необходимо признать важность всестороннего и ответственного подхода стран к любым принципиальным международным вопросам, в первую очередь связанным с поддержанием и укреплением мира и безопасности.

Монголия в настоящее время не только является равноправным членом мирового сообщества, но и проводит активную внешнюю политику, основанную на международном мире и безопасности, демократических ценностях общества. Монголия считается признанным партнером в мире, что является успехом и достижением нашей внешней политики за прошедшее столетие.

Монголия по сравнению с многими другими странами мира имеет некоторые географические особенности, связанные с ее территорией, географическим положением и геополитическим окружением. Наряду с тем, что она граничит с двумя ведущими мировыми державами с точки зрения экономики, военного потенциала, демографических факторов и других возможностей, она окружена двумя влиятельными крупными регионами Евразии: Северо-Восточной Азией и Центральной Азией. Эти географические обстоятельства оказывают значительное демографическое, политическое, экономическое и культурное влияние. Кроме того, Монголия находится на пересечении основных ци-

визаций: православной славянской, восточного конфуцианства, исламского мира и традиционного буддизма. Вместе с этими географическими условиями и факторами благодаря влиянию современных технологий и мягкой силы в страну проникают элементы западной культуры и, таким образом, переформируется традиционный уклад общественной жизни.

Геополитический контраст этого пространства требует от нас многостороннего, дальновидного и своевременного подхода к выстраиванию внешнеполитического курса.

В связи с окончанием «холодной войны» и распадом Советского Союза в начале 1990-х годов возникла необходимость коренного изменения внешней политики Монголии. В 1992 г., когда Монголия утвердила свою новую конституцию и согласно ее основным принципам начала проводить новую политическую и социально-экономическую линию, был утвержден ряд документов, определяющих основы государственной политики в области национальной безопасности, внешней политики и обороны. Соответственно, курс новой внешней политики Монголии берет свое начало с Конституции 1992 г., где отражено, что Монголия должна проводить внешнюю политику, придерживающуюся общепризнанных международных принципов и норм [Конституция Монголии, 1992, ст. 10].

Общая обстановка, когда была разработана и утверждена первая концепция внешней политики в 1994 г., была уникальной, поскольку это было время формирования новой системы международных отношений во многих регионах мира. Социалистическая система, частью которой мы были, распалась, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) был распущен, и советские войска покинули Монголию. Словом, внешнее положение Монголии резко изменилось, и появилась необходимость поиска нового механизма защиты и обеспечения гарантий национальной безопасности и суверенитета, и во внешней политике появились новые цели, принципы, направления и новые механизмы принятия решений. Также необходимо было определить пути развития отношений с двумя непосредственными соседями — Россией и Китаем — в условиях новых сложившихся обстоятельств. Вместе с тем в направ-

лении развития демократических ценностей и рыночных отношений Монголия начала выстраивать тесные взаимоотношения со странами дальнего и ближнего зарубежья, такими как США, Англия, Германия, Франция, Япония и Корея. Таким образом, комплексно сумев отразить все направления, первая Концепция внешней политики Монголии от 1994 г. завершила историю одной эпохи развития и начала историю новой внешней политики нашей страны [Концепция внешней политики Монголии, 1994].

Прежде всего, согласно первостепенным направлениям новой внешней политики Монголии, были заключены новые договоры с Россией и Китаем. Так, с Российской Федерацией в 1993 г. был заключен «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве», а в 2009 г. — «Договор о стратегическом и всеобъемлющем партнерстве». В них отражено обоюдное намерение развития равноправных отношений. С Китайской Народной Республикой в 1994 г. был заключен «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве», а в 2011 г. — «Договор о стратегическом партнерстве» [Концепция внешней политики Монголии на 20 лет, 2011]. Кроме того, в рамках политики по развитию отношений со странами Европы и Юго-Восточной Азии началась реализация политики «третьего соседа». В соответствии с принципом неприсоединения к любым военным и политическим объединениям Монголия стала членом Движения неприсоединения и объявила себя зоной, свободной от ядерного оружия.

Таким образом, согласно этой Концепции внешней политики ввиду вышеназванных обстоятельств Монголия начала проводить новую, «многовекторную» внешнюю политику, основой которой являются сбалансированные отношения как с соседними Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, так и с «третьими соседями».

Понятие «третий сосед» связано с визитом госсекретаря США Дж. Бейкера в Монголию в 1990 г. Тогда он сказал, что «...даже если у вас есть только два соседа, вы можете иметь добрососедские отношения с тремя большими странами, в том числе с Соединенными Штатами». Для осуществления масштабных реформ в политической, социальной и экономической сферах для Мон-

голии стала очень важной помощью и поддержка всего внешнего мира, а не только ее двух ближайших соседей.

В Концепции внешней политики Монголии 1994 г. в п. 2 ст. 1 подчеркивалось, что независимость и суверенитет страны обеспечиваются путем «...поддержания дружественных отношений со всеми странами..., в том числе путем формирования сети отношений с региональными и мировыми влиятельными державами, разделяющими политические, экономические и иные интересы...». Также закрепление в п. 2 ч. 12 ст. 2 в качестве второго направления внешней политики развития отношений и сотрудничества с «...развитыми державами Запада и Востока, такими как США, Япония, Германия», стало объявлением политики «третьего соседа», при этом само понятие упомянуто не было.

С бурным развитием экономических и рыночных отношений после 2000-х годов во внутренней и внешней среде Монголии стали наблюдаться значительные изменения, и в целях адаптации к новым условиям, сохранения единства и преемственности своей внешней политики и укрепления многосторонней внешней политики было принято решение сформулировать новую концепцию внешней политики в 2011 г.

Сохраняя преемственность предыдущей концепции в определении первостепенной задачей внешней политики Монголии поддержание дружественных отношений с Россией и Китаем, новая редакция предусматривает намерение Монголии развивать со своими непосредственными соседями всестороннее сотрудничество в духе добрососедства [Концепция внешней политики Монголии, 1994]. Вместе с тем в рамках политики «третьего соседа» новая редакция впервые конкретно отражает намерение нашей страны в расширении и развитии партнерских отношений и сотрудничества с США, Японией, Евросоюзом, Индией, Республикой Корея и Турцией [Концепция внешней политики Монголии, 2011]. Такие четкие формулировки стали существенными изменениями в новой концепции внешней политики.

В целом, согласно этому основополагающему документу внешней политики Монголии, целью является поддержание дружественных отношений со всеми странами мира, развитие

отношений и сотрудничества в политической, экономической и других областях, укрепление своих позиций в международном сообществе, укрепление независимости и суверенитета страны путем ускорения своего развития. Кроме того, документ декларирует, что «приоритетом внешней политики является обеспечение безопасности Монголии и основных национальных интересов в рамках международного права с помощью политико-дипломатических методов», «Монголия проводит мироориентированную, открытую, независимую и многостороннюю внешнюю политику». Считаем, что при переходе к многопартийной системе и соблюдении плюрализма внешняя политика страны должна быть крайне организованной. С этой точки зрения многовекторность внешней политики, открытость к экономической внешней политике, развитие взаимовыгодного сотрудничества стали главными принципами в наших отношениях с внешним миром.

В вопросе о развитии двусторонних отношений исследователь Ц. Батбаяр определил, что Монголия развивает свои партнерские отношения со всеми странами мира в зависимости от содержания двусторонних отношений на следующих четырех уровнях:

1. Отношения стратегического партнерства (Россия, Китай, Индия, Япония, США, Южная Корея).
2. Всесторонние партнерские отношения (Германия, Турция).
3. Обширные партнерские отношения (Канада, Австралия, Казахстан).
4. Партнерские отношения (другие страны) [Концепция внешней политики Монголии, 1994].

Монголия развивает стратегическое партнерство или партнерство самого высокого уровня с Российской Федерацией с 2009 г. (в 2019 г. мы заключили Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией), с Китайской Народной Республикой с 2011 г., с Японией с 2010 г. и с США с 2019 г. Эта форма партнерства обозначает самый высокий уровень отношений между двумя странами и предусматривает: установление долгосрочных, стабильных и доверительных отношений, частые взаимные визиты на вы-

соком уровне; долгосрочные стабильные экономические и торговые отношения, сотрудничество по важным международным и региональным вопросам, взаимную защиту и увеличение инвестиций, заключение соглашения о свободной торговле; интенсивное сотрудничество в сфере обороны путем оказания взаимной военной и военно-технической помощи и помощи в подготовке военных специалистов; углубление отношений и сотрудничества во всех социальных и гуманитарных сферах (культура, образование, здравоохранение и т. д.).

Следующий уровень партнерских отношений, представляющий собой «всеобъемлющее партнерство», Монголия установила с Турцией с 2005 г. и с ФРГ с 2008 г. При этом виде двустороннего сотрудничества Монголия придерживается следующих основных условий: политические отношения на высоком уровне, правовая база в сфере торгово-экономического сотрудничества, взаимная поддержка инвестиций и активное сотрудничество в социальных и гуманитарных сферах, таких как образование, наука, технология, культура и здравоохранение. Сотрудничество в сфере обороны развивается путем обмена информацией и опытом, подготовки специалистов. Поскольку активно развивается сотрудничество во всех сферах, взаимодействие называется всесторонним партнерством.

Монголия развивает «широкое партнерство» с Канадой с 2004 г. и с Австралией и Казахстаном с 2007 г. соответственно. В рамках широкого партнерства на более высоком уровне рассматриваются политические отношения, стороны развивают сотрудничество в отдельных отраслях экономики, начинают развитие отношений и сотрудничества в сферах образования, науки, культуры и гуманитарной деятельности. В перспективе стороны стремятся к развитию отношений и сотрудничества в других областях. «Широкое партнерство» охватывает несколько областей, представляющих взаимный интерес, а не все политические, экономические и социальные сферы.

Общие условия «партнерских отношений» означают, что стороны поддерживают постоянные отношения и развивают равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. Политические

отношения станут регулярными, по некоторым направлениям стороны начнут развивать экономические и торговые связи, усилить связи и сотрудничество в сферах образования, науки, культуры, гуманитарной деятельности. Партнерские отношения являются первым уровнем сотрудничества между двумя странами, и по сравнению с обычными «дипломатическими отношениями» они носят постоянный характер и открывают широкие возможности для будущего сотрудничества в любой области.

Также хочу подчеркнуть, что наши географические соседи с пониманием относятся к стремлению Монголии максимально диверсифицировать свои внешнеполитические и торгово-экономические связи, использовать возможности так называемого «третьего соседа» (включая США, государства ЕС, Японию, Индию, Республику Корея, Турцию и другие страны, не граничащие с Монголией) для решения задач по повышению благосостояния населения¹.

В заключение следует отметить, что Монголия — демократическая страна с уникальным геополитическим положением, находящаяся в открытом общении со многими странами мира. Благодаря гибкой концепции внешней политики и своей активной внешней политике Монголия считается полноправным участником международных отношений и является членом многих международных организаций. На сегодняшний день Монголия установила дипломатические отношения с более чем 190 странами мира. Считаем, что основные принципы и направления концепции внешней политики нашей страны отвечают требованиям уникальности географического положения и современным мировым тенденциям, формулирующим новые вызовы на региональном и глобальном уровнях, с которыми сегодня страны мира сталкиваются.

Монголия и в дальнейшем будет поддерживать сбалансированные отношения с двумя соседними государствами и «третьими соседями», отдавая приоритет своим национальным интере-

¹ Интервью директора Первого департамента Азии МИД РФ Г. Зиновьева.
URL: <https://tass.ru/interviews/18697511> (дата обращения: 15.10.2023).

сам, и продолжать осуществлять стратегическую независимую внешнюю политику.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Конституция Монголии // *Төрийн мэдээлэл (Государственный информационный бюллетень Монголии)*. 1992. № 1.

Концепция внешней политики Монголии // *Государственный информационный бюллетень Монголии*. 1994. № 8.

Концепция внешней политики Монголии на 20 лет // *Государственный информационный бюллетень Монголии*. 2011. № 9.

Концепция внешней политики Монголии от 2011 г. Официальный интернет-портал Министерства иностранных дел Монголии. URL: <https://mfa.gov.mn/en/documentation/55645/> (дата обращения: 15.10.2023).

О письмах Мэрсэ к партийному руководству Внутренней Монголии и МНР, его работе «Современная Монголия» (1929–1930 гг.)¹

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам жизни и деятельности Мэрсэ в 1929–1930 гг. Автор освещает ситуацию, сложившуюся после баргинского восстания 1928 г., анализирует тексты писем Мэрсэ и его соратников в ЦК Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) и ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП), а также ответное послание от ЦК МНРП, датированные началом 1929 г. В работе изучена и научная статья даурского лидера, свидетельствующая о резкой перемене его взглядов на проблему становления и развития МНР. Особое внимание уделено фактам из личной жизни Мэрсэ и его семьи.

Ключевые слова: Мэрсэ, НРПВМ, МНРП, переписка, статья «Современная Монголия»

ЦЫБЕНОВ БАЗАР ДОГСОНОВИЧ, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Республика Бурятия, Российская Федерация.

E-mail: bazar75@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0404-7207

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241–1).

On Merse's letters to the party leadership of Inner Mongolia and the Mongolian People's Republic, and his article "Modern Mongolia" (1929–1930)

ABSTRACT. The article is devoted to some aspects of the life and activities of Merse in 1929–1930. The author studied the situation in Mongolia and Hulun Buir after the Barga uprising of 1928. He analyzed the texts of letters from Merse and his associates to the Central Committee of the Inner Mongolia People's Revolutionary Party of (IMPRP) and the Central Committee of the Mongolian People's Revolutionary Party (MPRP), a response letter from the Central Committee of the MPRP, dated early 1929. The article studied also the scientific publication by Merse, indicating a change in his views on the formation and development of the Mongolian People's Republic. The author also examined facts of the personal life of Merse and his family.

KEY WORDS: Merse, IMPRP, MPRP, correspondence, article "Modern Mongolia"

TSYBENOV BAZAR DOGSONOVICH, SC. D. (Hist.), Associate Professor, Senior Scientific Researcher, Department of History and Culture of Central Asia Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova Street, 6, Russian Federation.

E-mail: bazar75@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0404-7207

Как известно, восстание в Барге (Хулун-Буире) в 1928 г. завершилось поражением, повлекшим серьезные перемены в жизни его организаторов и активных участников. В МНР начались репрессии против виновных лиц, были арестованы и спустя некоторое время расстреляны Эрхимбато и Нимажав. В выявлении виновных деятельное участие принял Х. Чойбалсан, на тот момент главнокомандующий МНРА [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14;

Базаров, 2002, с. 63]. Один из организаторов восстания — Мэрсэ — остался в Хулун-Буире, вел переговоры с Чжан Сюэляном и ездил в Мукден (совр. г. Шэньян). По данным С. Г. Лузянина, 14 октября 1928 г. партком Внутренней Монголии направил руководству партии Гоминьдан, находящемуся в г. Нанкин, секретный циркуляр. В нем сообщалось следующее: «В ЦК ГМД. Честь имеем доложить, что по полученным нами достоверным сведениям коммунист Го Даофу (Мэрсэ), исключенный из партии ГМД в июне прошлого года, летом сего года воспользовался тем, что армия вела северный поход, получил приказ III Интернационала и вошел в смычку с коммунистами Внутренней Монголии и Барги... Сейчас Го под давлением обстоятельств внешне подчинился Мукдену, но в действительности за его спиной стоит заговор III Интернационала. Просим Вас дать приказ... Чжан Сюэлян о строгом надзоре за Го Даофу» [Лузянин, 2000, с. 183]. После ряда переговоров Мэрсэ примкнул к Чжан Сюэлян в надежде ликвидировать старую верхушку хулун-буирской знати с его помощью [Кузьмин, 2020б, с. 254]. Затем Мэрсэ был назначен директором созданного в г. Мукдене педагогического училища монгольских хошунов [Dayur 1989, с. 176], или монгольской школы [Кузьмин, 2020б, с. 259]. Как отмечал О. Латтимор, даурский лидер не сразу получил это назначение — сначала он попал на некоторое время в тюрьму за излишний национализм [Дилова-хутухта, 2018, с. 15]. Можно полагать, что Латтимор и Мэрсэ были лично знакомы. В 1920–1925 и 1929–1937 гг. Латтимор совершал командировки по Китаю. В частности, он работал и в разных частях Маньчжурии и востока Внутренней Монголии с 1929 по 1931 г. В этот период (1929–1937) он изучил монгольский язык, написал несколько книг [Гольман, 2004, с. 44; Цогту, 2020, с. 169].

Настоящая работа посвящена изучению двух писем Мэрсэ, адресованных в ЦК Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) и ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП), а также его статьи «Современная Монголия», изданной в 1930 г. в журнале «Pacific Affairs». В работе приведены и некоторые факты из личной жизни политика в эти годы. Сле-

дует заметить, что письма Мэрсэ и другие детали его биографии в изучаемый период освещены в монографии автора «Социально-политическая история дауров» (XX в.) [Цыбенков, 2022, с. 216–221].

Письма Мэрсэ обнаружены нами в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) (Ф. 0111. Д. 399. Папка 132). Они датированы 7 и 8 января 1929 г. Статья Мэрсэ написана на английском языке под именем Куо Тао-Фу (Kuo Tao-Fu), издана в августе 1930 г. в № 3 журнала «Pacific Affairs» (в настоящее время с ней можно ознакомиться на сайте jstor.org в свободном доступе). Статья посвящена изучению революции во Внешней Монголии, движению за независимость во Внутренней Монголии и перспективам развития монгольского народа [Kuo Tao-Fu, 1930, p. 754–762]. Актуальность изучения вышеотмеченных источников состоит в том, что они показывают взаимодействие Мэрсэ с руководством НРПВМ и МНРП после поражения баргинского восстания 1928 г., когда он был объявлен предателем, переметнувшимся на сторону Чжан Сюэяна. В этой работе мы попытались показать через призму переписки Мэрсэ с монгольским партийным руководством и его научной деятельности неожиданную трансформацию его взглядов, произошедшую в изучаемый период.

Изучаемый вопрос нашел отражение в статьях и двухтомном труде С. Л. Кузьмина «Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии» (первая пол. XX в.). Им были изучены аналогичные письма в ЦК НРПВМ и ЦК МНРП, только содержащиеся в Д. 6. Папке 129 АВПРФ [Кузьмин, 2021, с. 341–342]. Можно предположить, что письма Мэрсэ и его соратников могли иметь несколько копий, хранящихся в делах разных ведомств. Письмо членов Хулун-Буирской Баргинской народно-революционной партии (монг. Хөлөнбуйрын Баргын Ардын Хувьсгалт Нам) в ЦК МНРП от 8 января 1929 г. изучено также монгольским историком Г. Мягмарсамбуу. Документ обнаружен ученым в Национальном историческом архиве Монголии (Ф. 7. Д. 1). Его авторы — баргинские революционеры Мэрсэ, Адъябатор, Хас-Батор, Будажав, Батжаргал [Мягмарсамбуу, 2017, с. 161–162]. Наш предварительный сравнительно-сопоставительный анализ показал, что он являет-

ся оригиналом, с которого впоследствии был сделан перевод на русский язык, оказавшийся в фондах АВПРФ.

Обратимся теперь к вышеотмеченным документам, хранящимся в Ф. 0111 АВПРФ.

ПИСЬМА МЭРСЭ И БАРГИНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ,
ОСТАВШИХСЯ С НИМ В ХУЛУН-БУИРЕ,
И ОТВЕТЫ ОТ ЦК МНРП

Как свидетельствуют архивные данные, Мэрсэ продолжал взаимодействовать с членами ЦК НРПВМ в начале 1929 г. Так, в своем письме к Фуминтаю, Эрхимбато и Боширо от 7 января 1929 г. он указывал, что, на протяжении многих лет работая вместе с ними над великим делом Монгольской национальной революции, подорвал здоровье, чувствует сильную усталость и даже ослабление умственных способностей [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 116]. Это согласуется с его биографическими данными, где указано, что зимой 1927 г. Мэрсэ заболел сыпным тифом и вместе с отступающей армией Фэн Юйсяна оказался в г. Нинся, где оправился от болезни [ЦАФСБ. Д. Р-34587. Л. 6 об.]. Далее он отмечал в письме: «...в конце концов не только не смог выполнить дело завоевания свободы для аратских масс, но и не знал, каким образом мне можно было восстановить дружбу со своими братьями. К счастью, вы, товарищи, отнеслись ко мне снисходительно и все мои ошибки и промахи не поставили мне в вину, а наоборот возложили на меня тяжелую ответственность. Благодаря вашему руководству я не отступил от революционного пути, в чем безусловно заключаются ваши заслуги, которые я никогда не забуду. От природы обладая слабым характером и не обладая проницательным умом для постижения всех дел, а также будучи обманут хитроумными уловками извне, я не мог ввести крепкую дисциплину, таким образом, использовав бесполезно имя лидера. Не смог революционное дело аратских масс направить на революционный светлый путь; поэтому моя вина не может заслуживать снисхождения» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 116]. Заметим, что письмо в целом адресовано трем его товарищам — Буян-Гэрэлу (т. е.

Фуминтаю), Эрхимбато и Боширо, — которые находились в руководстве восстания. Поэтому, очевидно, именно с ними в первую очередь Мэрсэ стремился восстановить дружбу.

В действительности же, писал Мэрсэ, «я придаю важное значение тому, чтобы проводить основные задачи сообразно существующим условиям, параллельно используя все возможности и способы. Вы же, почтенные революционные товарищи, настроены решительно и готовы приступить сейчас же к осуществлению поставленных вами задач. В этом случае моя точка зрения будет противоречить вашим убеждениям и на этой почве безусловно у нас будут разногласия. Благодаря тому, что не было единения во взглядах и не удалось объединить общие силы, эти обстоятельства нанесли большое зло революционному делу Внутренней Монголии и Барги. В этом случае я не обвиняю вас, а вина только моя, ибо, по моему мнению, я не сумел поставить как следует руководства» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 117]. Таким образом, Мэрсэ, до конца оставаясь руководителем и, очевидно, предчувствуя жесткую критику и нападки в отношении своих оставшихся в МНР соратников, в письме берет на себя ответственность за провал восстания [Цыбенков, 2022, с. 217].

Мэрсэ также высказал следующее пожелание: «Да послужат мои ошибки и промахи примером (собственно зеркалом, показывающим, что нельзя делать) для будущих вождей революции» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10, Д. 399. Л. 117]. Продолжая критический самоанализ, он в то же время утверждал, что его нельзя упрекать в уклонении от трудностей и заботе исключительно о своем личном благополучии. Здесь не случайно он касается темы личного благополучия. Как известно, Мэрсэ активно включился в политическую жизнь МНР, был членом МНРП, а также был избран ответственным секретарем Центрального совета профсоюзов МНР. Его супругой была Елена Лукинична Пинигина из забайкальского села Новоцурухайтуй. В разгар баргинского восстания, в августе 1928 г., у них родился сын Мигмар. Очевидно, у Мэрсэ и семьи были планы на будущее, связанные с жизнью в МНР. Об этом свидетельствует надпись на обороте фотографии, где записано, что сын сфотографирован на даче в Богдо-Уул, районе,

прилегающем к Улан-Батору [Личный архив автора]. В целом необходимо заметить, что, видимо, именно Мэрсэ подал пример заключения монгольско-русских брачных уз в 20–30-х годах XX в. В понимании монгольских властей тех времен, возможно, это выглядело престижно и в некоторой степени могло способствовать как карьерному росту, так и неформальному взаимодействию с советским руководством. Как известно, спустя некоторое время аналогичным образом поступил и Ю. Цэдэнбал. Сохранились сведения о споре Мэрсэ весной 1928 г. по поводу свидетельства о недосмотре его багажа на монгольско-советской границе. Так, он отметил, что «если у Дамбадоржа жена китайка, то вы ему доверяете и даете охранную грамоту, а мне, Мэрсэ, у которого жена русская, этого сделать не можете» [Кузьмин, 2021, с. 311]. Эти данные, хранящиеся в АВПРФ, косвенно подтверждают наше предположение.

Известно, что Мэрсэ был трижды женат. От первой супруги у него родились три дочери. Поэтому рождение сына от второй жены для него как отца, мечтающего о наследнике, очевидно, было значимым событием. Сын Мэрсэ — Мигмар Александрович Пинигин — был воспитан матерью, достиг больших научных высот, став доктором медицинских наук, профессором Российской академии естественных наук. Находясь в Мукдене, Мэрсэ женился в третий раз, и у него родились два сына и дочь. В июне 2022 г. состоялось наше знакомство с Мигмаром Александровичем Пинигиным; в апреле 2023 г. состоялась встреча сыновей Мэрсэ — Тумэрбату и Пинигина М. А. в Москве. Мигмар Александрович скончался в августе 2023 г., в канун своего 95-летия.

После нашего краткого отступления в сторону изучения личной жизни Мэрсэ вернемся к событиям 1928–1929 гг. Обращаясь к событиям августа — сентября 1928 г., он выявляет следующие причины поражения восстания: 1) не сумели установить тесных связей с широкими массами аратов; 2) не удалось поставить на должную высоту дела по руководству партией; 3) не смогли наладить партийного аппарата. По его мнению, эти недочеты могут способствовать внутреннему разложению и вторичной утрате завоеванной свободы. Поэтому в основу революционной работы

необходимо положить все три вышеупомянутых пункта. Как отмечает Мэрсэ, для установления тесных связей с аратскими массами необходимо наладить руководство партией, чтобы опытные партийные работники вернулись на родину и в полном единении во взглядах и силах приступили к работе [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 117–118].

Из текста письма Мэрсэ выясняется, что он наблюдал в течение последних нескольких месяцев (очевидно, с октября по декабрь 1928 г. — *Б. Ц.*) за деятельностью ЦК НРПВМ, и по его данным, революционные товарищи совершенно оторвались от масс и как будто работают сепаратно. Полагая вполне правильной точку зрения о местонахождении главного комитета по руководству народно-революционной партией в Улан-Баторе, он не согласен с методами ведения революционной работы [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 117–118].

Мэрсэ кратко описывает в письме демократические преобразования, имевшие место в Хулун-Буире в период с октября по декабрь 1928 г.: «После подавления нашего революционного движения до поднятия голубого с белым солнцем флага Гоминьдана, местные работники, работая по линии партии и союза молодежи, сумели организовать союз по развитию монгольского просвещения, союз самообразования Баргинской монгольской молодежи и учреждение (совет) народных представителей Хулун-Буира. Что же касается работы по линии борьбы за завоевание свободы и прав, то пользуясь моментом поднятия синего флага Гоминьдана, организованная баргинская молодежь в количестве более 100 чел., не боясь гнета власти, выступила на улицу г. Хайлар и продемонстрировала свою мощь, возбудив тем самым дзорик (храбрость) народной массы. Кроме того, народные массы под своим руководством проводят на выборах своих представителей. В силу этого, следует сказать, что в Барге имеются налицо значительные возможности для развития народоправства» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 118]. Мэрсэ подчеркивает свое личное участие во всех указанных вопросах, говоря, что ему постоянно угрожала опасность. Но он мало обращал на это внимание, ибо «для осуществления целей партии не следует жалеть своей жиз-

ни» [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 119]. В заключение письма он обращается к своим сподвижникам: «Если же вы, товарищи революционеры, мою ревностную работу не будете рассматривать превратно, то желал бы, чтобы вы все вернулись на родину и приложили все свои усилия к общей работе. Если вы совершенно не разделяете мою точку зрения, в таком случае я прошу совершенно меня освободить от этой работы. И я до конца своей жизни займусь исключительно ученой работой (собственно делом просвещения). Лыщу себя большой надеждой получить от вас, почтенные товарищи-революционеры, мудрый и поучительный ответ. Если же вы меня еще не оставили, полагаю, что вы все-же дадите ответ» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 119]. Неизвестно, был ли дан ответ. К этому времени ситуация вокруг участников баргинского восстания 1928 г. стремительно ухудшалась. Известно, что еще 24 ноября 1928 г. органами Государственной внутренней охраны (ГВО) Монголии был арестован Эрхимбато [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 49], 2 января 1929 г. он был допрошен [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 1–5]. Поэтому, по всей видимости, письмо Мэрсэ так и осталось без ответа [Цыбенков, 2022, с. 219].

Ответ был дан ЦК МНРП в феврале 1929 г. Но это был ответ на обращение Мэрсэ и членов Баргинской аратской партии к ЦК МНРП от 8 января 1929 г. Рассмотрим более подробно это письмо. В начале говорится, что члены партии работали по мере возможности энергично и сознательно в течение нескольких лет под руководством данного Центрального комитета (очевидно, речь идет о ЦК МНРП. — Б. Ц.). И все же быстрое достижение революционных завоеваний в Барге оказалось трудной задачей. Территория Барги расположена на стыке международных интересов. Население ее малочисленно, а благодаря слабости и отсталости находится в руках своих врагов [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 111]. Далее революционеры писали: «...если не удастся использовать удобный момент и ожидать будущего, то не только потеряем революционный пыл, но дойдем до полного национального истощения. Поэтому летом прошлого года мы восстали вместе с аратами, не щадя своей жизни и оставив свои хозяйства. Завершить революцию не удалось, но тем не менее баргинское революцион-

ное движение нашло правильный путь» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 111–112]. Говоря о продолжении борьбы, они обращают внимание на невмешательство Гоминьдана в дело культурного воспитания монгольского народа (Барги. — Б. Ц.) и предоставление возможности объединенной борьбы за освобождение конституционным путем. Слабое вовлечение аратских масс в организационное строительство партии и союза Внутренней Монголии и Барги, неорганизованность революционных сил, по мнению Мэрсэ и его сподвижников, являются причиной управления регионом старыми чиновниками: ванами и гунами, ложно прикрывающимися флагом партии и союза и защищающими свои личные интересы. Поскольку они проводят идею «Монголии» только на словах и продолжают оказывать сопротивление освобождению аратских масс, революционное движение по-прежнему находится в затруднительном положении. Преодоление трудностей возможно лишь посредством улучшения партийного строительства и вовлечения аратских масс [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 112].

Баргинские революционеры (вернее, их часть, оставшаяся с Мэрсэ после баргинского восстания 1928 г. — Б. Ц.) подчеркивают положительные стороны своей работы, выразившиеся в формировании союза молодежи самообразования баргинцев. В обращении говорится, что этот союз стал верным оружием революции и по возможности ведет работу по культурному воспитанию. Таким образом, баргинские араты открыли дальнейший путь в деле освобождения и завоевания независимости [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 112].

В конце письма содержится просьба, изложенная в четырех пунктах: 1) руководить по-прежнему революционным движением Барги; 2) возратить всех членов партии и граждан Барги, находящихся в Монголии, для укрепления революционных сил; 3) отпустить денег в сумме 10 000 тугриков на расходы по строительству партии и союза; 4) снять обложение таможенным сбором (пошлиной) скота баргинских граждан, отправляемого на пастбища в Монголию [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 113].

Обосновывается также необходимость срочного выполнения этих четырех пунктов. В частности, в обращении упомянуто, что

будет обеспечена охрана восточной границы МНР и появится возможность оказать содействие революционному движению Внутренней Монголии, так как китайская политика направлена к захвату не только Барги, но и всей Монголии. Поэтому, как пишут баргинские революционеры во главе с Мэрсэ, «оказание нам помощи будет в интересах защиты монгольского народа... об этом почтенный ЦК (МНРП. — Б. Ц.) знает великолепно» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 113]. Обращение Баргинской аратской партии к ЦК МНРП было доставлено в Ургу Буян-Батором и Эрден-Джапом, командированными в качестве особой делегации на предмет разрешения указанного вопроса [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 113].

В ответном письме ЦК МНРП от 20 февраля 1929 г., направленном к Мэрсэ и Гэрэлту, даны ответы на четыре пункта из их обращения: «1) мы вовсе не отказались (собственно — забыли) быть полезным делу революционной борьбы аратских масс Внутренней Монголии и Барги за национальное освобождение; 2) совершенно (естественно) стараться привлечь аратские массы Барги и ее членов партии и их друзей. Но вопрос о возвращении или оставлении их на месте зависит исключительно от воли указанных аратов и членов партии; 3) так как сметой нашего ЦК (этот расход) не предусмотрен, для нас затруднительно выбрасывать (средства) зря (на воздух). Во всяком случае необходимо стремиться к осуществлению положения, предусматриваемого первым пунктом; 4) мотивов оказания препятствий кому-либо нет, а в зависимости от того, что если эти араты действительно являются кочевниками, по отношению к ним следует поступить сообразно существующего законоположения данного государства и совершенно нет надобности выступать в качестве посредников со своими указаниями» [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 114]. ЦК МНРП также отметил особый интерес к фактам, изложенным до и после четырех пунктов, и подчеркнул, что со своей стороны прилагает усилия к распространению идей национальной революции среди аратских масс Барги и Внутренней Монголии [АВПРФ. Ф. 0111. Оп. 10. Д. 399. Л. 115].

Таким образом, направив письма в ЦК НРПВМ и ЦК МНРП в начале 1929 г., Мэрсэ и его соратники попытались оценить обстановку и настроения в монгольском партийном руководстве. Очевидно, после получения сухого, лаконичного ответа из ЦК МНРП баргинские революционеры, оставшиеся за пределами МНР, сделали выводы о грядущем прекращении финансовой и другой помощи со стороны МНРП и Коминтерна.

О РАБОТЕ МЭРСЭ «СОВРЕМЕННАЯ МОНГОЛИЯ»

Спустя два года после баргинского восстания 1928 г., в августе 1930 г., в журнале «Pacific Affairs» вышла статья Мэрсэ под названием «Современная Монголия». Как известно, в этот период была издана и другая его работа — «Монгольский вопрос». Очевидно, она была написана на китайском языке, поскольку у нас есть следующее ее название: Guo Daofu. Menggu wen ti jiang yan lu: (1929 nian). Nei Mengguo zi zhi Dawoer lishi yu yan wen xue hui yin, 1987. Таким образом, общество изучения истории даурского народа Внутренней Монголии в 1987 г. переиздало его статью. Текст работы на данный момент нам неизвестен.

Обратимся к статье Мэрсэ «Современная Монголия». Имя Мэрсэ в ней обозначено как Kuo Tao-fu, и сама публикация написана на английском языке [Kuo Tao-fu, 1930]. В предисловии он пишет, что «либо Монголия воспринимается как варварская страна, либо как удобное место для избыточного населения Китая» [Kuo Tao-fu, 1930, p. 754]. По его мнению, решения запутанных проблем Монголии никогда не было. По этой причине отношения между Монголией и Китаем перешли от плохого к худшему и в конечном итоге привели к движению за независимость. Анализируя революцию во Внешней Монголии, он приходит к выводу, что в результате усиления колониационной политики маньчжурской династии монгольский народ восстал и в 1911 г. провозгласил независимость Внешней Монголии под руководством Дамбаламы (сокращ. от Джебцундамба-хутухта. — Б. Ц.). Захват власти китайским милитаристом Сюй Шучжэном характеризуется автором как большая ошибка китайцев, вызвавшая огромное него-

дование во Внешней Монголии. Далее Мэрсэ отмечает создание народно-революционной партии Внешней Монголии, провозглашение народного правительства в 1921 г. Им приводятся отличия революций 1911 и 1921 гг., которые выражались в том, что «второе движение за независимость было народным в отличие от первого, которое было движением монгольской знати во главе с Богдо-ханом». Внешняя Монголия, по его мнению, находится не только в состоянии политической революции, но и приступила к революции социальной. Интересны высказывания Мэрсэ о политике Советской России, которая является политикой дружественной помощи, а не эксплуатации. Советские советники, в его видении, — реальная конструктивная сила в восстановлении Монголии. С другой стороны, как пишет Мэрсэ, советская политика за последние 10 лет выразилась в следующем: 1) блокада финансов Монголии; 2) вмешательство в независимые отношения монголов; 3) монополизация внешних связей Монголии. В итоге он приходит к выводу, что Советская Россия строит Внешнюю Монголию в качестве буферного государства для реализации собственных проектов [Куо Тао-фу, 1930, р. 760]. Заметим, что примерно в таком же ключе Мэрсэ рассуждал и в сентябре–октябре 1928 г. В частности, в беседе с южномонгольскими деятелями в Мукдене он отмечал, что «Монголия, притесняемая Японией на юге и Советской Россией на севере, находилась в течение последних нескольких лет в крайне тяжелом положении. Обе названные страны, стремясь выполнить свои честолюбивые планы, пытались завладеть Монголией» [Кузьмин, 2022, с. 200].

В этой же статье Мэрсэ обращается и к движению за независимость во Внутренней Монголии, выделяет три группы: 1) знать; 2) дугуйлан; 3) новая революционная партия, из молодежи. По его мнению, несогласие между собой сделало их пешками, с одной стороны, России, с другой — Японии. В конце статьи Мэрсэ обращается к перспективам монгольского народа. Поскольку, как он пишет, «нация в наше время — это эволюция цивилизации, научные знания, армия, труд, свободный морской порт для торговли», то Монголия не имеет ни одного из них. Поэтому его выводы весьма пессимистичны: «МНР либо присоединится к России,

либо вернется в лоно Китая». Далее он продолжает, что «объединение с китайцами отвечает интересам Монголии (китайцы придерживаются либеральной политики по отношению к более слабым нациям) ... Китай нуждается в монголах (за последние 5 тыс. лет китайцы всегда оживлялись кровью с Севера)» [Куо Тао-фу, 1930, р. 762]. Комментарии, как говорится, излишни. Здесь необходимо учесть, что в этот период (1929 г.) Мэрсэ служил личным секретарем у Чжан Сюэяна. И надо думать, что после поражения баргинского восстания 1928 г., когда так и не дождался обещанной помощи [Кузьмин, 2020а, с. 113], он серьезно разочаровался в искренности намерений и возможностях Коминтерна, советского и монгольского правительств. Впрочем, предстоит еще выяснить, что явилось истинной причиной столь неожиданных выводов Мэрсэ.

Еще одна его статья была посвящена проблеме Хулун-Буира. Известно, что она написана на китайском языке в 1930 г., опубликована в 1931 г. в Шанхае. Рассуждая об историческом прошлом Хулун-Буира, он подчеркивает, как «этот регион, можно сказать, был колыбелью монгольского народа, где началось его рождение и становление». Позже, как он пишет, территория Хулун-Буира стала одной из основ государства Чингисхана и впоследствии была передана его младшему брату Хасару. Данное обстоятельство, по мнению К. Этвуда, не совсем соответствует действительности, поскольку Хулун-Буир часто находился под контролем враждебных монголам Чингисхана татар и его соперника, анды Джамухи [Atwood, 2005, р. 15]. Мы не располагаем полной версией этой статьи Мэрсэ, но полагаем, что в ней содержится информация и по состоянию дел в Хулун-Буире в первой трети XX в. У Мэрсэ, очевидно, имелись и другие научные работы, включая и неопубликованные. Известно, что он, как и другой даурский общественно-политический деятель Цэнд-гун, занимался переводом «Сокровенного сказания монголов».

Мэрсэ, несомненно, был разносторонней, незаурядной личностью, совмещавшей в себе качества политика, педагога и ученого. Осенью 1928 г. он осознал сложность возвращения в МНР, не смотря на то что в Улан-Баторе его ждали соратники по партии

и супруга с сыном. Мэрсэ искренне считал себя революционером, и его устремления были направлены в первую очередь на революционное преобразование Барги (Хулун-Буира). Ареста и даже казни он, очевидно, не боялся, поскольку, как выше отмечено со слов соратников, лично убеждал их, что «для осуществления целей партии не следует жалеть своей жизни». Перейдя на сторону Чжан Сюэляна, Мэрсэ в начале 1929 г. пытается наладить переписку с ЦК НРПВМ и ЦК МНРП, чтобы выяснить настроения, царившие на тот момент в партийном руководстве. Поняв невозможность налаживания прежних доверительных отношений и получения финансовой и любой другой помощи от МНР и Коминтерна, Мэрсэ остается в Северо-Восточном Китае и делает упор на педагогическую и научную деятельность. Можно предположить, что в 1929–1930 гг. сильное влияние на него оказало знакомство с О. Латтимором. Итоги размышлений Мэрсэ о развитии и перспективах МНР выразились в статье «Современная Монголия», в которой отчетливо проявилась трансформация его политических взглядов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- АВПРФ — *Архив внешней политики Российской Федерации*, Москва.
- Базаров Б. В. *Неизвестное из истории панмонголизма*. Улан-Удэ, 2002.
- Гольман М. И. *Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов XX века*. М., 2004.
- Дилова-хутухта Монголии. *Политические мемуары и автобиография перерождения буддийского ламы*. М., 2018.
- Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020а. № 1. С. 100–114.
- Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть II. Переговоры, прекращение восстания и его последствия // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020б. № 2. С. 246–262.
- Кузьмин С. Л. *Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века)*. Т. 1. М., 2021.

- Кузьмин С. Л. *Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века)*. Т. 2. М., 2022.
- Лузянин С. Г. *Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в.: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М., 2000.
- РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*, Москва.
- ЦАФСБ — *Центральный архив Федеральной службы безопасности*, Москва.
- Цогту О. (Акира Оно). *Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев*. СПб., 2020.
- Цыбенков Б. Д. *Социально-политическая история дауров (XX в.)*. Улан-Удэ, 2022.
- Мягмарсамбуу Г. *Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900–1960 он)* [*Регион Барги в истории Монголии: политическая история (1900–1960 гг.)*]. Улаанбаатар, 2017.
- Мягмарсамбуу Г. *Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он)* [*История и этнография Барги. Т. 1. Краткая история Барги (1734–1960 гг.)*]. Улаанбаатар, 2021.
- Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir // *East Asian history*. 2005. No. 30. Pp. 5-22.
- Daγur ündüsüten-ü tobči teüke* [Краткая история даурского народа] / *найураγулан биçикü дүγүγиланγ найураγулaba*; Men Zhidun, Üljeγitü, Bayar. Kökeqota, 1989.
- Kuo Tao-Fu. Modern Mongolia // *Pacific Affairs*. 1930. Vol. 3. No 8. P. 754–762. URL: <http://www.jstor.org/stable/2749827> (дата обращения: 17.06.2019).

Сведения об авторах

БАЛДАНМАКСАРОВА ЕЛИЗАВЕТА ЕШИЕВНА, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.

БАТСАЙХАН ООХНОЙ, доктор исторических наук, Институт международных исследований Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия.

ВОРОНЦОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ, кандидат исторических наук, заведующий Отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

ГРАЙВОРОНСКИЙ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

ДУДИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ, доктор исторических наук, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия.

ЖЕЛЕЗНЯКОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и политической социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

ИГНАТОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ, младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

КАДЫРБАЕВ АЛЕКСАНДР ШАЙДАТОВИЧ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

КУЗЬМИН СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

КУРАПОВА ЕЛЕНА РУДОЛЬФОВНА, кандидат исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив экономики, Москва, Россия.

КУРАС ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Бурятия, Россия.

КУШХОВ БОРИС ХАБИЖЕВИЧ, лаборант-исследователь, аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

МИТРУЕВ БЕМБЯ ЛЕОНИДОВИЧ, младший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Калмыкия, Россия.

НАТСАК ОРГАНА ДОРЖУЕВНА, кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Тыва, Россия.

СЫРТЫПОВА СУРУН-ХАНДА ДАШИНИМАЕВНА, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

УНУБИЛЭГТ ДЭЛГЭРЦЭЦЭГ, аспирант Дипломатической академии МИД России, советник-посланник Посольства Монголии в Российской Федерации.

ЦЫБЕНОВ БАЗАР ДОГСОНОВИЧ, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Бурятия, Россия.

Иллюстрации к статье: Б.Л. Митруев. О печатях
наследника ЧАГДОРДЖАБА и НАМЕСТНИКА УБАШИ

Рис. 1. Печать с монограммой
Калачакры

Рис. 2. Печать Чагдорджаба
с китайской легендой

Рис. 3. Печать из Национального музея Индии

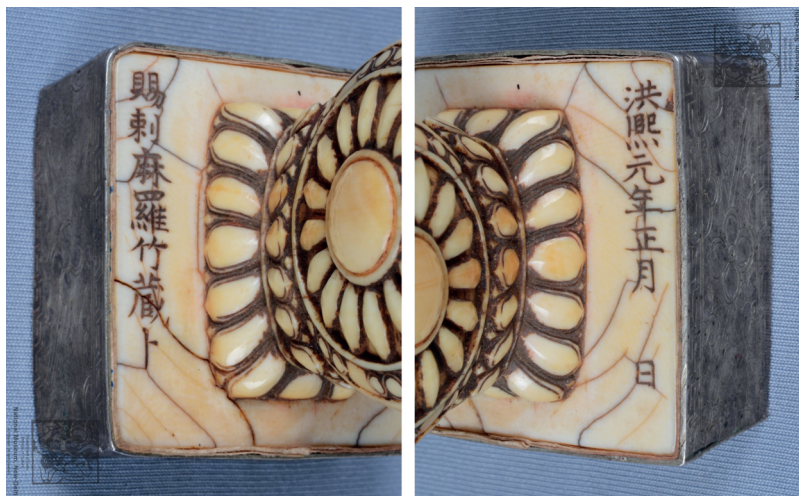

Рис. 4. Надпись на верхней части печати
из Национального музея Индии

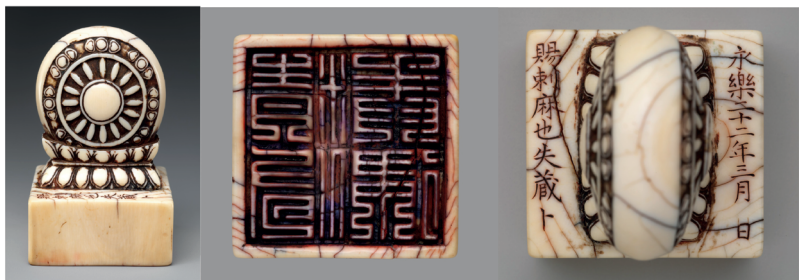

Рис. 5. Печать из музея Метрополитен

Рис. 6. Печать из Музея провинции Ганьсу в Ланьчжоу

Рис. 7. Печать Чогьям Тругпы

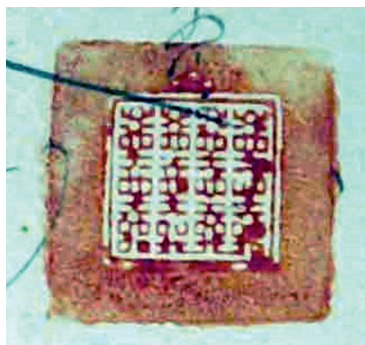

Рис. 8. Вторая печать
наместника Убаши

Рис. 9. Печать
из архива Кунделинга

Иллюстрации к статье: О.Д. Натсак. Женщины в политике и власти современной Монголии

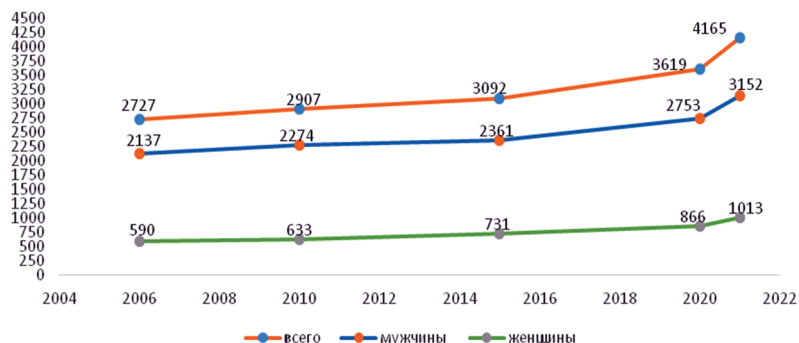

Рис. 1. Мужчины и женщины в государственных политических должностях в Монголии в 2004-2021 гг. Использованы данные из статистического сборника [Төрийн улс төр, төрийн..., 2022, х. 16]

Рис. 2. Состав депутатов парламента Монголии по полу в 1990-2020 гг. Использованы данные из статистического сборника [Улс төрийн шийдвэр гаргах..., 2023, х. 23]

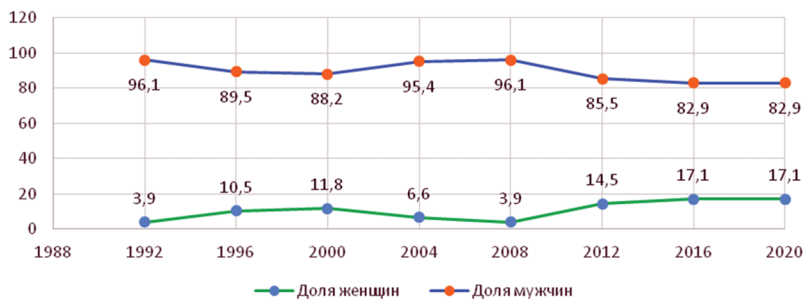

Рис. 3. Доли мужчин и женщин в составе депутатов парламента Монголии в 1992-2020 гг. Использованы данные из статистического сборника [Улс төрийн шийдвэр гаргах..., 2023, х. 23]

Иллюстрации к статье: С.-Х.Д. Сыртыпова.
 ДЖЕБЦЗУНДАМБА-ХУТУХТА БОГДО-ГЭГЭН:
 ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК СИМВОЛ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА
 МОНГОЛОВ

Рис. 1. Схема. Родословная Первого Богдо-гэгэна Монголии,
 Джебцзундамба-хутухты Г. Дзанабазара

Рис. 2. Танка «Совершенство трикайи». Изображения Первого Богод-гэгэна Монголии и его предшествующих воплощений. Шелк, минеральные пигменты, позолота. XVII в. Размер: 45,0×30,0 см. Обрамление из шелка коричневого цвета. Коллекция Б. Амарсаны, Монголия

“ӨНДӨР ГЭГЭЭНИЙ ЖИРАВ”

Рис. 3. Древо духовной преемственности Богдо-гэгэна I (1635-1723) от Сувишудха-Мати (VI в. до н.э.) до Богдо-гэгэна VIII (1869-1924). Медный сплав, выколотка, золочение. Коллекция Р. Бямбаа. Первая половина XX в. Монголия

Рис. 4. Из серии изображений Ундургэгэна Дзанабазара пяти иконографий. В форме нирманакайя Будды с ваджром и колокольчиком в руках. XIX в. Керамика. Коллекция Ц. Батбаяра. Улан-Батор, Монголия

Рис. 5. Ундур-гэгэн
Дзанабазар в форме
нирманакайя Будды
Амитаюса с сосудом
долголетия в руке.
Из серии изображений
пяти иконографий. XIX в.
Коллекция Ц. Батбаяра.
Улан-Батор, Монголия

Рис. 6. Богдо-гэгэн
II Лувсандамбийдонмэ
(1724—1757). Фарфор.
2023 г. Мастер Х. Хадхуу.
Улан-Батор, Монголия

Рис. 7. Богдо-гэгэн VIII
(1869–1924). Глина.
Нач. XX в. Коллекция
С. Гансуха. Улан-Батор

Рис. 8. Портреты воплощений Джебзундамба-хутухты от Ундургэгэна Дзанабазара до Богдо-гэгэна IX Джампел Намдол Чойки Гьялцэна (тиб. jam dpal nam drol chos kyi rgyal mtshan, 1933–2012). Фарфор. Мастер Х. Хадхуу. 2023 г. Улан-Батор, Монголия

Рис. 9. Богдо-гэгэн
 IX Жамбалнамдол
 Чойжижалцан (тиб. 'jam
 dpal nam drol chos kyi
 rgyal mtshan, 1936–2012).
 Скульптура. Бронза,
 цветной пигмент,
 золочение. 2010 г. Центр
 сохранения наследия
 Ундур-гэгэна
 Г. Дзанабазара,
 Улан-Батор

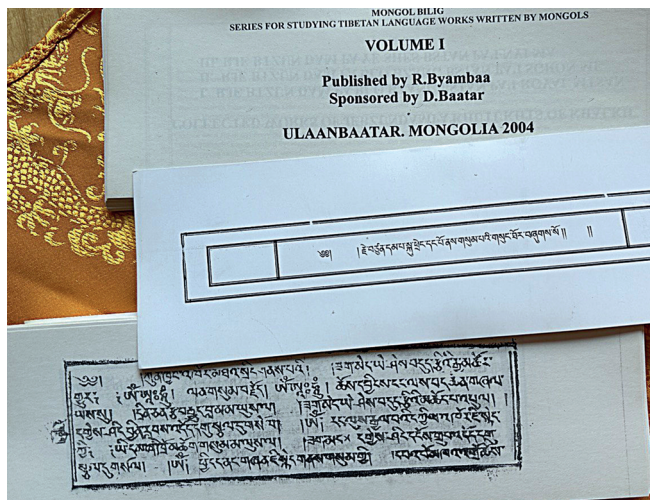

Рис. 10. Переиздание сумбумов Богдо-гэгэнов
 на тибетском языке. Р. Бямбаа. Улан-Батор, 2004 г.

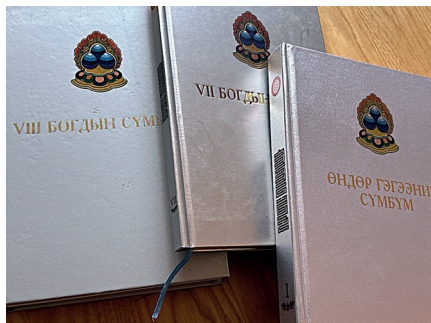

Рис. 11. Сумбумы восемь воплощений Богдо-гэгэна.
Ред. Г. Мягмарсүрэн. Зуун-хүрээ, 2018–2019 гг.

Рис. 12 а. Богдо-гэгэн Х осваивает буддийское искусство построения песочной мандалы. Фото от пресс-службы монастыря Гандантэгченлин

Рис. 12 б. Богдо-гэгэн Х на троне в Батцагаан-сүмэ монастыря Гандантэгченлин. Фото от пресс-службы монастыря Гандантэгченлин

Научное издание

ВЛАДИМИРЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — VII

Редактор *М. Я. Колесник*
Корректор *Н. А. Сидоркина*
Верстальщик *Н. А. Кильдишева*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 20.09.2024. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 13,47. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
тел.: 8(499)653-59-71. E-mail: info@T8print.ru
5076886@mail.ru